

ТАЛЫЦЫ

Тальцы • 1(31) • 2008

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

• АРХИТЕКТУРА • ЭТНОГРАФИЯ • ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ •
• ТОПОНИМИКА • ФИЛОЛОГИЯ •

Издается с 1996 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Э.Г. Павлюченкова. Село Никола у входа в Байкал 3

Л.Е. Латышева. Почти три столетия на Байкале (из жизни купцов Шишеловых) 19

Г.Н. Макогон. История одной усадьбы 31

Е.Ф. Сыроватская. Наказание без преступления 47

АНТРОПОНИМИКА

Л.А. Аболина. Прозвища култучан 60

ЭТНОЛОГИЯ

Л.С. Дмитриева, А.Г. Шахнович. О свадебном ритуале русских крестьян Енисее-Ангара-Ленского междуречья (конец XIX – начало XX в.) 74

Е.Ш. Соломон. Этносоциологический анализ «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина 86

ВОСПОМИНАНИЯ

Н.Н. Михайлова. Наши игры 95

У НАС В ГОСТЯХ

А.Ю. Майничева. Историко-архитектурный музей под открытым небом Института археологии и этнографии СО РАН 103

МУЗЕЙНЫЕ ЭКСПОЗИЦИИ

Т.Н. Гусейнова, Н.Д. Нагайцева, А.Н. Тюрина. Открытие нового музея 108

ВЫСТАВКИ

А.В. Сакович, М.Л. Никифорова. Чай в Иркутской губернии в конце XIX – начале XX века 116

КОНФЕРЕНЦИИ 124

НОВЫЕ КНИГИ 125

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЧКИ

И.Ф. Петров. Сказки 126

НА ДОСУГЕ

Заговоры 133

Учредитель и издатель: ГУК Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»

ЛР 040958 от 01.04.99. ГУК АЭМ «Тальцы»

Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Грязнова, 22. Тел. (8-3952) 24-31-82

Редакционная коллегия: канд. филол. наук Г.В. Афанасьева-Медведева, канд. ист. наук Т.А. Крючкова, канд. ист. наук Ю.П. Лыхин (отв. секретарь), А.К. Нефедьева, канд. культурологии В.В. Тихонов (гл. редактор)

Редактор-составитель номера: Ю.П. Лыхин

Редактор: Г.Д. Лопатовская

Оригинал-макет: С.Г. Червякова

Подготовка к печати: ООО «Репроцентр А1»

Свидетельство о регистрации № И-0236 от 21 декабря 1995 г., выдано Региональной инспекцией по защите свободы печати и массовой информации.

Адрес редакции: Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Грязнова, 22. Тел. (8-3952) 24-31-82, факс (8-3952) 24-31-46, e-mail: talci@irk.ru

На обложке:

С. 1 – Церковь Спаса Нерукотворного Образа из Зашиверска. XVII в. Фото В. Мыльникова (к статье А.Ю. Майничевой)

С. 2 – Церковь Спаса Нерукотворного Образа из Зашиверска и колокольня. XVII в. Вид с севера. Фото В. Мыльникова

– Интерьер церкви Спаса Нерукотворного Образа из Зашиверска. XVII в. Фото В. Мыльникова

С. 3 – «Новые хозяева». Худ. Н.П. Богданов-Бельский, 1914 г. (к статье А.В. Саковича и М.Л. Никифоровой)

– Свадебный поезд. Фото В. Щепина, 2003 г. (к статье Л.С. Дмитриевой и А.Г. Шахнович)

С. 4 – На венчание. У входных врат храма Рождества Пресвятой Богородицы в Иркутске. Фото В. Щепина, 2003 г. (к статье Л.С. Дмитриевой и А.Г. Шахнович)

Подписано в печать 15.07.08. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 6793. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Репроцентр А1», г. Иркутск, ул. Лапина, 1, оф. 101, тел. 203-144.

© ГУК АЭМ «Тальцы», 2008

СЕЛО НИКОЛА У ВХОДА В БАЙКАЛ

*Элита Георгиевна Павлюченкова,
журналист, краевед,
г. Иркутск*

Небольшое селцо Никола, что притулилось у самого истока Ангары чуть пониже Шаман-камня, было исстари известно иркутянам по двум достопримечательностям: Усть-Морской пристани и древнему Никольскому храму.

Так уж устроила природа, что в истоке единственной вытекающей из Байкала реки образовался широкий, спокойный, почти никогда не замерзающий залив. В нем и была устроена Усть-Морская пристань, которая сыграла важную роль в освоении Байкала. Усть-Морской она называлась потому, что в старину устьем (трубкой) называли равно как место впадения реки, так и ее исток. Летом пристань служила перевалочным пунктом, где товары, привозимые «из-за моря», перегружались на сухопутный транспорт, а привезенные из Иркутска грузились на суда. Зимой в пристани отстаивалось несколько десятков купеческих и военных судов.

В связи с Николой в различных документах часто упоминаются такие известные купеческие фамилии, как Сибиряковы, Баснины, Медведниковы. Так что история этого селца, крохотного, но стоящего в ключевом месте, имеет тесную связь с историей Иркутска.

Усть-Морская пристань стала терять свое значение вследствие возникновения поселка Лиственичное на берегу Байкала, постепенно именно к нему перешли функции главной байкальской пристани, пункта, через который осуществлялось торговое сообщение с границей. Но в Николе еще оставалась старинная весьма чтимая Никольская церковь, которую возобновляли всякий раз, когда она становилась жертвой огня или ветшала от времени. Церковь была закрыта в 30-х годах XX столетия.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НИКОЛЫ

Если в середине Байкала ветер изменится и усилится, то очень часто случается, что суда, даже летом, по несколько суток, а осенью иногда по целому месяцу, носимы бывают по Байкалу и пристать никуда не могут.

Н. Семивский.

Новейшие, любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири

В наше время место истока Ангары уже не представляет собой такого зрелища, какое являлось некогда перед глазами путешественника или туриста. Строительство Иркутской плотины подняло зеркало байкальских вод на целый метр, и это несколько умиротворило буйный исход дочери Байкала. Шаманский камень сейчас с трудом можно рассмотреть с берега, а раньше он возвышался над водой довольно значительно.

Однажды, незадолго до затопления, мы взяли в Листвянке лодку и отправились на Шаман-камень. По обеим его сторонам с неправдоподобной быстротой неслись водные струи так, что причалили к камню мы с трудом. Вскрабкались на его неровную, мокрую от брызг поверхность и вынуждены были поспешно сесть: впечатление было такое, как будто Камень сам несется со скоростью поезда к восточным берегам озера. Несмотря на июльское солнце, мы очень скоро стали замерзать в своих летних одеждах.

По преданию, буряты оставляли здесь на ночь человека, преступившего законы или обычаи рода, и, сидя на камне, мы поняли — это было тяжелым испытанием.

Шаман-камень — это вершина скального порога, лежащего в истоке Ангары, дно реки здесь поднималось так высоко, что для судов оставалось лишь два прохода глубиной около метра. Один, ближе к берегу, назывался Береговыми воротами, другой, почти посредине Ангары, — Ангарскими воротами, или Прорвой. Из-за быстроты и силы течения в этих местах груженные суда с трудом пробивались в Байкал, поэтому их часто разгружали в Усть-Морской пристани и снова загружали на лившянском берегу. Словом, это были не очень гостеприимно распахнутые, но единственные в то время на западном берегу ворота на Байкал.

На берегу Усть-Морской пристани стояла маленькая часовенка. На карте С. Ремезова, выпущенной в свет в 1701 году, она обозначена домиком с крестиком наверху и надписью «часовна Николска».

Существуют два предания, объясняющие появление одинокой часовенки. В одном рассказывается, как купцы, переплывавшие на лодке Байкал, попали в шторм. Несколько дней их носило по озеру, и несчастные непрерывно взывали к Господу и Николаю Чудотворцу, моля спасти от неминуемой гибели в пучине морской. И однажды утром обледеневшую, потерявшую управление лодку вынесло в жерло реки Ангары, и тут уже сами мореходы, увидев широкий спокойный залив, кое-как подгребли к берегу. Они на коленях возблагодарили Бога за чудесное спасение и дали обет поставить на берегу часовню.

В эту легенду легко поверить тому, кто из бурного Байкала внезапно попадал в тихий Шигаевский залив. Однажды это случилось с нами; после нескольких часов плавания в моторной лодке по волнующемуся озеру, уставшие от беспрерывных ударов волн в днище лодки, до нитки промокшие и замерзшие, мы вошли в исток Ангары и увидели среди кипенья воды большой спокойный залив. Пристали к берегу и полдня сушились и отдыхали. Это и был тот самый залив Шигаева, куда 350 лет назад выбросило незадачливых мореходов. Надо полагать, что Шигаев был первым человеком, который поставил на заливе пристань.

Никольская часовня на чертеже С. Ремезова. 1701 г.

По другому преданию — часовня возникла при иных обстоятельствах. В 40-х годах XVII столетия казачьему сотнику Ивану Галкину было поручено сделать подробный осмотр Байкала, составить карту, сообщить о его населении, разузнать о рудных месторождениях. Серьезная и длительная экспедиция требовала тщательной подготовки, и в 1645 году дощаники Галкина пристали к берегу Ангары у самого истока. Три года работали судостроители в удобном заливе, создавая флотилию для плавания по озеру, они и поставили для себя часовню во имя Николая Мирликийского, покровителя мореходов.

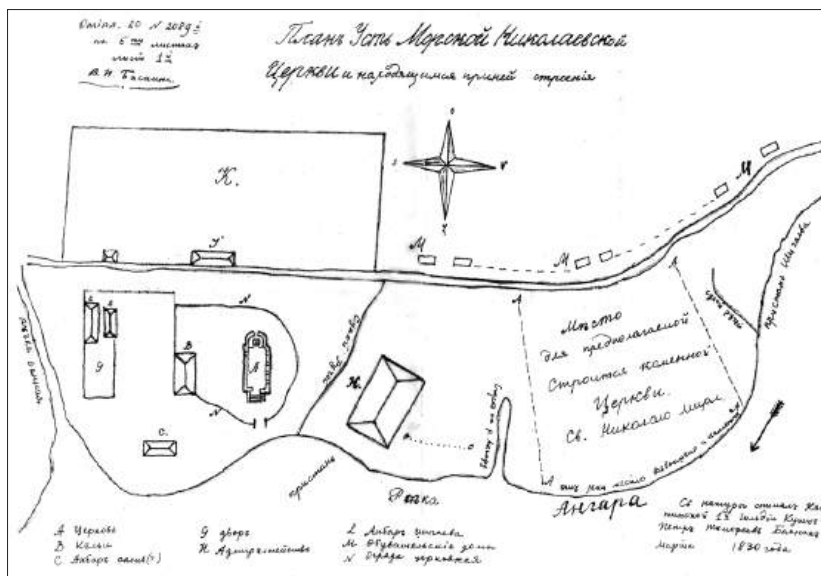
Правда, существует другая версия направления похода Ивана Галкина — от истока реки Лены к Малому морю.

Насколько почитали святителя Николая на Байкале, можно судить по тому, что одновременно с ангарской была построена во имя Николы селенгинская часовня, в устье реки Селенги, а позднее появились Николаевские церкви в Николее, Листвянке, Большом Голоушном, Слюдянке.

В энциклопедическом словаре «Христианство» говорится: «С именем святого Николая скрепляются моряцкие легенды. С самого начала его почитания он считается покровителем моряков и мореплавания... В народных сказаниях морские чудеса Николая занимают выдающееся место: „от потопления спасал и из глубины морския на сухо износил“...» (9, с. 205). И мореходы не только свечи ставили в часовне, но и жертвовали в нее иконы и деньги.

А желающих пересечь Байкал у ангарского истока в конце XVII века было много. Неопределенные отношения с Китаем требовали разрешения либо дипломатическим, либо военным путем. В 1670 году впервые через Байкал отправляется в Китай гонец Абкин. Через пять лет этой же дорогой проезжает первый русский посол в Китай Николай Спафарий. Миссия его была безуспешной, и Россия начинает готовиться к войне. В 1684 году на случай войны срочно строят 20 дощаников, которые могут быстро перебросить людей, оружие и припасы на восточный берег озера. А на следующий год на дощаниках переправляют за Байкал отряд Бейтона в 600 человек с полным вооружением и припасами.

Здесь надо сказать несколько слов о дощаниках. Обычно их представляют небольшими лодками, между тем эти плоскодонные суда часто бывали довольно крупными, до 25 метров в длину, они могли ходить как на веслах, так и под парусами. Несколько тяжеловатые, они имели два бесспорных

План П.Т. Баснина. 1830 г.

преимущества: большую грузоподъемность, до тысячи пудов, и то, что благодаря плоскому дну они могли плавать как по Байкалу, так и по мелководью.

В 1687 году к Никольской пристани прибыл со свитой государев посол в Китай Ф.А. Головин, его сопровождали почти две тысячи казаков и стрельцов. И всю эту уйму народу надо было переправить на дощаниках за Байкал. Головин в своем дневнике первый оставил описание Шигаевского залива. Он отмечал, что это пристань при истоке Ангары, с востока и с запада окруженная береговыми хребтами с песчаным отстоем для судов.

В 1698 году начинаются наконец торговые сношения с Китаем. Торговые караваны раз от раза растут, иногда в них насчитывается до трехсот возов в сопровождении двух сотен человек.

По свидетельству Н. Семивского, почти все проходящие снизу суда освобождались от груза в Никольской пристани и налегке преодолевали сильное течение в истоке Ангары. Товары доставлялись сухопутной дорогой на берег Байкала и на Лиственичном мысу снова загружались на суда.

Зная все это, мы легко можем представить летнюю Никольскую пристань конца XVII века: высокие, заросшие ле-

сами горы, безлюдье и безмолвие, и только в одном месте на берегу Ангары почти постоянное оживление, в заливе приткнулись суда со свернутыми парусами, везде суетятся люди, носят и нагружают на телеги товары, чинят паруса и такелаж перед опасным плаванием, а несколько в стороне от всей этой сутолоки стоит маленькая часовенка с луковичной-куполом.

Часовня находилась в ведении Иркутского девичьего Знаменского монастыря и приносила ему неплохой доход. Но в 1722 году Петр I издал указ о закрытии всех часовен в России, чтобы не было лишних прибежищ для раскольников; часовню заколачивают, иконы и всю утварь из нее увозят в монастырь.

После смерти Петра указ был отменен, и игуменья Акилина спешит подать прошение на имя преосвященного Иннокентия о восстановлении Никольской часовни, ибо «потребность в ней великая». «...Оная часовня стоит на дороге и многие богомольцы имеют усердие молиться Господу Богу и Пресвятой Богоматери, которые ездят за море и из-за моря». Между прочим, Акилина указывает: «...а близ ея жилья никакого нет» (5, № 3, с. 38).

В 1728 году игуменье велено: «...оную часовню во имя Николая Чудотворца на устье Ангары реки у Байкала моря за дальностию от церкви, для моления паки возобновить и Святыя иконы бывшия в ней поставить, а дань с нея пойдет по прежнему» (5, № 3, с. 39).

Постепенно рядом с восстановленной часовней начинают селиться люди. Здесь можно заняться рыбным, извозным, охотничьим промыслами. Возникает небольшое селение, которое по часовне получает название Никола. Это самое первое русское селение на западном берегу Байкала.

По озеру плавают правительственные флотилии и частные суда, которые во множестве вывозят рыбу с севера, с Баргузина, с Селенги. Маленькая часовня уже не удовлетворяет мореходов, пора ее заменять церковью. Постройка церкви отвечает интересам монастыря, и тогдашняя игуменья Агафья Лосева подает о том прошение. Разрешение было получено, нашелся и жертвователь — секретарь провинциальной канцелярии Федор Лапачев. Он взялся построить церковь в Николае во искупление своего греха — отнятие усадебной земли у Троицко-Сергиевской иркутской церкви. И в 1746 году на самом берегу Ангары на небольшом возвышении появилась новая церковь. Она была всего 12 метров длины, с одним куполом, со слюдяными окнами.

Вместо колокольни рядом с церковью стояли два столба,

крытые тесом на два ската, где висели четыре небольших колокола. Для отправления церковных служб монастырь время от времени командировал в Николу священников. За продажей свечей и за церковным имуществом следил избранный церковный староста, он же доставлял в монастырь доходы от церкви. Официальное название церкви — Усть-Морская Николаевская, но в народе ее называли, так же как и часовню, просто Никольской.

На молебнах присутствуют уже не только мореходы, купцы и никольчане, приходят жители соседней Листвянки, приезжают за 15 километров рабочие Тальцинской стекольной фабрики.

На щедрые пожертвования церковь начинает обустраиваться и украшаться. К началу XIX века она уже обшита тесом, к ней пристроена колокольня, где среди прочих висит большой, весом в 15 пудов, колокол. Она уже не одноглавая, а трехглавая, и кресты над главами не деревянные, а железные с цепями.

Внутри церковь блещет золотом и серебром и уже может своим убранством сравниться с иркутскими церквями. В описи церкви за 1816 год перечисляются иконы: «Спас

Никольская церковь. 1904 г.

Фото из книги И.В. Калининой «Православные храмы Иркутской епархии, XVII – начало XX века» (М., 2000)

Всемиловитый в ризе серебряной и позолоченной, на нем Саваоф финифтяный (эмалевый) с клеймами финифтяными». Заметим, что финифть — дорогое украшение. «Образ Николая Чудотворца наложный штилистовый в ризе серебряной под золотом». Штилистовый, вероятно, шестилистный, то есть довольно большой — на его золочение пошло шесть листов сусального золота. «Образ Знамения Пресвятыя Богородицы в серебряной ризе» (2, л. 2). Как видим, все эти иконы довольно дорогие.

Игуменья Знаменского монастыря Илария, дочь купца Баснина, с помощью братьев покупает рядом с церковью большое зимовье с амбарами и службами и собирается здесь ставить лавку с товарами. Врожденная купеческая сметка, видимо, подсказала ей, что торговля на таком бойком месте будет приносить хороший доход: постоянно приплывающие суда, проходящая мимо оживленная сухопутная дорога в Лиственичное — покупателей было бы достаточно, но епархиальное начальство разрешение на открытие лавки не дало, и игуменья от торговли в Николе пришлось отказаться.

Похоже, что дела в Николе идут неплохо — вместо деревянной купцы собираются строить здесь каменную церковь. Ее и начали было строить, да только ничего из этого не вышло.

СЕЛО НИКОЛА В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Главное судоходство по Байкалу состоит в перевозке через него в Кяхту купеческих российских и иностранных товаров, а из оной в Иркутск и во всю Россию, китайских товаров, потому, что кроме как через Иркутск, иной дороги нигде нет в сию знаменитую слободу.
Н. Семивский. Новейшая, любопытная...

Середину XIX века можно считать переломным временем в судьбе Усть-Морской Никольской пристани — важная роль, которую играла пристань в байкальском судоходстве, стала постепенно переходить к ее соседу, поселку Лиственичное.

Постоянные ветра, сырость от незамерзающего залива деляли жизнь никольчан не очень комфортной, и однажды один из них, Роман Кислицын, переселился на берег Байкала в распадок за ближайшим мысом — здесь было гораздо тише и теплее. Рядом поселились несколько иркутских цеховых, мещан и казаков, так возникло новое поселение, названное Лиственичным.

Никольская церковь. 1904 г.

Фото из книги И.В. Калининой «Православные храмы Иркутской епархии, XVII – начало XX века» (М., 2000)

Но пока Листвянка не разрослась, Никола оставалась еще в силе. Сохранилось несколько описаний и документов пристани того времени.

Алексей Мартос пишет в 1827 году: «В 8 часов утра я был уже в сельце Никольском, в пяти верстах от Лиственичного мыса. В нем старинная небольшая деревянная церковь. Здесь всегда зимуют суда, ибо Ангара в своем устье никогда не замерзает. Теперь я насчитал зимующих 2 военных транспорта и 23 купеческих судна» (7, с. 135).

Надо заметить, что кроме упомянутых дощаников по Байкалу уже плавали казенные суда — галиоты с одним штурманом и несколькими матросами и плоскодонные одномачтовые карбазы, или павозки. Кроме того, было множество «партикулярных», то есть частных, судов разной величины и названий и рыбацких лодок.

Примерно в то же время, как и Мартос, Николу описывает и Е. Авдеева-Полевая: «...через несколько часов открылась перед нами великолепная картина взморья (так называется место, где Ангара вытекает из Байкала). Тут находится пристань купеческих судов и деревянная церковь во имя Николая Чу-

***Исток Ангары у села Никола. 1995 г.
Фото Э. Павлюченковой***

дотворца. Мы не остановились тут потому, что намерены были переправляться через Байкал на казенном гальёте...». Они проехали дальше к Лиственничному, где «проезжающих летом и осенью мало, потому что многие садятся на суда у Никольской пристани... Говорят, что теперь купечество, торгующее в Китае, намерено выстроить [в Николе] каменную церковь и уже собрало для этого довольно большую сумму» (З, с. 47).

Это была правда, в 1830 году купец 1-й гильдии Петр Тимофеевич Баснин собственноручно снял план села Никола и указал на нем: «Место для предполагаемой строиться каменной церкви Св. Николаю Мирл.», а рядом пометил: «От реки место возвышено и каменно».

Широкой полосой на плане отмечена сухопутная дорога, она проходила тогда гораздо ближе к берегу, чем теперь. На приречной стороне дороги обозначены «Обувательские дома». Тогда в Николе было всего 10 дворов и немногим больше 30 жителей, причем среди них не числится ни одного крестьянина, только мещане, цеховые и поселенцы. Да и то сказать — никаких сельскохозяйственных угодий близ Николы не было и нет. Только огороды с овощами в усадьбах. Никольчане жили рыбалкой, ремеслом, торговлей, охотой. Правда, была и еще одна статья дохода никольских жите-

лей — приработок появился, когда на входе в Байкал-море поставили таможенную заставу, на которой брали пошлину с товаров, ввозимых с Востока. На мысу дорогу преграждала сухопутная Рогатка, а близ Шаман-камня на якорях стояли специальные таможенные баржи.

Лукавые никольчане находили способы, как обойти таможенников, часть товаров переправлялась таежными тропами в обход, а часть провозили ночью по Ангаре, подкупив или подпоив стражей. О том, как это происходило, еще десять лет тому назад с удовольствием рассказывали старожилы Николы. От них же я слышала, как во время Великой Отечественной войны, когда въезд на Байкал был запрещен, никольчане переправляли людей, которым необходимо было попасть на озеро, всякими сложными и хитроумными способами. Самим никольчанам как жителям прибайкальского села доступ на Байкал был открыт.

Но, однако, вернемся к плану Баснина. У самой реки, чуть повыше сельца, обозначена окруженная оградой церковь, рядом несколько строений, видимо, это и есть купленное игуменьей зимовье. Ближе к Байкалу большой прямоугольник Адмиралтейства, напротив на реке пристань и специально выкопанный канал, обозначенный на плане как «Спуск на р. Ангару», еще выше по течению очертание части большого залива и пометка: «Пристань Шигаева».

Понятно, почему П.Т. Баснин снимал план для строительства каменной церкви — он был родным братом игуменьи Илари и очень много уделял внимания Никольской церкви и жертвовал на нее немало средств, но не совсем ясно, почему через четыре года, в 1834 году, разрешение на постройку из Синода было получено Натальей Дмитриевной Сибиряковой, вдовой известного иркутского купца Ксенофонта Михайловича Сибирякова, а строить церковь начал ее зять Иван Логгинович Медведников.

Все эти люди имели высокий статус в иркутской купеческой иерархии. Писатель Иван Калашников так отзывается о них: «Богатейшими купцами были: Сибиряков... Баснины, Медведниковы... Всё это были люди достойные, умные, готовые на всякое доброе дело» (6, с. 270). И в иркутских летописях эти фамилии часто упоминаются в связи со всякими благотворительными делами.

В Николе начали возводить каменную церковь, но строительство не задалось, о чем пишет сам И.Л. Медведников: «...на фундаменте из серовичного камня положено было не более пяти рядов кирпичей, но которого известь (доставленная из-за Байкала, хорошая) не связала. По освидетельство-

вании было признано, что причиною тому сырость воздуха, и это справедливо, так как при выделке кирпича большое было затруднение в просушке его... Преосвященным Нилом было разрешено на этом фундаменте сделать деревянную церковь» (5, № 36, с. 579).

Новая деревянная церковь была построена в 1844 году, но через четыре года ее перенесли в село Лиственичное, которое к этому времени по населению превосходило Николу уже в два раза.

В Николе осталась старая, сильно обветшавшая церковь. Она еще в 1834 году была отчислена от монастыря и сделана приходской по настойчивым просьбам тальцинских и листвянских жителей. Теперь при церкви постоянно находятся священник и причетник, «...а жалованье им идет от корабельщиков 300 рублей в год».

Старостой церкви избран Александр Ксенофонович Сибиряков, приемный сын К.М. Сибирякова. Поскольку церковные старосты были связаны с материальной стороной святых храмов: церковным имуществом, денежными вкладами, платой за различные услуги, то старостами всегда избирались особо уважаемые, достойные доверия люди. В иркутских храмах эту должность занимали именитейшие купцы: Котельников, Сибиряков, Катышевцев, Несытов.

Село Никола сегодня. 1995 г. Фото Э. Павлюченковой

Купеческая деятельность А.К. Сибирякова была сосредоточена на Байкале, она состояла в устройстве судов, перевозке тяжестей и ловле рыбы. Он и смерть-то свою, по сути, нашел на Байкале: в 1868 году сильно простудился на холодном байкальском ветру, заболел и вскоре скончался.

Александр Ксенофонович исполнял свои обязанности церковного старосты, можно сказать, истово. Он без конца жертвовал храму то подсвечники, то лампы, то деньги на содержание сторожа и просвирни. Ежегодно он обеспечивал церковь ладаном, вином для причастия и мукой для просвиры. Но храм, возведенный более ста лет назад, все больше ветшал — прогнила кровля, покосились стены, служить в нем становилось опасно, и его закрыли.

Однако и закрытый храм продолжал действовать на умы и души людей; по слухам, жители Николы «неоднократно видели в нем необыкновенный свет, некоторые... видели... на месте алтаря три возженные свечи и пред ними старца, молящегося и преклоняющего колена... Из этого видно было, что древний деревянный храм требовал возобновления... и Св. Угодник Божий заступление свое хочет являть в нем» (4, с. 332–333).

К весне 1863 года «усилиями доброхотных деятелей» церковь была полностью отремонтирована, и в один из майских дней при большом стечении народа ее освятил сам преосвященнейший Парфений, епископ Иркутский и Нерчинский. Торжество было подробно описано в «Иркутских епархиальных ведомостях» неким «Очевидцем». Из описания мы узнаем, что кроме местных жителей на освящении присутствовали «благочестивые и почтенные граждане из Иркутска, нарочно сюда за 60 верст приехавшие», что из Листвянской церкви на «торжества перенесена была древняя местнотимая икона Святителя Николая. Народ со свечами и хоругвями... с видимым усердием и радостью нес и сопровождал ее из Байкальской церкви в возобновленную Никольскую» (4, с. 333).

По такому пышному торжеству видно было, что происходило освящение не обычной деревенской церквушки, но храма, почитаемого как местными жителями, так и иркутянами.

Обновленная церковь благополучно просуществовала до января 1901 года, когда случился пожар и строение сильно пострадало не столько от огня, сколько от неумелого тушения. Не тронутой пожаром осталась только колокольня. Церковь отремонтировали быстро, не потребовалось собирать деньги — она имела уже собственный капитал.

При советской власти церковь постигла общая участь всех церквей — в 1930-х годах ее закрыли и устроили в ней клуб.

После постройки плотины Иркутской ГЭС церковь, спасая от затопления, перенесли на новое место, и, по свидетельству местных жителей, совершенно напрасно — она и раньше стояла на достаточно возвышенном месте.

В 1988 году церковь решили приспособить под заезжий двор с гостиничными номерами и чайным залом, но не успели — произошел очередной пожар и часть строения сгорела. Год спустя остатки церкви были обмерены и сфотографированы иркутскими архитекторами, после чего ее перенесли на склады Архитектурно-этнографического музея «Тальцы».

НИКОЛА В КОНЦЕ XX ВЕКА

В самой Николе, видимые через Байкал, по ту сторону лежащие гольцы... представляют вид Байкала самый величественный, какой только вообразить можно.

Н. Семивский. Новейшая, любопытная...

Честно говоря, я не предполагала, что история крохотного сельца окажется такой насыщенной и неординарной. Конечно, не будь здесь Усть-Морской пристани и старинного храма, не было бы ни такой истории, ни такого обилия документов.

В 1990-х годах нам пришлось какое-то время пожить в Николе, и однажды, теплым осенним днем, мы прошлись вдоль деревни по берегу Ангары с баснинским планом в руках. У Николы подъем воды был небольшим и очертания берегов почти не изменились.

На просторном Шигаевском заливе не осталось ни малейших следов от некогда кипевшей здесь бурной деятельности. Там, где было когда-то Адмиралтейство, осталось углубление от канала, по которому спускали суда. На месте, где стояла церковь, расположились будки и домики организации, обслуживающей судоходство на этом участке Ангары.

По пути то и дело затевались разговоры с местными жителями, многих интересовало, что это за бумага у нас в руках, и надо сказать, что нас приятно удивили их доброжелательность и готовность делиться знаниями о прошлом поселка. Один рассказал, как хитроумно никольчане обманывали таможенников, другой — почему его дед называл Николу «Золотым донцем», оказывается, здесь хорошо ловится хариус, потому что из Байкала выносятся много «поеди» — корма. Третий повел нас на кладбище и показал старинные надгробные памятники. Плиты заинтересовали нас настолько, что мы провели целый день, расчищая замшелые надписи.

**Надгробная плита XIX века на кладбище села Никола.
1995 г. Фото Э. Павлюченковой**

Все плиты были, безусловно, изготовлены в городских мастерских — многоступенчатые фигурные края, каллиграфически выведенные или красивые квадратные буквы. Песчаник — камень мягкий, он довольно быстро разрушается, так что удалось частично разобрать надписи только на четырех плитах. Вот они:

Здесь покоится
Иркутская мещанка
Татьяна Николаевна
Сверлова
скончалась 77 лет
13 мая 1866 г.

В память
Иркутск.....щан...
Тихону Филипповичу
Шипунову
...нул.....
... ноября 1845...

Здесь покоится
...Прокопий...
.....
сынъ иркутского
.....
(римские цифры, среди
которых 23 или 73)

.....спить
Иркутский купецъ
.....
.....
18..

Ясно, что тела Шипунова под памятником нет, он утонул, а Байкал редко отдает свои жертвы, поэтому плита положена «в память». Но вот остальные... если эти мещане и купцы были местными жителями, то почему на их могилах дорогие городские памятники, а если это иркутяне, то зачем их везли хоронить в Николу? Впрочем, вспомним, что на Листвянском кладбище есть могилы очень известных иркутян, которые завещали похоронить их на Байкале. Никольская старинная церковь была очень чтимой, а кладбище располагалось в непосредственной близости от нее, опять же жизнь многих иркутян была самым тесным образом связана с Николой.

Сегодня Никола как будто опять в чести, сельцо быстро разрастается, и не только за счет иркутских дачников, здесь ставят себе дома состоятельные иркутяне и некоторые организации. Похоже, что скоро Никола вступит в пору своего второго расцвета.

Автор выражает свою благодарность Наталии Георгиевне Торшиной, любезно предоставившей архивные материалы, которые были использованы в статье.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области. Инв. № 1097. Историческая справка «Усть-Морская Николаевская церковь, д. Никола» / сост. Н.Г. Торшина. Иркутск, 1995 (рукоп.).
2. Государственный архив Иркутской области, ф. 50, оп. 1, д. 1944. Описание Николаевской церкви, что у Байкала-моря, писана 1816 ноября 1 дня.
3. Авдеева-Полевая Е. Записки и замечания о Сибири // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990.
4. Иркутские епархиальные ведомости. 1863. № 22.
5. Иркутские епархиальные ведомости. 1864. № 3; № 36.
6. Калашников И. Записки иркутского жителя // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990.
7. Мартос А. Письма о Восточной Сибири. М., 1827.
8. Семивский Н. Новейшая, любопытная и достоверная повествования о Восточной Сибири. СПб., 1817.
9. Христианство: энцикл. словарь. М., 1995. Т. 2.

ПОЧТИ ТРИ СТОЛЕТИЯ НА БАЙКАЛЕ (ИЗ ЖИЗНИ КУПЦОВ ШИШЕЛОВЫХ)

*Лия Ефимовна Латышева,
кандидат химических наук,
член общества «Родословие»,
г. Иркутск*

Когда-то иркутский городской голова Дудоровский сказал: «Наше предприимчивое и деятельное купечество не убоилось ни убийственного якутского холода, ни морской бездны, ни вражды и неприязни диких народов; открывало пути и способы торговле, развивало ее в самых трудных обстоятельствах, обрцовывало капиталы, упрочивало доверие к себе честностью расчетов» (6). Эти слова справедливы в отношении многих иркутских купцов и в частности Шишеловых.

Анализируя описание этапов развития парохозяйства на Байкале за 90 лет, с 1844 года, байкальского краеведа историка Веселова, приходишь к выводу, что представители купцов Шишеловых трудились на этом поприще половину данного срока. Но поселились они в Лиственичном гораздо раньше.

Появление Шишеловых в Сибири можно датировать 1697 годом. В этот год «1 декабря в царствование Петра I по именному указу в сибирские города для сбора таможенных пошлин и винной продукции был послан оружейник Василий Шишелов с товарищами» (23).

В 1721 году в книге В. Сукачева, посвященной первому столетию Иркутска, упоминается иркутский дворянин Василий Шишелов, назначенный на должность первого судьи города (25). С этого времени фамилия Шишеловых в документах, связанных с Иркутском, появляется часто. В списках ревизий 1722 и 1744 годов числятся разночинцами Василий Шишелов с сыновьями Иваном и Василием, в детях боярских — Алексей Шишелов, иркутский дворянин с крепостными, служитель женского Знаменского монастыря Яков Шишелов (16).

В 1725–1730 годах иркутские цеховые, мещане Шишеловы поселяются на побережье Байкала, положив таким образом вместе с Елизовым, Шипуновым и др. начало заселения поселка Лиственичное (13).

В те годы Байкал изобиловал рыбой и был единствен-

ным источником рыбного продовольствия Иркутского и Забайкальского краев. «Главная народопродовольственная рыба всех сословий: омуль — омуль селенгинский, баргузинский... сверх этих рыб имеются рыбы осетры, таймени, хариусы, сиги, ленки, налимы, щуки, язи, сороги и малоизвестная рыбка, выбрасываемая на берега, называемая голомянкой», — так писал П. Пежемский в своей летописи (17).

Первые представители Шишеловых застали создание и существование Иркутского адмиралтейства, ведавшего постройкой казенных парусных судов — галиотов, перевозивших пассажиров и кладь. В 1839 году Адмиралтейство было расформировано. Появление Указа о кораблестроении, вышедшего «июня 25 дня в лето от рождения Христова 1781, государствования же Нашего в девятое на десять», активизировало деятельность частных парохозяйствладельцев-рыбобромышленников, поселенцев Лиственничного. Указ гласил: «Божией Милостию Мы, Екатерина II, Императрица и Самодержица Всероссийская и проч., и проч., и прочая объявляем всем верным нашим подданным: „Российское купеческое водохозяйство в последних годах царствования Нашего коликое приращение получило, ясно оказывается по числу кораблей и судов ныне по разным водам пла-

Дом С.А. Шишелова в Иркутске. 2005 г.

вающим“, на подлинном подписано собственною Ее Императорского Величества рукою тако: Екатерина» (7).

В 1841–1860-х годах в Лиственичном выросло несколько усадеб, среди них усадьба Александра Шишелова с детьми Семеном, Иваном, Михаилом и Захаром, усадьба И.Г. Ступина — почто-содержателя и судовладельца, Н.И. Кислицина — рыбака и охотника, и Елизова — рыбопромышленника. Все Шишеловы были судостроителями, имели свои суда и ходили по Ангаре и Байкалу, развозя товары из Кяхты, рыбу и разную кладь (9).

В эти же годы в Лист-

веничном добавляются дачи Ивана Шишелова и братьев Александра — Ивана и Григория Ивановичей Шишеловых (8). У Александра Шишелова под строениями, огородами и выпасами для скота находилось 2 десятины 2 340 сажень земли, или 290 соток. Усадьба стояла на побережье у реки Крестовки, впадающей в Байкал. Сразу оговорюсь, я не ставлю своей целью воспроизведение истории пароходства на Байкале, а лишь упомяну участие купцов Шишеловых на этом поприще. Байкальское пароходство, которое проработало 14 лет, с 1870 по 1884 год, было создано братьями Шишеловыми совместно с иркутскими купцами 2-й гильдии Могилевым и Елизовым. Став преемником ранее действовавшего на Байкале пароходства «Наследники Мясникова и порутчик Д.Е. Бенардаки», с марта 1875 года Товарищество приняло на себя обязательства выполнения срочных почтовых перевозок, срочных буксировок, осуществления пассажирских и озерно-морских поездок.

С созданием Байкальского пароходства на побережье Лиственичного впервые появилась пристань с молом. Она была построена рядом с территорией усадьбы Александра

Илья Семенович Шишелов.
Начало XX в.

Шишелова у впадения реки Крестовки в Байкал и называлась «Крестовая пристань» или Шишеловская. Организаторами первой гавани, а затем и механической мастерской Товарищества были иркутские купцы Ф. Елизов, И. Могилов и Иван Александрович Шишелов. Павел Семенович Шишелов вспоминал: «Раньше суда и пароходы становились на якорь на деревянные срубы, сколоченные в виде куба из коротких толстых обрубков бревен. Они назывались боканы» (10).

Байкал объединил обе ветви рода Шишеловых, которые отличались по роду деятельности в Иркутске (21). В 1872 году соучредителями срочного буксирного пароходства стали Иван и Петр Федоровичи Шишеловы (20). Георгий Михайлович Шишелов в 1908 году работал на ледоколе «Байкал» (24). В 1914, 1915 годах он являлся старшим машинистом железнодорожных переправ Лиственичного (19; 27).

В ноябре 1881 года Иркутское губернское правление засвидетельствовало договор о продаже кяхтинских пароходов «Иркутянин», «Байкал», барж «Урга», «Кяхта», полубарж «Чайка» и «Лебедь» купцам Г. и Ф. Шишеловым (18). Жесткая конкуренция за право работать на Байкале, за рыбные промыслы с участием крупных пароходоладельцев Коковина, Немчинова, Мясниковых и др. приводила к перепродаже как пароходств в целом, так и отдельных пароходов новым владельцам.

Товарищество Сибирского пароходства, или Сибирской компании Шишеловых, было создано 17 июля 1885 года. В него входили С.А. Шишелов, В.М. Свинын и братья Глазковы. Это было крупное пароходство, в его составе было восемь пароходов: «Иннокентий», «Иоанн», «Феодосий», «Петр и Павел», «Забияка», «Рыбак», «Кучум» и «Ермак». Все пароходы, за исключением «Кучума», служили до смены государственной власти в России. Компания занималась доставкой грузов по рекам Ангаре, Селенге и озеру Байкал (10). Обслуживало пароходство и рыбные омулевые промыслы. Рыба доставлялась в арендованные на берегу Ангары рыбные лавки, через специальную рыбную пристань (5). На пристани береговой смотритель 1-го участка Ангары составлял для управы сведения о количестве полученной от рыбопромышленника (бочках, бочонках, лагунах) и сложенной на берегу рыбы. Товарищество Байкальского пароходства и торговли в 1907 году 30 июня сдало 10 бочек соленой рыбы, нерпичий жир на 268 рублей 20 копеек (6). В 1900 году 14 июля Илья Семенович Шишелов поставил на продажу восемь бочек соленого омуля

Дом А.Н. Трофимченко в Иркутске. 2005 г.

(в бочке 1 500 штук), Елизов — 57 бочек (5). Омуль развозился по всей Сибири и Забайкалью, но 75 % всей добываемой рыбы потреблял Иркутск (17).

Шишеловы продолжают обосновываться в Лиственичном. В 1886 году расселяются дети Александра Шишелова. Семен Александрович имеет свой отдельный дом, контракт на землю, кухню, флигель, конюшню под навесом и завозню. Иркутская мещанка вдова Марфа Семеновна Шишелова владеет землей по контракту, дом сдает в аренду под почтовую станцию за 200 рублей в год. Елена Ильина Шишелова, вдова иркутского мещанина, живет в Листвянке уже 43 года. Весь год держит постоянный двор, имея двухэтажный флигель, амбары, конюшню. Контракт с казенной палатой оформлен с 1843 года на 99 лет. Держит хозяйство: лошадей, свиней, кур (9).

Лиственичное — селение приветливое и гостеприимное. Обитатели поселка, привычные к невзгодам, трудностям и неожиданным ситуациям, всегда готовы прийти на помощь тому, кто в ней нуждается. И отношение к государственным преступникам, ссыльным в Листвянке милосердное и доброжелательное, как к людям порядочным и честным, которые

умеют трудиться. Не раз помогало население Лиственичного научным экспедициям, в том числе Б. Дыбовского, Б. Петри. Когда Дыбовский был на поселении в Забайкалье, он писал, что читинский чиновник, некто Шишелов заинтересовался его исследованиями и помог ему и Годлевскому выхлопотать переезд на минеральные воды в Дарасун. А затем после окончания работ тот же Шишелов помог переехать в Иркутск, отправив Дыбовского и Годлевского к своему брату в Лиственичное. По описанию Дыбовского, Иван Александрович Шишелов оказался человеком степенным и благожелательным, как и его брат. Посоветовал поселиться в Култуке в пустующем доме инженера Пермикина (15). Из дневника Дыбовского

Семья С.А. Шишелова. В центре — Семен Александрович и его жена Мария Ивановна, слева от Семена Александровича — дочь Мария с мужем Александром Трофимченко, далее семья сына Ильи (Илья Семенович, жена Екатерина Васильевна, дети Наталья и Степан), сзади Семена Александровича — племянник Иван Иванович Шишелов, справа от Марии Ивановны — семья сына Павла (Павел Семенович, жена Ирина Андреевна и дети Георгий /стоит/, Климент, Петр /на руках матери/). Около 1900 г.

го 1869 года: «поправлял здоровье, лечился хиной, массажами и горячей баней в доме Шишелова» (в Листвянке). Случалось и иное. В Листвянке у Дыбовского и Годлевского украли лошадей. Из дневника: «Только благодаря помощи дежурного таможенника и купца Шишелова, и энергичной деятельности исправника лошади были найдены» (15).

Частные товарищества, пароходы которых ходили по рекам и Байкалу, получали от правительства значительные субсидии,

и последнее периодически инспектировало состояние пароходов и безопасность их плавания (3, д. 324). Отмечая предприимчивость местного населения, его желание завести пароходство, вкладывание больших средств в постройку и приобретение с далеких заводов котлов и механизмов, корабельный инженер Заблоцкий обращал внимание генерал-губернатора на необходимость «постройки и осмотра уже плавающих судов... специалистами кораблестроительного дела». Обследование в 1900 году судов Сибирского пароходства показало, что пароход «Лебедь» «без полного ремонта самостоятельно плавать не должен, лучше его переделать в баржу. Осмотр парохода «Петр и Павел», на котором И.С. Шишелов присутствовал лично, показал следующее. Пароход оснащен средствами для тушения, но имеет хотя и большую лодку на буксире, но одну. Пассажиров судно не перевозит, занимается перевозкой грузов на себе и баржах. Вывод комиссии: «желательно было бы, чтобы прочие пароходовладельцы хотя бы позаимствовали с парохода „Петр и Павел“ судовые устройства, мало-мальски обеспечивающие плавание по озеру Байкал» (3, д. 88).

Отличаясь, как сказал Дударовский, «честностью расчетов»,

**Екатерина Павловна Шишелова.
Февраль 1940 г.**

**Екатерина Павловна
Шишелова. Около 1966 г.**

Шишеловы «упрочивали доверие к себе» властей города. И.С. Шишелов 21 января 1914 года вошел в комиссию по разработке задания на постройку постоянного моста через Ангару (19). С мнением его как специалиста считались. В журнале совещаний по распоряжениям иркутского генерал-губернатора о субсидировании казной пароходных сообщений по реке Лене и озеру Байкал от 15 ноября 1907 года читаем: «Имею честь почтительно указать имена лиц, могущих быть полезными при обсуждении данных, касающихся плаванья по водам Иркутского генерал-губернаторства, а именно — по озеру

Байкалу — Шишелова И.С., по р. Ангаре — Могилева И.» (3, д. 305).

К властям города члены Сибирского товарищества относились с почтением и доброжелательно. За год до приезда цесаревича Николая пароходовладельцы В.Д. Могилев и И.С. Шишелов обратились с заявлением, в котором они предлагали в распоряжение генерал-губернатора для поездок цесаревича по Байкалу пароход «Иннокентий». «Плату за экскурсионные рейсы мы не только не мыслим получать, но даже сочтем за счастье оказать такую услугу будущему монарху». Купцы предусмотрели вынужденные остановки в случае ненастья, отремонтировали за свой счет дорогу от станции Мысовая до пристани. Однако после осмотра парохода комиссия сочла пароход без устранения неполадок с котлом и цилиндрами непригодным для пассажирского плаванья (2).

С 1901–1902 годов ситуация в России стала меняться: рост рабочего класса, развитие революционного движения,

растерянность царского правительства. Сказывалось такое состояние и на предпринимателях и товариществах. Вот как описывает И.И. Попов состояние Сибирского пароходства после 1905 года: «Частные пароходства, кроме влачившего жалкое существование Немчиновского, совершенно исчезли. Плоскодонные пароходы были увезены в Иркутск, где они перевозили гуляющую публику в кафе-шантаны и увеселительные сады на „Царь-Девницу“ и „Звездочку“. Рыбные промыслы упали» (26).

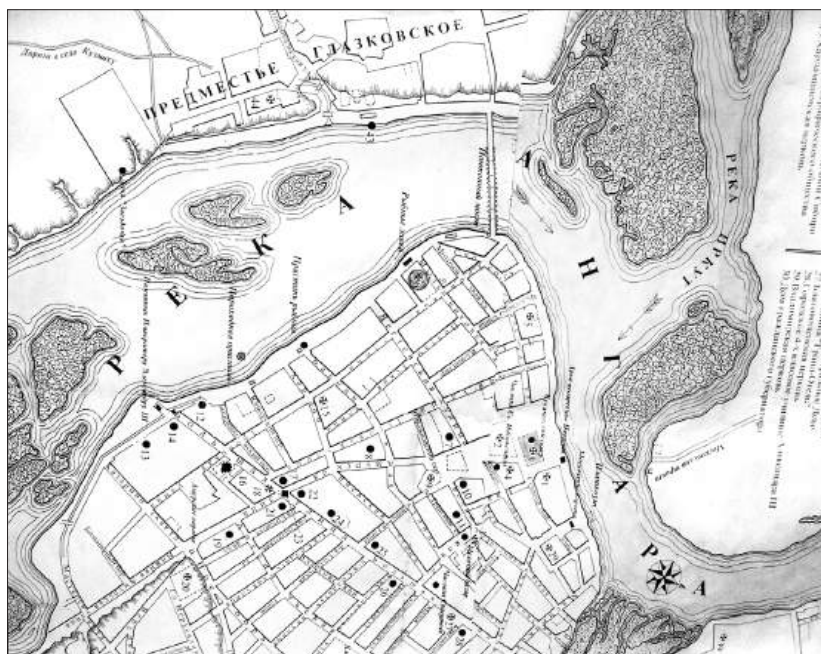
Из восьми пароходов Сибирской компании Шишеловых «Иннокентий» в 1906 году был продан пароходству Немчинова и К°, пароход «Петр и Павел» продан компании Коковина, «Рыбак» сгорел в 1903 году, «Феодосий» с 1885 по 1912 год работал на Ангаре, «Кучум» и «Ермак» были проданы в Иркутск для перевозки грузов, оба парохода плавали с 1887 по 1912 год (10).

Самый младший из братьев, Павел Семенович Шишелов, скончался, можно сказать, в дороге. Поездка из Иркутска в Большое Голоустное, где он с семьей проживал с 1920 года, проходила через Лиственичное. По дороге при посадке в лодку для поездки домой Павел Семенович упал и скончался. Это произошло 22 июня 1926 года. Шишелову было 68 лет. Его семью ожидала ссылка в Туруханск. Только благодаря активной защите жителей Большого Голоустного семью П.С. Шишелова не сослали, и до 1937 года они жили в доме, построенном отцом в этом селе.

Несколько слов о домах Шишеловых-пароходовладельцев. Они были построены в 1-й части Иркутска вблизи от пароходной и рыбной пристаней и рыбных лавок на улицах Набережная Ангары (бульвар Гагарина), 58, 64, 68; Баснинская (Свердлова), 52, 58, Дегтевская (Российская), 68. Это хорошо видно на карте Иркутска 1900–1917 годов. Многие из домов сохранились до сих пор. Дом Семёна Александровича на улице Набережной, 66/1, угловой, являлся родовым домом Шишеловых. В нем родились и проживали его дети, внуки и даже правнуки (21). В годы существования Сибирского пароходства в этом доме располагалась контора пароходства. А с 1901 года дом был оформлен как «Доходный дом цехового С.А. Шишелова» (1). Соседний дом на Набережной, 64 — дом Трофимченко, зятя С.А. Шишелова. Эти дома находятся в исторической части города и с 1981 года — под пристальным вниманием Центра по сохранению историко-культурного наследия (ЦСН). Из экспертного заключения,

любезно предоставленного сотрудником ЦСН, которое было составлено в 2001 году: «...рекомендуется рассмотреть возможность переноса памятника архитектуры местного значения „Дом жилой Трофимченко А.Н.“ с бульвара Гагарина, 64 на ул. Коммунаров, 25. Для сохранения исторического окружения переносимого памятника, рассмотреть возможность переноса „Доходного дома С.А. Шишелова“ на соседнюю усадьбу — ул. Коммунаров 23, с отсутствующим главным домом» (1).

И последнее. Известно, что большая часть переселенцев в Сибирь, в Иркутск была из северных провинций России. На новые места проживания они несли свой жизненный уклад, свои представления об окружающем мире, привносили свое мастерство и профессии. Из воспоминаний Екатерины Павловны Шишеловой, дочери Павла Семеновича, прямой наследницы пароходовладельцев Шишеловых, которая до сих пор живет в Лиственичном: род Шишеловых ведет свое происхождение от поморов, этнической группы русских, про-

**Фрагмент плана города Иркутска.
Участок, где располагались дома Шишеловых**

живавших на побережье Белого и Баренцева морей. Предки поморов — в основном выходцы из Великого Новгорода, занимались поморы морскими промыслами и судостроением (14; 22). Как утверждает эта удивительная женщина, сохранившая в свои 90 лет прекрасную память, в Лиственичное Шишеловых пригласили как ремесленников. Более того, название ветра «шелонник» на Байкале появилось с приездом сюда поморов. Из словаря В. Даля: «ше(а)ловник на море разбойник, это юго-западный ветер» (14). На Байкале шелонником называют не юго-западный, а юго-восточный ветер (11). Когда это название ветра появилось на Байкале, установить не удалось. Но то, что Шишеловы, о которых написана эта статья, — пароходостроители, рыбопромышленники, мореплаватели, обладали всеми качествами поморов, не вызывает сомнения. Всей своей жизнью из поколения в поколение они это доказывали.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области. Инв. № 799. Доходный дом цехового С.А. Шишелова, 1901 г. Экспертное заключение по уточнению историко-культурной ценности объекта. Иркутск, 2001.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 31, оп. 1, д. 321.
3. ГАИО, ф. 31, оп. 3, д. 88, 305, 324.
4. ГАИО, ф. 50, оп. 6, д. 1.
5. ГАИО, ф. 70, оп. 3, д. 923. Об отдаче в аренду частным лицам мест на берегу Ангары для торговли рыбой.
6. ГАИО, ф. 70, оп. 3, д. 8694. О зрителях на берегу.
7. ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 538. Правительственный Указ о кораблестроении.
8. ГАИО, ф. 2693, оп. 1, д. 6. Материалы о первоначальном заселении Сибири и освоении Лиственичного.
9. ГАИО, ф. 2693, оп. 1, д. 17. Из описания землевладельцев мещан и цеховых порознь проживающих в Николе и Лиственичном.
10. ГАИО, ф. 2693, оп. 1, д. 20. Последовательные этапы развития пароходства на Байкале.
11. Галазий Г.И. Байкал в вопросах и ответах. 3-е изд. М., 1988. С. 207, 208.
12. Голенкова А.И. Следопыты Байкала: очерки. Иркутск, 1986. С. 16.

13. Грищев В. Село Лиственичное // Земля Иркутская. 1994. № 1. С. 34–37.
14. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 3. С. 619, 628.
15. Дневник доктора Бенедикта Дыбовского с 1862 по 1878 г. (Рукописный перевод отдельных глав М.Я. Бушман). Львов, 1930. Т. 3–4. С. 467–614.
16. Иркутск: Материалы для истории города XVII–XVIII столетий. М., 1883. С. 24, 25, 27.
17. Иркутская летопись П.И. Пежемского и В.А. Кротова. Иркутск, 1911. С. 11.
18. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост. Ю.П. Колмаков. Иркутск, 2003. С. 80, 269.
19. Календарь-справочник по г. Иркутску и Иркутской губернии на 1914 г. Иркутск, 1914.
20. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 1999. Т. 4, кн. 3. С. 34.
21. Латышева Л.Е. Купцы Шишеловы в Иркутске // Тальцы. 2005. № 2 (25). С. 38–52.
22. Малая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1959. Т. 7. С. 412.
23. Межов В.И. Сибирская библиография. СПб., 1891. Т. 1. С. 99.
24. Памятная книжка Иркутской губернии 1908 года. Иркутск, 1908.
25. Первое столетие Иркутска / изд. В. Сукачев. СПб., 1902. С. 132.
26. Попов И.И. Минувшее и пережитое: Воспоминания за 50 лет. Л., 1924. Т. 11. С. 324.
27. Справочник по городу Иркутску и Иркутской губернии на 1915 г. Иркутск, 1915.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ УСАДЬБЫ

*Галина Николаевна Макогон,
директор Заларинского районного
краеведческого музея,
пос. Залари Иркутской области*

В 180 километрах по Московскому тракту к западу от Иркутска раскинулось старинное сибирское село Залари. Оно возникло в петровские времена в самом начале XVIII века, органично вошло в состав Иркутской губернии как Заларинский станец, потом слобода, волостное село и наконец с 1926 года числится районным центром Иркутской области. Заларинское село имеет интересную историю, выражающуюся во множестве ярких событий, в многоликих судьбах заларинского населения из 10–14 поколений, в жизнедеятельности отдельных домов, учреждений, организаций. Село и земли района считаются провинциальной частью Иркутской области. Именно эта провинциальность тормозила, сдерживала профессиональное цельное изучение, исследование истории этой малой части «страны Иркутской». Однако в последнее десятилетие удастся восстановить яркие фрагменты заларинского прошлого. С одной из страниц этого прошлого, которая демонстрирует судьбу архитектурного памятника в течение ушедшего века, судьбу нескольких поколений одной семьи, место их в общей иркутской истории, и хочется познакомить читателя. На мой взгляд, она показывает роль малых сел в губернском или областном масштабе, подчеркивает тесную взаимосвязь города и села, духовный контраст и единство, общность и разницу уклада жизни прошедших и нынешних времен, наше отношение к духовным ценностям в целом.

Совсем недавно, в 1990-е годы, федеральная трасса по бывшему Московскому тракту претерпела значительные изменения в своей траектории: она была спрямлена и перестала проходить внутри многих притрактовых сел. Залари не оказались исключением. Почти 250 лет тракт (его так и называли в селе) проходил по центру села и был главной его улицей. Все, кто ехал по тракту извозом в начале XX века (улица называлась Купеческой), в 1930–1940-е годы —

Семьи Курсановых и Семеновых. В центре Гавриил Григорьевич и Дарья Алексеевна (урожденная Семенова) Курсановы. Второй справа в первом ряду — политический ссыльный из Илимска, домашний учитель детей Курсановых. 1910-е гг.

на грузовиках (улица стала носить имя начальника милиции Дурейко), в 1950–1960-е годы — рейсовым автобусом в соседние Кутулик, Шахту Владимира (с этих пор улица обрела классическое имя — Ленина), все могли видеть в приречной части села ряд деревянных двухэтажных тароватых, каждый на свой лад, домов с прилегающими к ним земельными участками. Это были дома местных крупных торговцев — купцов Я.И. Швеца (в его дома останавливался цесаревич Николай в 1891 году, а следом за ним — политссыльный П.П. Постышев), А.С. Солонина, Ф.А. Иванова, П.П. Гусева. Дома в 1920-е годы будут либо конфискованы новой советской властью, либо оставлены хозяевами, и с тех пор в них станут располагаться общественные организации: Дом культуры, библиотека, прокуратура, райфо, милиция. Среди этих купеческих владений только одно не испытает метаморфоз революционного времени — торгово-хозяйственная усадьба купца Гавриила Григорьевича Курсанова. Она как была прежде всего магазином, торговой лавкой в дореволюционное время, так и в советское время все 70 лет оставалась магазином (№ 5), расположенным по улице Ленина, 51.

С усадьбой Г.Г. Курсанова соседствует здание бывшего двухклассного училища Министерства народного просвещения (ныне мастерские Заларинской неполной основной средней школы), а через дорогу (тракт) наискосок расположено здание бывшей волостной управы (ныне редакция районной газеты «Сельская новь»). В настоящее время весь архитектурный ансамбль бывшей улицы Купеческой, к великому сожалению, утративший многие части, составляет малый квартал большого села, но представляет любопытную историю в своем зачатке, развитии, жизни.

История этого купеческого ансамбля в Заларях восходит, как уже упоминалось, к Транссибирской железной магистрали, построенной у нас, в Восточной Сибири, в 1890-х годах. С ее запуском началось «Великое переселение народов» в Сибирь и на восток из Европейской России.

На нынешней территории Заларинского района в то время размещались населенные пункты 11 волостей (из них 5 вмещались полностью, а 6 — частично). Эта большая территория охватывала 7 600 квадратных километров. Люди уезжали со своей исторической перенаселенной родины тысячами — целыми деревнями, селами, улицами, колонийными и земляческими сообществами — на обживание нетронутых сибирских просторов. Для удобства приема переселенцев Иркутская губерния делилась на подрайоны. Заларинская волость

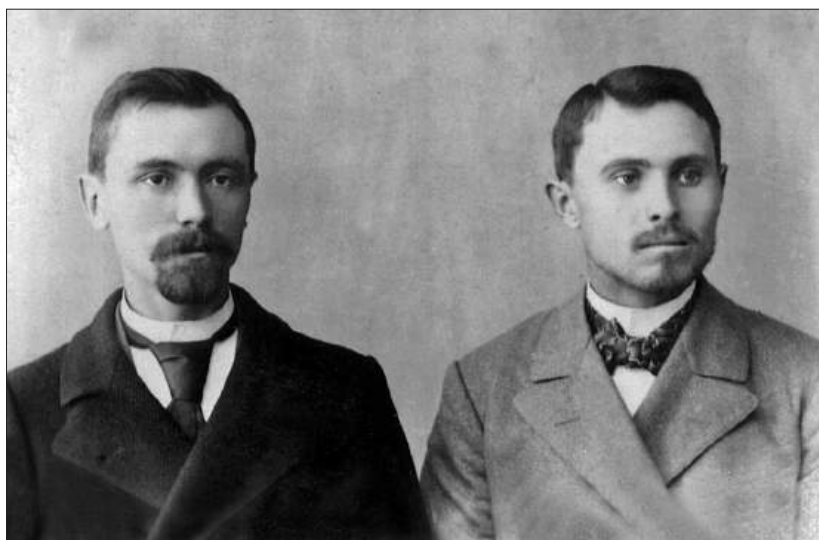
***Дарья Алексеевна и Гавриил
Григорьевич Курсановы***

и земли в глубинке тайги образовали IV Око-Тагнинский подрайон. Переселенцы приезжали на железнодорожные станции Тыреть и Залари, где их встречал и давал указания к дальнейшим действиям расторопный чиновник особых поручений Переселенческого управления Адам Адамович Райнерт. Огромной людской массе из глав семей, женщин, стариков, детей, рождавшихся подчас в дороге, по прибытии после долгого, изнурительного, тревожного пути требовались продукты, спички, керосин, мыло, соль, хозяйственный инвентарь, семена, лошади, коровы. Все это было необходимо для достижения их цели — осесть на новом месте. У крестьян, двинувшихся в этот великий путь в 5–6 тысяч километров, на руках были денежные ссуды — государство в лице Переселенческого управления поддерживало их живыми деньгами. Надо было удовлетворить спрос тысяч переселенцев, а старожильческие села до столыпинской реформы вели тяжелый, неповоротливый образ жизни с уклоном на извоз и землепашество. Требовались энергичные предприимчивые люди, которые с самого начала смогли бы обеспечить переселенцев всем необходимым. Так возникла интересная историческая ситуация в каждом волостном и большом старожильческом селе — созданы предпосылки для быстрого порождения волостного купечества.

Историческая ситуация была использована — возникли

торговый рынок, предпринимательство. Удивительно быстро появились купеческие дома, образовавшие улицы Купеческие. Это было типично для Кимильтея, Зимы, Заларей, Кутулика и других сел. Дома, как правило, имели при себе торговые лавки. Отметим, что первоначальное старожильческое ядро села Залари находилось на берегу реки Заларинки и представляло собой типичную для Сибири крестьянскую застройку — небольшие низкие дома с двускатными крышами, при них мелкие сараи, огороды. Особенностью старожильской части населения была их причастность к ямщицкому делу: в при трактовом селе население в основном занималось извозом, почтовой гоньбой. При домах имелись постоянные дворы, где путники грелись, отдыхали, меняли лошадей. Новая прослойка населения, купцы, «лавочники» — так их называли местные — своими домами продолжили село, удлиннили трактовую улицу уже подальше от реки. Купеческая улица значительно отличалась от старожильской части. Дома более состоятельных хозяев отстраивались уже двухэтажные, они имели мезонины, балкончики, были украшены деревянной резьбой каждый на свой лад.

При домах имелись усадьбы, в которые входили амбары, подвалы и т. д. Усадьбы ограждались высокими основа-

**Василий Григорьевич (слева) и Гавриил Григорьевич
Курсановы**

Семья Курсановых. Пятый слева во втором ряду — Григорий Васильевич Курсанов, слева от него — сыновья Василий Григорьевич с женой и приемной дочерью Манефой на руках и Гавриил Григорьевич с женой Дарьей Алексеевной и детьми, справа — сын Иннокентий Григорьевич с женой и детьми. 1910-е гг.

тельными заборами — тарасами. Часто при постройке стал использоваться местный материал — бутовый камень. При строительстве таких усадебных домов требовалась работа целого строительного подряда.

В начале XX века из всех заларинских купцов выделялся Гавриил Григорьевич Курсанов. Согласно документам, он числился крестьянином Холмогойского сельского общества. Холмогой — большое старожильческое село в 20 километрах от Заларей. В Залари он переселился в 90-х годах XIX века и завел здесь два жилых дома и шесть магазинов в разных частях села. В народной памяти сохранилось название одного из курсановских магазинов — Красный магазин. Он находился на Красной Горке, в старожильческой части Заларей, а назывался так по причине торговли в нем красной мануфактурой (т. е. тканями).

Внушительней других выглядела и главная торгово-хозяйственная усадьба купца, так как здесь было наиболее оживленное место торговли и движения людей. Общий удельный вес в торговле среди заларинских купцов у Г.Г. Курсанова

составил на 1913 год 17 % (22 % — у Б.Ф. Писанко, 13 % — у брата Гавриила, В.Г. Курсанова, 11 % — у Я.И. Швеца). Общий годовой оборот денег у Г.Г. Курсанова за 1910 год — 20 тысяч рублей.

Сегодня усадьба занимает 1 295 квадратных метров земли. Столько же примерно площади отсечено у нее в советские времена за ненадобностью: советский магазин № 5 имел меньший размах. Сохранившаяся половина — торговая площадка. Несомненно, что строительство усадьбы велось профессионально. В 2003 году во время промывания стен одного из лабазов работник музея И.В. Соловьева нашла запись химическим карандашом на стене: «Строительство амбаров завершено подрядчиком Беловым в 1903 году». На двери этого и соседнего помещений глубоко в дереве вырезаны слова: «лабазь 1», «лабазь 2».

Постройки торговой части располагались так. Усадьба начиналась с дома-магазина, фасад которого выходил на тракт. С улицы в дом входили покупатели, оказывавшиеся в торговой лавке. За стеной от лавки шла вторая, жилая, часть — здесь обитали хозяева. В семейном архиве потомков Г.Г. Курсановых сохранилось фото внутреннего убранства дома. Дом имел мезонин, причелины по периметру всего дома были украшены ажурной деревянной резьбой. В начале 1990-х годов автору удалось найти фотографию первоначального вида дома с мезонином, однако последующие музейщики в 1995–1999 годах из-за ее неприглядного вида от нее избавились.

В усадьбе Г.Г. Курсанова находился еще один дом, в котором была контора магазина. Сруб его составили 11 бревен особой ангарской породы лиственницы. Дерево отличается удивительный золотистый, мягкий, не угаснувший от времени цвет. Прелесть его чувствует всякий, имеющий художественный вкус. Дерево этой породы крепкое, чем и ценно. К дому пристроены два складских помещения, которые образуют в периметре усадьбы ее вторую сторону. Перпендикулярно, точнее — Г-образно, расположена и третья сторона усадьбы, и тоже из двух складов. Эти-то склады и были включены в Свод памятников истории и архитектуры Иркутской области в 1994 году во время инвентаризации памятников области специалистами Центра по сохранению историко-культурного наследия И.В. Калининой и Л.Г. Басиной.

Один из складов имеет уникальное двухэтажное каменно-деревянное исполнение. Нижний этаж сложен из крупных блоков бутового камня. Это был ледник усадьбы. Его длина 14 метров, самый длинный из всех амбаров. Верхний этаж

**Дети Г.Г. Курсанова (слева направо): Иннокентий 1902 г. р.,
Агния 1904 г. р., Еликонида 1898 г. р., Валентина
1906 г. р., Мария 1900 г. р. Около 1909 г.**

бревенчатый и состоит из трех лабазов. Углы помещения рублены «в лапу». Торцы выступают «щеками», здесь образуется проход в виде сквозной галереи амбара. Отсюда с высоты можно наблюдать за всем, что происходит в усадьбе.

Второй амбар расположен в одну линию с первым, тут же, без всяких промежутков. Он тоже двухэтажный. Стены целиком бревенчатые, тоже с рубкой «в лапу». На обоих этажах по два лабаза. На первом этаже между лабазами и ледником имеется любопытное пространство — это сквозной проезд через амбары в «отсеченную» вторую половину усадьбы. Проезд этот — дань крестьянской плотницкой сметке, он продуман как чалдонская завозня в меньшем доме. В него завозили груз на подводах. Он мог оставаться здесь на время до разгрузки либо сразу разгружался — главная задумка была в том, что груз и действия с ним были скрыты от глаз лишних и любопытных людей, каковые случались на усадьбе. Лошадь не надо было разворачивать. Освобожденная от груза, она следовала вперед на свою «законную» территорию, находившуюся на задах амбаров. Там был хоздвор: конюшни, хомутарни, кузни, ясли для овса и сена, привязи. В кузне имелся станок для подковки лошадей. Колышки для привязей лоша-

дей были здесь в немалом количестве — они долго сохранялись и в советское время. Вся эта площадка в 1930-е годы объединялась у местных жителей названием «конный завод». Видимо, коневодство у Курсанова было поставлено хорошо.

Усадьба была ограждена высоким бревенчатым забором. До сих пор по остаткам столбов еще можно определить контуры «завода» — настолько забор был капитальный. Жизнь за забором, внутри усадьбы, кипела бурно, активно: владелец ее славился в округе хозяйственным размахом, демократичным отношением к покупателям и своим работникам. Он являлся хозяином не только усадьбы, но и села. Народ не боялся его, а наоборот — тянулся в усадьбу, которая была привлекательна и с материальной, и с духовной точек зрения.

Первое время торговля Г.Г. Курсанова держалась на сбыте населению товаров первой необходимости: мануфактуры, чая, а также посуды (сказывались связи с близлежащим Товариществом Перевалова, Щелкунова и Метелева при Хайтинском фарфоровом заводе). Доставка товаров шла обозами из Иркутска, Черемхово по тракту. В работниках нужды не было: местные крестьяне шли внаем к купцу. Курсанов был точен и исполнителен в расчетах с людьми, хороших работников поощрял подарками для домашних, в общении был обходителен, отличался порядочностью, надменности и

Усадьба Г.Г. Курсанова. Конец 1950-х – начало 1960-х гг.

Магазин № 5 в поселке Залари. 2000-е гг.

высокомерия был лишен. В усадьбу везли и несли на продажу излишки натурального хозяйства, здесь также можно было приобрести необходимое. Тут же всегда находилась пища для ума, у Курсанова появлялись новинки века: он привез из губернского города первую динамо-машину, его усадьбу озарила первая электролампочка. Можно представить, какое впечатление она произвела на темных селян. Спустя десятки лет сохранилась память о том, что у Курсанова была библиотека и что она была доступна местным жителям, особенно молодым. Автору в беседах со старожилками в 1980-х годах довелось слышать, что «курсановские барыньки в город ездили учиться, а сын его при форме и погонах приезжал в Залари». Тяга к образованию была у Курсановых.

В 1910-е годы торговля успешно развивалась. Деньги в виде государственной ссуды, полученные тысячами прибывавших переселенцев-столыпинцев, оседали в карманах торговцев. Это увеличение доходов и новые обороты в торговле. Вскоре Курсанов отлаживает связи с торговой конторой «А.Ив. Громова и К°». Хозяйка ее проживала в Москве, являлась почетной гражданкой столицы, имела большую торговую сеть в Иркутской губернии, была владелицей Байкальского пароходства. Ей принадлежит честь строительства первого

ледокола «Байкал». Далее Курсанов скупает оптом у крестьян местной округи сельхозпродукцию и поставляет ее в Иркутск, Черемхово, Бодайбо, Жигалово. Жизнь в усадьбе набирала обороты: сюда целенаправленно двигались из деревень груженные подводы, шли торг, расчет, разгрузка по складам, задания рабочей силе, оптовая распродажа, вывоз товаров в город — все это нужно было и хозяевам, и крестьянам.

Из воспоминаний местных старожилов. Г.В. Шульгина, работник районного отдела народного образования поселка Залари, рассказывала: «У моего мужа Георгия Васильевича бабушка была — Боброва Мария Васильевна. Боевая, расторопная хозяйка была. Жили они в Карлуке. Она добывала вошину, графит. Сбывали через Курсанова. Бабушка рассказывала, что договариваться к купцу тятю отправляла. Отправит, а его нет и нет. Она сама за ним в Залари на усадьбу и пожалует. А отец ее сидит на бочке у Курсановых и пропивается. Значит, переговоры с купцом состоялись удачные».

З.И. Сапегина, 1920 года рождения, пенсионерка поселка Залари: «Сначала мой дед Распутин Иван Трофимович с братом Исааком и их семьи жили в селе. Потом, как отстроили железную дорогу, станция стала быстро расстраиваться. Дед сумел у железной дороги выкупить дом, предназначенный для начальника „железки“. Туда и переехали. Семья была большая.

Один из амбаров усадьбы Г.Г. Курсанова. 2000-е гг.

Дед еще с двумя братьями семейными держался вместе. Мой отец Игнат Иванович Распутин (1895 года рождения. — Г. М.) был у Курсанова старшим обозным. Обоз он набирал сам, подвод в 15, в город. Курсанов им дорожил, работником Игнат был надежным, старательным. Бывало, домой бегом бежит: „Ой, Курсанов срочно зовет в Иркутск ехать“, а мать ему сразу пироги стряпать начинает. Ехали в город за крупой, мукой. Семья любила эти поездки, потому что тятя домой возвращался усталый, долгожданный нами, детьми, но радостный: бывало, рук не хватало держать курсановские гостинцы. Ломпансье (орфоэпия рассказчика. — Г. М.) в длинных железных банках, бренчат, а нам забавно, там же пряники в виде петухов, рыбок красных, белых, чай мамане. Лучше всех купцов Курсанов рассчитывал».

Торговлю купец развернул быстро, за короткое время. Он занял ведущее место на рынке по всей местной округе. Все благоприятствовало его делу: наличие исходного капитала, удачные вложения в ходовой товар, усиление спроса благодаря прибывающим потокам переселенцев, удачное проживание в центре волостного села на Московском тракте и

Дом купца Я.И. Швеца в Заларях (ныне не существует)

Дом купца Ф.А. Иванова в Заларях (ныне не существует)

недалеко от железной дороги, предпринимательская жилка и старательность в труде. Еще одна особенность, которая тоже помогала ему в деле: он был из местных, хорошо знающим людей и обстановку человеком.

Как личность Курсанов также был человеком интересным. Сквозь всю жизнь его и его потомков просматривается тоска по их малой родине.

В 1898 году находящееся в 20 верстах к югу от Заларей старинное село Холмогой потребовало отделения от Заларинской волости и самостоятельного волостного статуса. Так появилось в глубинке Иркутской губернии Холмогойское сельское общество, которое не было особенно приметно среди множества других. Тут была своя церковь Петропавловского престола, отстроенная в 1868 году. В метрических книгах этой церкви мелькают имена местных жителей. Основная масса — крестьяне, довольно часто встречается сословие «поселенец». Автору статьи удастся собрать их имена в семьи и роды, бывает, даже в 8–10 поколений, а чья-то фамилия вдруг единично появится на страницах такой короткой записью, что и не подумаешь, что она очень крепко вцепится в сибирскую землю. Так случилось с фамилией Курсанов.

В 1874 году умер 85 лет от роду крестьянин холмогойского общества Василий Никифорович Курсанов. Это и есть родо-

начальник Курсановых в Сибири. Один с такой фамилией. Непонятной пока фамилией. Где похоронен — неизвестно, могила, как и все кладбище, старое первое (у старых сел кладбищ несколько), поросла бурьяном забвения. Если бы я ничего не знала о Курсановых, то не обратила бы на эту фамилию никакого внимания, как на фамилию человека, случайно занесенного судьбой в Сибирь. Именно так, случайно, безвестно, умирали одинокие ссыльнопоселенцы — их фамилии в графе о смерти выглядят как-то трагично: ни роду ни племени, ни семьи, ни дальнейшего продления фамилии в истории. Во всяком случае, о многих ничего не явилось, не всплыло в памяти нигде. Люди исчезали в нашей заларинской Сибири, как пылинки в космосе. Так могло случиться и с нашим Курсановым.

Но... В 1892 году фамилия опять встретилась в документах. Это уже фамилия продолжателя рода того, неизвестного Курсанова. Его сын Григорий Васильевич Курсанов вошел во второе по счету (от образования) товарищество совладельцев Троицкого винокуренного завода, который располагался на одной из излучин реки Заларинки на землях Холмогой-ского сельского общества. Завод был основан голуметским купцом 2-й гильдии Е.И. Блаженским. У него были хорошие связи с балаганским купечеством (его брат Алексей был женат на дочери балаганского купца С.Н. Божедомовой), и, может, это стало причиной того, что Троицк явился связующим звеном между Голуметью и Балаганском, находившимся недалеко от Московского тракта. Парадное фото Блаженских бережно хранится в семейном архиве правнуков Курсановых и, наверняка, может пополнить коллекцию портретов иркутских купцов. Блаженский и дал старт успехам в торговле Курсановым. Из Голумети же видный купец Алексей Николаевич Семенов, который с 1882 года являлся совладельцем завода. В 1884 году вместе с основателем завода А.Н. Семенов продает свои паи. Близко голуметское сообщество, да и Курсановы далеко не ушли: купцы женят своих детей. Дарья Алексеевна Семенова вышла замуж за младшего сына Г.В. Курсанова — Гавриила. У Григория Васильевича было три сына: Иннокентий (проживал в Троицке), Василий (осел в Холмогое, в родном селе) и Гавриил.

Почти как в сказочном сюжете, младший сын оказался более удачливым. Его брак, основанный на любви и расчете, обеспечил молодой семье исходный капитал от далеко не бедных родителей для развития своего дела. Видимо, первый торговый опыт Гавриил приобрел в Холмогое, он же держал

**Заларинский купец
Яков Иосифович Швец**

лавку в селе Петухово, а далее, в конце XIX века, семья перебирается в Залари, так как расчет на железную дорогу уже был сделан, и расчет оказался верным.

Г.Г. Курсанов высмотрел рациональное место для торговли и заложил свое «гнездо». Растет семья. Дети появляются один за другим. Шестеро их: четыре дочери и два сына, все они любимы в семье. Их-то особенно и помнят в Заларях: то отец их увозил на учебу, то курсановские барыньки любили расфуфыриваться, и много их было у купца, и не гнушались они крестьянской молодежи.

Любящая мать, видно, тоже получившая непло-

хое светское воспитание, обеспечивает уход за детьми и воспитание их на дому. В доме есть прачки, для детей — в доме же — живет учитель, политический ссыльный из Усть-Илима (к сожалению, имя установить не удалось), и он всегда рядом с детьми. Его фото хранится у внуков купца с теплой дарственной надписью. На многочисленных старых фотографиях дети ухожены, красиво одеты, вот уж малышки превращаются в девушек, видно, как проглядывает в их внешности девичье взросление, девичья краса — длинные косы, ленты, украшения. У них строгие, не мирские — те попроще, имена по святам: Агния, Еликонида, Мария, Валентина, Иннокентий и Леонид, а в доме же благодаря маме-выдумщице звенят с детским смехом имена Лёна, Мака, Гутя, Зоня, Лина, Кеша. Дети дружат с детьми соседа, томского мещанина Я.И. Швеца, да и по линии отцовского брата Иннокентия между ними возникает родство. Швецы раньше Курсановых переселяются в Иркутск, и Курсановы-младшие в 1930-е годы будут ходить в гости к Швецам-младшим, когда все они станут взрослыми. Для детей, и

своих, и чужих, в усадьбе устраивали новогодний чудо-праздник — елку. Любящий отец-добытчик обеспечивал материальное для праздника, выдумщица Дарья Алексеевна заводила всех: их новогодние елки славились в селе. Особенно все, и взрослые, и дети, любили «маскарадиться» на Новый год. В доме часто собирались гости, наезжала «семеновская» родова. Следом шли рождественские колядки, и Курсановы в этот праздник опять отличались теплом и вниманием к приходящим ряженым детям местных крестьян: одаривали их щедро и сладостями, и продуктами. По воспоминаниям Е.С. Минеевой, даже хлеб, курсановские калачи — свежие, душистые, почему-то поедался ватагой детей сразу за углом. В православные праздники семья отправляла в местную тюрьму — недалеко была — передачи для арестованных. Вот уж поистине благородный поступок сильных мира сего на селе.

В начале XX века заларинские жители хлопотали об открытии здесь двухклассного министерского училища. В 1903–1904 годах оно и было открыто. Строили училище методом народной стройки, всем миром, но руководил строительством и финансировал его Гавриил Григорьевич Курсанов. После открытия его назначили почетным опекуном училища.

Впереди будет социальное потрясение — социалистическая революция. Она сметет купечество своей взрывной волной, но добрая память о Курсанове будет жить в селе, о нем будут напоминать училище, библиотека, его магазины. Усадьба начнет сосуществование с новым строем — в советское время она станет магазином. Но об этом другой рассказ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Иркутской области, ф. 171, оп. 1, д. 237.
2. Залари. Прошлое. Настоящее: альбом. 1976 г. // Фонды Заларинской централизованной библиотечной системы.
3. Метрические книги Холмогойской Петропавловской церкви на 1873–1874 гг. // Фонды Заларинского районного краеведческого музея, ОС-407.
4. Малюков А.А. Они были первыми // Сельская новь (Залари). 1991. № 4–7, 9, 12, 14, 17, 19.
5. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. М., 1889. Т. I. М., 1890. Т. II, вып. 4.
6. Санников А. Заларинский район в дореволюционное время // Земля Иркутская. 1997. № 7.

НАКАЗАНИЕ БЕЗ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

*Елена Федоровна Сыроватская,
историк, методист
Дома детского творчества № 3,
г. Иркутск*

Период коллективизации сельского хозяйства в России — время одной из величайших трагедий XX века. В ходе переселений 1930-х годов в результате болезней, голода и холода погибло около одного миллиона человек. «Многომиллионный поток раскулаченных не имел ничего сравнимого с собой во всей истории России. Это было народное переселение, этническая катастрофа», — так писал об этих событиях А.И. Солженицын (цит. по: 6, с. 164).

Эта трагедия перевернула жизнь сотен тысяч крестьянских семей, в том числе и моего деда, Сергея Федоровича Манченко.

Дед мой Сергей Федорович Манченко родился в 1881 году в селе Колещатовка Кантемировского уезда Воронежской губернии в семье крестьянина, занимавшегося также и мелкой торговлей, Федора Наумовича Манченко. В 1899 году Сергей Федорович взял в жены 17-летнюю Марию Ивановну Гузнову, уроженку села Шелестовка соседней Луганской губернии. В период с 1900 по 1925 год в семье Сергея Манченко родились 14 детей, шестеро из них умерли в младенческом возрасте.

У Федора Наумовича было еще двое детей, и большая семья долгое время жила в небольшой, покрытой соломой хате. В 1913–1914 годах Федор Наумович сумел построить добротный дом на фундаменте из соснового бруса, с железной крышей. В доме были четыре комнаты, кухня, веранда, кладовка, а также пристрой в улицу, где размещалась лавка с мелкой галантереей. Во дворе имелись хозяйственные постройки: амбар, навес, сарай, конюшня, свинарник, коровник, ток с навесами, погреб, колодец. Дом находился в центре села Колещатовка.

Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года не внесла существенных изменений в жизнь семьи. В

1921 году женился старший сын Сергея — Аким, затем вышли замуж дочери Елена и Марина, и хотя они жили отдельно, помогали отцу вести крестьянское хозяйство. Семья много работала, спали по 4–5 часов в сутки. Торговые дела Федора Наумовича шли неважно, а в 1921 году его не стало.

Начавшаяся в стране коллективизация сельского хозяйства стала поворотным событием в жизни сотен тысяч людей.

Семья Сергея Манченко вступила в колхоз, не отказываясь от любой работы. В дом часто направлялись для проживания постояльцы: землемер, которому Мария готовила пищу, сотрудники судебных органов. За обслуживание этих людей насчитывались трудодни. В колхозе работали Сергей, Мария и 13-летний сын Федор. Он работал на уборке хлеба, погоняя лошадей, запряженных в косилку.

В селе были церковь, магазин и школа, все дети учились и помогали родителям по хозяйству.

Согласно утвержденному весной 1929 года пятилетнему плану в колхозы предполагалось вовлечь лишь 4–4,5 миллиона хозяйств, или 16–18 % общего числа крестьянских хозяйств в стране (5, с. 561). Таким образом, на всем протяжении первой пятилетки основная масса крестьянских хозяйств должна была быть по-прежнему сосредоточена в индивидуальном секторе. Решение сократить намеченные сроки осуществления коллективизации пришло очень скоро.

Форсированный характер колхозное строительство в целом по стране приобрело в последние два месяца 1929 и в первые месяцы 1930 года. В немалой степени это было вызвано опубликованной в «Правде» 7 ноября 1929 года статьей И. Сталина «Год великого перелома». Выдавая желаемое за действительное, в ней утверждалось, что партии «...удалось повернуть основные массы крестьянства... к новому, социалистическому пути развития; удалось организовать коренной перелом в недрах самого крестьянства и повести за собой широкие массы бедноты и середняков» (цит. по: 7, с. 50).

На деле все обстояло совсем иначе. Не только по СССР в целом, но и в рамках РСФСР перелом в сознании большинства крестьянства даже и не обозначился. Ведь на 1 октября 1929 года в колхозах Союза и Российской Федерации значилось соответственно 7,6 и 7,4 % общей численности крестьянских дворов (7, с. 50).

5 января 1930 года ЦК ВКП(б) вынес постановление «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». Этот документ устанавливал жесткие

сроки завершения коллективизации: в основных зерновых районах (Северный Кавказ, Нижнее и Среднее Поволжье) — осень 1930 года или весна 1931 года, для остальных зерновых районов — осень 1931 года или «во всяком случае» — весна 1932 года (8, с. 392).

Как указывалось в постановлении, политика партии состоит не в голом раскулачивании, а в развитии колхозного движения, результатом и частью которого должно явиться раскулачивание. Вместе с тем обращалось внимание на необходимость усиления борьбы с правыми извращениями в деле социалистической перестройки сельского хозяйства, как, например, с «неумением или нежеланием найти кулака».

Несмотря на принятое решение, и Политбюро ЦК ВКП(б), и низовые партийные организации были намерены провести коллективизацию в более сжатые сроки. Началось «соревнование» местных властей за рекордно быстрое создание «районов сплошной коллективизации».

Органы ОГПУ в свою очередь наметили административно-репрессивные меры в отношении кулацко-зажиточных хозяйств.

Заслуживает внимания записка Г.Г. Ягоды, зам. председателя ОГПУ, от 11 января 1930 года руководящим работникам ОГПУ, в которой он предлагал разработать меры практического осуществления ликвидации кулачества как класса. «...Кулак как класс должен быть уничтожен.

...Нам необходимо до марта-апреля расправиться с кулаком и раз навсегда сломать ему хребет... Надо подойти к вопросу использования со всех сторон, подсчитав примерно сумму денег как на переселение, так и на организацию лагерей. В первую очередь надо расширить уже имеющиеся до предела, потом открытие новых, и организация и использование труда ссыльных с семьями» (11, т. 3, с. 103–104).

Порядок ликвидации кулацких хозяйств определялся инструкцией ЦИК и СНК СССР от 4 февраля 1930 года и секретным приказом ОГПУ № 44/21 от 2 февраля 1930 года, подписанным Г.Г. Ягодой, и предусматривал два этапа: первый — в 1930 году, второй — в 1931 году (12, с. 151). Решающую роль в их осуществлении сыграли органы ОГПУ. В соответствии с секретным приказом слой кулачества разделяли на три категории. В первую включались организаторы антисоветских и антиколхозных выступлений. Они подвергались аресту и суду. Наиболее крупных кулаков, отнесенных ко второй категории, надлежало переселять в отдаленные районы. Остальные кулацкие хозяйства подлежали частичной конфискации, а их

владельцы — выселению на новые территории из областей прежнего проживания.

Политбюро устанавливало и примерное количество кулаков по каждому региону, которые подлежали заключению в концлагеря и выселению в отдаленные местности. Всего намечалось по девяти регионам страны, о которых шла речь в постановлении, отправить в концлагеря 60 тысяч, а выселить 150 тысяч кулаков (7, с. 56).

Не прошло и месяца после выхода постановления от 30 января 1930 года, как уровень коллективизации по стране в целом поднялся с 32,5 до 56 % (7, с. 57).

В ходе массовой коллективизации была проведена ликвидация не только кулацких, но и зажиточных и середняцких хозяйств. Кулацкими считались хозяйства, применявшие наемный труд и машины с механическим приводом, а также занимавшиеся торговлей. В 1929 году на их долю приходилось всего 2,5–3 % общего числа крестьянских дворов (8, с. 393).

По настоянию И. Сталина было принято постановление СНК СССР, согласно которому к кулацким относили хозяйства по следующим признакам: доход в год на одного едока свыше 300 рублей (но не менее 1 500 рублей на семью), занятие торговлей, сдача внаем машин, помещений, применение наемного труда; наличие мельницы, маслобойки, крупорушки, сушилки и пр. (7, с. 54). Уже один из этих признаков делал крестьянина кулаком. Появилась возможность подвести под раскулачивание самые различные социальные слои населения.

Весной 1930 года раскулачили семью Сергея Федоровича Манченко: отобрали двух лошадей, пару быков, корову, нетель, а также все зерно — двухгодичный запас семян и то, что предназначалось на помол. Было проведено так называемое обобществление скота, зерна и инвентаря (сеялки, веялки, косилки и молотилки, которые были куплены на паях с соседом). Семья Сергея Манченко еще в 1928 году вступила в потребительскую кооперацию, частично инвентарь был приобретен совместно с другими крестьянами-середняками.

Раскулачивание семьи Манченко, по сути, явилось следствием вышеуказанных правых извращений в деле социалистической перестройки. Слепо выполняя указания, местные власти рьяно «искали кулака». Они нашли его в лице Сергея Манченко и многих других ни в чем не повинных людей.

Факты многочисленных случаев раскулачивания не только зажиточного слоя деревни, но и части середняков и бедняков не могли скрыть даже официальные органы, в том числе и ОГПУ.

Цифровые данные ОГПУ по Центрально-Черноземной области (Воронеж) рисуют рост колхозного движения в этот период:

на 15 ноября 1929 года было коллективизировано 14 % хозяйств,

на 1 февраля 1930 года — 47,7 %,

на 10 марта 1930 года — 90,3 %.

За период чуть больше месяца увеличение на 42,6 % — таков итог этого «соревнования» по данному региону (11, т. 3, с. 725).

20 сентября 1930 года Политбюро ЦК ВКП(б) рассматривало вопрос «О директиве по коллективизации» (докладывал В.М. Молотов). 24 сентября было утверждено письмо всем крайкомам, обкомам и ЦК нацкомпартий «О коллективизации». В нем резко критиковались парторганизации за то, что они «практически не развернули... работу по дальнейшему развертыванию прилива в колхозы» (11, т. 3, с. 8). Было предложено: «Немедленно добиться решительного сдвига в деле организации нового мощного подъема колхозного движения...» (11, т. 3, с. 8). Это письмо в конце сентября — начале октября 1930 года обсуждалось в обкомах и крайкомах и было, разумеется, принято к неуклонному руководству и исполнению.

ЦИК и правительство в конце 1930 года сделали попытку в законе о едином сельскохозяйственном налоге на 1931 год по-новому определить признаки кулацких хозяйств. Однако, по свидетельству М.И. Калинина, они не увенчались успехом, поскольку «старые признаки кулачества почти отпали, новые не появились, чтобы их можно было зафиксировать» (11, т. 3, с. 56). Выход из этого тупика нашли такой: постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 декабря 1930 года местным Советам было предписано самим устанавливать признаки кулацких хозяйств (11, т. 3, с. 56).

Осенью того же 1930 года на семью Сергея Манченко обрушился второй удар: были конфискованы все имущество, продукты питания, одежда и вся семья — семь человек, кто в чем был одет, была выселена в избу-развалюху на окраине села... Федору в то время было 13 лет, Дарье — 11, Михаилу — 9. В тот день они шли в школу, по пути узнали, что семью сегодня будут раскулачивать, и вернулись. С Федора на улице пытались снять полушубок, но он убежал. Его поймали комбедовцы-комсомольцы, раздели, разули прямо на улице... Конечно, в раскулачивании середняков была заинтересована и бедняцко-батрацкая часть деревни, поскольку конфискованное иму-

щество передавалось в колхозы в погашение вступительных взносов бедняков и батраков, дома раскулаченных передавались под избы-читальни, детские сады и т. д. Так было и с домом Сергея Манченко: в его доме размещались и сельсовет, и детский сад, и правление колхоза.

Хотя многие односельчане пытались защитить семью, ссылаясь на то, что Сергей Манченко — не кулак, что на него никто не работал, что у него одна рука искалечена (попала в молотилку), что большой дом ему достался от отца, это не помогло. Председатель комитета бедноты села Колещатовка Гайдук заявил: «Мне дом нужен для комбеда».

В старой избе их поселили вместе с другой такой же раскулаченной семьей, там они и зимовали. Питались приношениями односельчан и старших детей, у которых были уже свои семьи. Иногда Федору тайком ночью приходилось наведываться в собственный погреб за овощами. В семье была больная бабушка Ксения Николаевна (теща Сергея Манченко), которая уже не вставала, и 16-летняя дочь Александра с заболеванием легких. Еще весной 1930 года, когда началось раскулачивание, Саню, как ее все называли, родители отправили в соседнюю деревню сообщить старшей сестре Елене о несчастье. Девочка спешила, разгоряченная присела отдохнуть на холодную землю и простудилась...

В отчете о проделанной работе ОГПУ Воронежа отмечали, что за период февраля–декабря 1930 г. «выселено по второй категории 8 034 семьи, с общим количеством 42 720 чел.» (11, т. 2, с. 737). В целом по стране осенью 1930 года было выселено не менее 17 тысяч семей (85 тысяч человек).

Репрессии и насилие в ходе коллективизации приобрели невиданный размах. Арестовывали все: и бригады по организации колхозов, и бедняцко-батрацкие группы, и сельские Советы, и уполномоченные по коллективизации, и партийные, советские работники различных уровней, и милиция, и органы ОГПУ. И только два года спустя директивной-инструкцией от 8 мая 1933 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР запретили «производство арестов лицам, на то не уполномоченным по закону...» (11, т. 3, с. 746).

19 марта 1931 года Сергея Федоровича арестовали и в этот же день выпустили для отправки семьи в Сибирь.

Позднее в секретной сводке ОГПУ по Центрально-Черноземной области от 14 апреля 1931 года сообщалось: «Из 33 районов области, откуда производилось выселение, всего изъято и направлено в Восточно-Сибирский край 4 160 се-

мей, что составляет 20 735 чел. (по плану намечалось к выселению 3 500 семей)...» (9, т. 3, с. 118).

19 марта 1931 года семью вместе с другими раскулаченными крестьянами привезли из Колещатовки в районный центр Кантемировку, поселили в школе, находившейся недалеко от вокзала. Вскоре их погрузили в вагоны грузового поезда, которые были оборудованы двухъярусными голыми нарами, без отопления, до отказа набив их людьми.

Как известно, раскулачивание и выселение крестьян готовились заранее. В инструкции органам транспортного отдела ОГПУ по перевозкам подчеркивалось, что эшелон должен состоять из 44 вагонов для выселяемых, восьми товарных вагонов с грузом и одного — для команды конвоирования. В каждом вагоне предполагалось размещать по 40 человек, в одном эшелоне — 1 700–1 800 человек (11, т. 2, с. 18).

Определялись права и обязанности комендантов по сопровождению эшелонов. Комендант мог производить обыск в теплушках для обнаружения «предметов для физического сопротивления», алкоголя и др. В случае побега охрана была обязана стрелять без предупреждения (11, т. 2, с. 18).

...В то время когда охранники загоняли людей в вагоны, из толпы кричали, что семью Манченко надо вернуть, это же кричал и человек, сидевший верхом на лошади, который приехал из Колещатовки с какой-то бумагой для семьи, но было уже поздно, его охрана не пустила к эшелону, все стонали, плакали, поезд тронулся... Как выяснилось позже, это было действительно требование из сельсовета вернуть семью, но оно опоздало. Страшно представить, что чувствовали взрослые и дети в те минуты: страх, унижение, бессилие, непонимание того, что происходит, незнание, какие испытания еще ждут их впереди...

Яркой иллюстрацией того, насколько были запуганы и бесправны люди, является тот факт, что Сергей Манченко и не пытался восстановить свои права, неся свой крест до самой смерти...

...Поезд этот был сформирован еще до станции Кантемировка и шел под вооруженной охраной. В каждом вагоне был назначен старший, составлены списки, проводилась перекличка утром и вечером под надзором охранников. Кормили плохо. Семью поместили на нижних нарах вагона, так как среди них были больные — дочь Александра и бабушка Ксения Николаевна, которые уже не вставали.

Эшелоны следовали к месту назначения «в порядке военного расписания мирного времени». В конце апреля 1931

года эшелон прибыл в Иркутск, всех людей выгрузили прямо на берег Ангары (там, где сейчас Ангарский мост). Здесь находился переселенческий пункт, где проводилась регистрация всех прибывших, сортировка их по различным населенным пунктам. Здесь же 26 апреля 1931 года умерла Ксения Николаевна.

Затем раскулаченные были направлены в тюрьму — Александровский централ, где находились по июль 1931 года. В июне 1931 года от тяжелой болезни, лишенная медицинской помощи, в возрасте 16 лет скончалась Александра Манченко. Похоронена она, как и многие другие спецпереселенцы, в двух километрах от тюрьмы, на опушке леса. Родные могли наблюдать за похоронами только из ворот тюрьмы.

Следующий пункт — станция Могоча Читинской области, где жили в 12 километрах от поселка Тупик в шалашах, затем прииск Калар, находились там по март 1932 года.

Созданная 1 апреля 1930 года специальная секретная комиссия при СНК СССР «по устройству выселяемых кулаков» (10, с. 84) не могла быстро разрешать вопросы жизни и труда спецпереселенцев. На каждом пересыльном пункте шел отбор рабочих рук, а в семье Сергея Манченко совершеннолетних полноценных рук не было.

В марте 1932 года эшелон со спецпереселенцами был возвращен в Красноярский край, на станцию Абакан. Людей поселили в бараках, за колючей проволокой, свободный выход не разрешался. Это продолжалось до апреля 1932 года, пока не погрузили в теплушки товарного вагона и не привезли на станцию Ук Нижнеудинского района Иркутской области.

В апреле–мае 1932 года семья Сергея Федоровича Манченко в составе пяти человек была поставлена на учет в спецкомендатуре Нижнеудинского района Иркутской области.

Представители НКВД — коменданты и их помощники — старшие рабочие и мастера, установили строгий порядок проживания в бараках, с обязательной работой для всех, в том числе для детей старше 9–10 лет, без отлучки с места проживания. Паяк выдавался только работающим, детям до 9 лет, старикам и больным. Бараки посещал комендант, наблюдение за проживающими вел староста. Свободное перемещение запрещалось даже из поселка в поселок.

Еще во время нахождения в поселке Могоча Читинской области родители, чтобы спасти детей, сознательно уменьшили их возраст на два года. Это давало возможность получать детский паяк: 200 граммов хлеба и 2 столовых ложки крупы или муки в день.

Федор Сергеевич Манченко. 1940 г.

Нечеловеческие условия проживания спецпереселенцев не могли скрыть даже органы ОГПУ, осуществляющие проверки на местах. Расселение производилось в перспективе использования спецпереселенцев как массовой рабочей силы на работах в лесу и на рыбных промыслах. Фактически расселение второй категории так и было осуществлено.

В докладных записках в ОГПУ по итогам проверок по стране сообщалось: «Жилища все строились наспех, из сырого леса, совершенно недостаточно утеплены, значительные щели. Встречаются места, где спецпереселенцы живут в землянках... Семьи в бараках не отделены. Нередки случаи спанья под нарами за отсутствием места на последних». «...Одежда, хотя и имеется у спецпереселенцев, однако ввиду ее недостаточности, а главным образом отсутствия спецодежды и постельных принадлежностей, спецпереселенцы работают в своей одежде, подстилают ее во время сна, ею же и укрываются...» (9, с. 178–179).

Спецпоселки в Иркутской области не были исключением. Семью Сергея Манченко как нетрудоспособную переселили из общего большого барака в маленькую кухню размером 6 квадратных метров. Семья должна была сама себя обслуживать: возить на себе дрова из леса за 3–5 километров, воду, добывать пищу.

Как отмечалось в материалах комиссии по проверке условий проживания спецпереселенцев в северных областях, «местные партийные и лесозаготовительные организации, не осознав возможности утраты в будущем мускульной силы спецпереселенцев, фактически составляющих кадры постоянной рабсилы на лесозаготовках, вместо создания для них

надлежащих условий, стали на путь резких репрессий» (6, с. 168–169).

Партийные органы предоставляли карательные функции (арест, уменьшение пайка, избиение и т. д.) в отношении спецпереселенцев даже работникам хозорганов — десятникам и куренным мастерам, бригадирам и поселковым комендантам. Все эти беспричинные издевательства в основном сводились к физическому истреблению переселенцев. «Издевательства указанных лиц над переселенцами по своей дерзости не находили себе границ», — отмечалось в материалах комиссии (6, с. 168–169). Такие факты наблюдались и в отношении спецпереселенцев в Иркутской области. Так, в поселке Кадуй Нижнеудинского района, где жила семья Манченко, ослабленных спецпереселенцев помещали на несколько дней в ледник (погреб). Если человеку удавалось выбраться, значит, оставался жить, если нет, то его хоронили.

...Работающим в семье в возрасте 15 лет был только старший сын Федор. 10 июня 1932 года он был принят на работу в Нижнеудинский химвлесхоз на подсобку и сбор живицы. Это был тяжелый подневольный труд даже для взрослых мужчин — по 12–14 часов в сутки. Кроме того, зимой валяли лес, пилили дрова, окоряли сосны. Лошадей на лесных работах не было. На работу выходили не добровольно, а под надзором мастера. Федор работал на сборе живицы 9 лет, учиться ему уже не пришлось.

***Дарья Сергеевна Манченко.
Около 1935 г.***

Спецпереселенцы были вовлечены в социалистическое соревнование и ударничество. Полуголодный, плохо одетый, Федор работал хорошо, перевыполняя

норму, и получил звание стахановца, несмотря на то что нормы для спецпереселенцев постоянно завышались.

Младшие дети Дарья и Михаил летом работали на сборе живицы, заготавливали дрова и воду для семьи, собирали грибы и черемшу. На колхозных полях собирали колоски и гнилую картошку, за что их часто гоняли верховые на лошадях. В поселке Кадуй, где они жили, была школа, дети учились. Дарья в 1933 году закончила четвертый класс начальной школы.

В сентябре 1933 года 14-летнюю Дарью отец с согласия комендатуры устроил в Нижнеудинске домработницей и няней. В

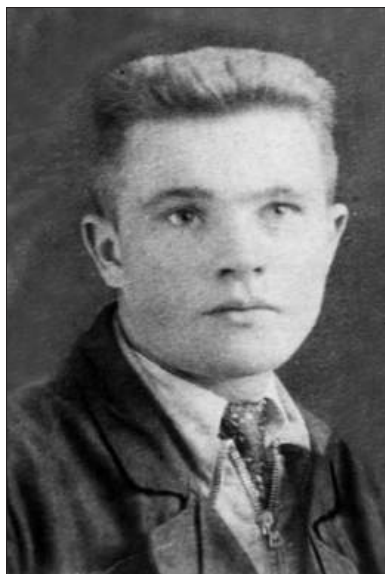
ее обязанности входила вся работа по дому: приготовление пищи, стирка белья, уборка, уход за скотом, выгон его летом в 4 часа утра на пастбище, а также присмотр за детьми. В течение пяти лет ей пришлось работать у нескольких хозяев, денег не платили, только кормили. Некоторые хозяева кормили плохо, отдельно от себя. Кроме того, приходилось ночью стоять в очереди за хлебом. Это была полная нагрузка даже для взрослой женщины. Отец, Сергей Федорович, должен был постоянно сообщать в комендатуру о ее местонахождении. Сохранилась фотография Дарьи тех лет. Видимо, у хозяев была возможность сфотографировать своего ребенка и домработницу.

В мае 1938 года поселковый комендант участка Кадуй запретил Дарье работать в городе, отозвал ее на работу в химлесхоз без права выезда с участка. Вместе с Федором она работала на подсочке живицы, занимаясь неженским трудом.

Отец семейства, Сергей Федорович, был нетрудоспособным (повреждена в молотилке кисть левой руки, обострились общие заболевания). По вечерам и ночам он точил пилы для

**Мария Ивановна Манченко.
1950 г.**

**Михаил Сергеевич
Манченко. 1941 г.**

лесорубов, работал на лошади, чинил хомуты, а когда семье нечего было есть, ходил просить милостыню по станции Ук и Нижнеудинску и брал с собой Михаила. Ему выдавалось письменное разрешение на отлучку с последующей, два раза в месяц, явкой в комендатуру для отметки. Кусков хлеба, собранных отцом, не хватало, и семья жила впроголодь.

Его жена, Мария Ивановна, тоже часто болела. В поселках Уда и Кадуй, где они жили, она убирала красный уголок, а также была поваром, уборщицей и одновременно нянькой для детей, родители которых работали в лесу. Иногда вместе с Михаилом ходила просить милостыню, работала по дому в богатых семьях Нижнеудинска. Эти тя-

желые годы в дальнейшем определили нравственные устои детей: Федор, насколько мне известно, всегда подавал милостыню нищим...

Как следует из многочисленных источников, медицинское обслуживание спецпереселенцев было крайне неудовлетворительным: не в каждом поселке был фельдшерский пункт, не хватало кадров и т. д.

27 марта 1939 года семья потеряла отца, Сергея Федоровича. Сказалась тяжелая жизнь, полная лишений и стрессов: он умер в возрасте 57 лет от рака желудка в больнице Нижнеудинска, там и похоронен. Фотографии Сергея Федоровича в семье нет.

В 1939 году младший сын Михаил окончил семь классов школы, затем два курса школы сельского хозяйства, учился в педучилище, но не по призванию: в школу военных техников его не приняли как сына кулака и спецпереселенца...

Начавшаяся в 1941 году Великая Отечественная война определила судьбу каждого члена семьи.

Таким образом, раскулачивание «по 2-й категории», завершившееся выселением в необжитые районы семей, лишенных минимальных условий для жизни и труда, обреченных на ги-

бель десятков тысяч поселенцев, особенно детей и стариков, и по форме, и по существу было жесточайшей репрессией. Организация спецпоселений означала создание в стране второй системы концентрационных лагерей, не столь жестокой по условиям труда и быта, как ГУЛАГ, но фактически единой с ней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров К. Второе крепостное право: (Коллективизация сельского хозяйства в СССР) // История. 2005. № 19. С. 6–17; № 20. С. 24–31.
2. Гинцберг Л.И. Массовые депортации крестьян в 1930–1931 годах и условия их существования в северных краях // Отечественная история. 1998. № 2. С. 190–196.
3. Зеленин И.Е. «Революция сверху»: завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 28–42.
4. Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1945) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 118–147.
5. История России: в 2 т. Т. 2: С начала XIX века до начала XX века / А.Н. Сахаров, Л.Е. Морозова, М.А. Рахматулин и др. М., 2003.
6. Исупов В.А., Кузнецов И.С. История Сибири. Ч. III: Сибирь: XX век: учеб. пособие для 9 класса общеобразоват. учреждений. 2-е изд., испр. Новосибирск, 2003.
7. Новейшая история Отечества. XX век: учебник для студентов высш. учеб. заведений: в 2 т. М., 1999. Т. 2.
8. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России с древнейших времен до наших дней: учебник. М., 1999.
9. Ссылка крестьян на Урал в 1930-е годы: Документы из архивов // Отечественная история. 1995. № 1. С. 160–179.
10. Суслов А.Б. Спецконтингент и принудительный труд в советских пенитенциарных концепциях 30-х годов // Отечественная история. 2004. № 5. С. 81–96.
11. Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы: в 5 т. М., 1999–2002.
12. Шашков В.Я. К вопросу о выселении раскулаченных семей в Северный край // Отечественная история. 1996. № 1. С. 150–155.

ПРОЗВИЩА КУЛТУЧАН

*Лариса Александровна Аболина,
член Иркутской городской общественной
организации «Родословие»,
преподаватель художественного
отделения детской школы искусств,
пос. Култук Слюдянского района
Иркутской области*

Поселок Култук в 2007 году отметил свой 360-летний юбилей. Расположен он на южной оконечности Байкала, на пути в Забайкалье и на Дальний Восток, а также на старом торговом пути в Монголию, проходившем через Тункинскую долину. До появления русских Тункинская котловина была местом обитания тюркских, тунгусских и монгольских племен. Своеобразное сочетание различных мировоззрений отразилось на ономастике и топонимике региона и прослеживается до сих пор в культуре и быте местного населения. С Тункинским краем тесно связаны своими корнями родословные култучан, большая часть которых — выходцы из долины. Ономастическая лексика култучан очень интересна своими прозвищами. Эта тема давно волновала многих жителей поселка, о чем свидетельствуют их записи.

Виктор Дёмин, бывший сотрудник Архитектурно-этнографического музея «Тальцы», в своей статье «Родовое гнездо» писал: «В Култуке не было семей без прозвищ, например, пашня Алексея Кору (лицо цвета лиственничной коры), Егора Долгого (жившего у пади Долгой), Василия Железного (отличавшегося здоровьем и силой), Андрея Чёрного (по цвету лица), Василия Малого (не удавшегося ростом), Прокопия Волка (сурового и быстрого на ноги) <...> хангайская (по прозвищу моего деда, «хангай», в переводе бог леса)» (8, с. 120).

Прототипами многих литературных героев иркутского писателя Михаила Просекина являются култучане. Например, в его рассказе «Отверженный» есть такие строки: «Мудрено было, живя в Кукое (имеется в виду Култук. — Л. А.), выделяясь чем-либо среди людей, остаться без прозвища, которое

давалось раз и навсегда и определяло главную суть носителя его. Некоторые мужики селения, невесть кем и когда обоснованного в лесах и долах Прибайкалья, имели всевозможные клички: Икона, Комолый, Шомпол, Струя, Трактор, Свищ. Имена нареченных часто подвергались переосмыслению и обретали завидную легкость. Допустим, Шомпола звали Валохой, а на самом деле он был Ювеналий. Как Шомпол и Ювеналий? Нет, не годится, Валоха — это куда с добром. Одним словом, в Кукое были способны мыслить образно» (15, с. 276).

А это несколько строк из статьи к 350-летию юбилею поселка Виктора Ермолаева, корреспондента районной прессы, прожившего в Култуке более 40 лет: «Ходит в Култуке такая притча. Приезжает иркутянин к култучанину покупать сельхозпродукты и спрашивает:

— Вы — Король? У вас, говорят, картошка для продажи есть?

— Я — Король, а кто вас ко мне направил?

— Князь, но у него картошки нет.

— А у меня тоже неурожай нынче, вы сходите к Царю, у него всегда много.

Култуцкие прозвища <...> это как имена литературных героев. Вспомним чеховские или гоголевские — вот где, действительно, краткость — сестра таланта: Держиморда, Собакевич, Басура. Однако последнее принадлежит уже култуцкому доморощенному фольклору, но отнюдь не уступающему классикам. Народное творчество неистощимо на выдумку и поражает оригинальностью и меткостью характеристик. <...> Разве не оригинальна кличка „Композитор“, <...> „Прокурор“ и „Майор“, „Управляющая“ и „Архиерей“» (10).

Виктор Васильевич не стал называть фамилий. Безусловно, здесь требуются осторожность и такт, но, с другой стороны, необходимо сохранить для истории интереснейшую страницу фольклора Култука с максимально возможной полнотой и точностью. Через десять лет рискнем дополнить и объяснить большинство прозвищ култучан. Неоценимую помощь оказали Анатолий Николаевич Дёмин и Анатолий Борисович Асламов, которые вспомнили не только многие имена обладателей прозвищ, но и истории, связанные с их появлением.

В результате длительного обитания людей на одной территории однофамильцев становилось слишком много и как вторичные фамилии начинали появляться прозвища. Это произошло и в Култуке, где к началу XX века проживало большое число людей не только с одинаковыми фамилиями, но и с одинаковыми именами и даже отчествами.

Наиболее распространенными фамилиями в поселке были Асламовы, Дёмины, Сороковиковы, Бачины, Шульгины, Гавриловы. Из метрических книг Тункинской Никольской церкви и ревизских сказок (тогдашних переписей населения) видно, что эти фамилии существуют в Тункинской долине со второй половины XVIII века.

Следует отметить, что при изучении родословных култучан оказалось, что не все носители одной фамилии — родственники. Одни из них являлись прямыми потомками прибывших сюда казаков и крестьян, а другие — детьми, внуками и правнуками их крестников. На территории всей Тункинской долины в настоящее время живет много потомков инородцев — бурят, крестными отцами которых стали казаки Асламов, Шубин, Зверев, крестьяне Усольцевы, Дёмины, мещане Сороковиковы, Бачины, купцы Шушаковы, Лифантьевы, священники Попов, Кокоулин, Парняков. Тогда при крещении всем инородцам давались русские имена, а также фамилии и отчества крестных. Не так просто было привыкнуть к новым именам, поэтому прежние, бурятские, часто оставались в качестве прозвищ. Например, Сороковиковы — Магай, Сэлдэй, Нефедьев — Хартай, Односторонцев — Халбан, Котовщиков — Боча и т. д. Здесь в качестве примера приведены тункинские прозвища.

Браки между русскими и крещеными инородцами не были редкостью, в том числе среди култучан. Отсюда становится понятным существование в Култуке прозвищ, производных от бурятских слов.

Прозвища давались и по внешним данным (в Култуке это Слепой, Бекас), и по роду занятий (Черепановские); приезжих часто звали по национальности (Эстонец, Хохол, Немчур). В отдельную категорию можно выделить детские клички, которые сохранились на всю жизнь: Шура-Маня, Мама-Гуня.

В начале XX века в связи со строительством Кругобайкальской железной дороги произошел значительный приток населения из западных губерний России, Украины и Белоруссии в Култук. Приезжими были привнесены свои диалектные слова. Некоторые из них превратились в прозвища: Бандура, Гумбола.

И последняя категория — прозвища, появившиеся в 1930–1940-х годах от новых, вошедших тогда в лексикон слов: Абажур, Трактор и др.

Подводя итог, можно отметить, что прозвища в основном бытовали среди мужского населения и наиболее активное их образование и распространение пришлось на начало XX века. Завершился этот процесс в начале 1940-х годов в связи с

уходом на фронт большей части мужчин. Во второй половине XX века рост численности жителей поселка происходил за счет приезжих, и образование прозвищ потеряло прежнюю актуальность. Однако среди коренных жителей Култука прозвища остаются в употреблении до сегодняшнего дня.

Люди во все времена были разные, и прозвища иногда встречаются не очень деликатные и благозвучные. Мы надеемся, что за давностью их возникновения ничего обидного для современников в этом нет, ведь и прозвища, и байки, связанные с ними, уже стали частью истории поселка.

Дёмины

Черепановские — Андрей Михайлович Дёмин, его отец Михаил Андреевич, дед Андрей Иванович и бабушка Мария Ивановна. Прозвище появилось от слова «черепки» — все они занимались изготовлением глиняной посуды (у них даже был свой «сарай-завод», как говорили односельчане, где ее лепили, просушивали и обжигали). Черепановские — это прозвище семейное, помимо которого у многих из них были личные прозвища.

**Виктор Гаврилович Дёмин (Хангай)
в музее «Тальцы» (крайний слева)**

Золотой — Виктор Николаевич Дёмин. Какое-то время он заведовал перевалочной базой золоторазведки на Пионерском месторождении в Саянах и в воспоминаниях култучан остался как очень обязательный человек, всегда откликавшийся на просьбы и делавший много добра людям, просто «золотой».

Хангай — Виктор Гаврилович Дёмин. Прозвище, доставшееся ему от отца и деда, он переводил как «бог леса». До революции у многих култучан были в лесу свои угодья, которые служили источником достатка. Кто-то любил лес меньше, кто-то больше, а кто-то буквально жил в лесу, что могло стать причиной подобного прозвища. Однако есть и другие версии. Например, один из жителей деревни Малый Жемчуг в Тункинской долине утверждал, что значение этого слова — «бог зверей». А в переводе с монгольского языка «хангай» — это гористая и лесистая местность, обильная водой и плодородная.

Хряк — Василий Дёмин. Кличка, видимо, дана по внешнему виду, как это было в народе; одно меткое словцо может прилипнуть и остаться навсегда.

Петёрь — Виктор Дёмин, вместо слова «теперь» говорил «петерь».

Вася-масло или **Масленик** — Василий Дёмин. Во время войны он работал заготовителем, ездил по Култуку и собирал налог с населения — масло и яйца. Каждой семье полагалось сдать государству 3 килограмма масла и 100 штук яиц в год, а также шкуры свиней и коров «на пошив солдатских сапог». Так совпало, что после войны Василий работал на заправке, управлял машины маслом, так кличка и осталась.

Бум — Юрий Николаевич Дёмин. Он в подростковом возрасте был крепкого телосложения и все спорные вопросы решал с помощью кулаков.

Монгол — Виталий Егорович Дёмин родился в Монголии, где родители работали несколько лет. По приезду в Култук и получил это прозвище.

Сорокиковы

Царь — Гаврил Капитонович Сорокиков был высоко-го самомнения и часто, будто бы в шутку, поучая других, говорил: «Мне б царем быть!» Вот и стали его звать «Ганька-Царь». По воспоминаниям односельчан, он действительно был умным мужиком — «с царем в голове».

Король — Николай Сорокиков, ездил в рейсы на грузо-

вике по маршруту Култук — Монды, часто подвозил пассажиров и, когда пассажиры хорошо платили, говорил: «Сегодня опять короля вез».

Стрёма — Валентин Николаевич Сорокиков. Происхождение прозвища осталось неясным. Может быть, в детстве, когда мальчишками лазили в чужие огороды, часто «стоял на стрёме». Так в детских тайных языках назывался «сторожевой пост».

Слепой — Николай Капитонович. Он действительно плохо видел, но очень любил читать, был образованным и творческим человеком. Работал в Народном доме — в библиотеке, где «все книги находил наощупь», заведовал там самодеятельностью, писал сценарии, частушки и даже песни. Оставил о себе исключительно хорошие воспоминания у односельчан.

Карандаш — Николай Сорокиков, небольшого роста, шустрый, энергичный, с характерной походкой, к тому же любитель женщин, вот одна и говорила ему: «Ну, Колька, ты идешь — как пишешь, вылитый карандаш!» Его потомков до сих пор зовут Карандашами и Карандашихами.

Аленький — Федор Филиппович Сорокиков ездил на рейсовой грузовой машине в Тункинскую долину, возил пассажиров за 10 рублей. Цвет этой купюры тогда был красный,

Виктор Николаевич Дёмин — Золотой (третий слева)

и если доллары сегодня зовут «зелененькими», то он «десятки» называл «аленькими». «Аленькую дашь?» — спрашивал он, когда просили подвезти. Вот так и прозвали.

Сербиянка — Дмитрий Сороковиков. Он играл на гармони, и его обязательно приглашали на все праздники, особенно любил повеселить односельчан популярной в то время «Сербиянкой».

Сорофо́шиха — Сороковикова, ее имени в памяти не осталось. Жила одна, любила «насорофошиться» (наряжаться в пышные сарафаны, которые сама шила), а также выпить и поговорить. О ней даже поговорку придумали, если кому-то мало водки в стаканчик наливали, говорили: «Сорофошиха на глаз больше наливает». А еще она любила прокатиться «с ветерком» на тележке, запрягая нескольких парней, чем сильно развлекала односельчан.

Бачины

Пацан — Василий Николаевич Бачин был маленького роста и шустрый, как пацан.

Медведь — Геннадий Бачин походил на медведя — большой и грузный, ходил переваливаясь, как медведь.

Бак — Василий Алексеевич Бачин. Мастер был на все руки, выполнял жестяные работы, особенно мастерски клепал баки.

Солитёр — Николай Демьянович Бачин был высокого роста, как говорится, «худой и длинный».

Жучка — Мария Борисовна Бачина. Так ее называли родные братья Александр и Иннокентий за ее вздорный нрав — уж больно любила поругаться, как говорят култучане, «полаяться».

Шилопуп или **Шалопут** — Юрий Петрович Бачин. В Словаре русского языка С.И. Ожегова слово «шалопутный» объясняется как «сумасбродный и легкомысленный, непутевый». Действительно, по характеру Юрий Петрович был шутник и балагур.

Гума́н — Иннокентий Лаврентьевич Бачин. Происхождение прозвища объяснить не удалось. Вряд ли от слова «гуманный». Наиболее близкое по звучанию слово есть в словаре В.И. Даля: «гу́мбить» — говорить, производное «гу́мбола» — «говорун, краснобай». Хотя и это объяснение кажется маловероятным.

Лагун — Иннокентий Борисович. Лагун — это небольшой деревянный бочонок. В.Г. Дёмин в своей статье о Култуке писал, что «лагушком» делили рыбу после коллективного лова

на Байкале. Может быть, прозвище связано именно с этим занятием.

Абажур — Николай Бачин. Прозвище объясняет любопытная история: в то время, когда он работал шофером, фонари на машинах заправлялись керосином, которого не всегда хватало на рейс; «так он ночью привяжет белую тряпку на палку, приделает на машину и говорит: „Это мой абажур“, так вот и ездил».

Сурик — Ганя Бачин имел ярко-рыжие волосы, похожие на распространенную в то время краску сурик.

Читок — Василий Петрович Бачин был маленького роста, а бывшую тогда в ходу маленькую бутылку водки (0,25 литра) в народе называли «читушка» (чекушка) или «читок».

Штиблет — Константин Бачин. После окончания войны многие мужчины по привычке ходили в кирзовых сапогах, а он носил штиблеты, что не осталось не замеченным односельчанами.

Сахабон или **Сахабóття** — Михаил Александрович Бачин. Кроме Култука много Бачиных проживало в деревнях Зун-Мурино и Туран в Тункинской долине, где девок за неровную, небрежную походку называли «Сахаботья».

Василий Дёмин — Мясленик (слева)

Эстонец — Валентин Бачин. Его отец после окончания Первой мировой войны привез домой жену-эстонку, их детей какое-то время звали Эстонцами, а у младшего сына, Валентина, прозвище осталось на всю жизнь.

Костя-Зуб — Константин Бачин, выделявшийся среди култучан своим золотым зубом.

Шомпол — Александр Бачин был высокий, имел своеобразную, прямую осанку, вот односельчане и сравнили его с шомполом для чистки ружья.

Заяц — Василий Иннокентьевич Бачин. Кроме того, что он не удался ростом и быстро передвигался, еще любил повторять присказку: «Заяц трепаться не любит».

Асламовы

Прокурорша — Татьяна Агафоновна Асламова, очень равнодушный человек, любила, чтобы во всем был порядок, всегда боролась за справедливость, всё про всех знала, ее уважали и побаивались.

Тайшинские — на заимке в Тункинской долине жил «тайша» (по-бурятски — «начальник»), который взял в жены одну из сестер Асламовых. Так потомки их стали Тайшинскими.

Садыра — Петр Константинович Асламов. Объяснение прозвищу пока найти не удалось. Односельчане вспоминают, что был он хорошим плотником, очень ответственным, но в то же время несколько высокомерным, считал себя непререкаемым авторитетом. Садыры — звали и его родственников.

Угол — Виктор Борисович Асламов, который жил на углу улиц Кирова и Времянка.

Колобок — Николай Михайлович Асламов был упитанным и маленького роста, как колобок.

Лама — Николай Асламов. Соседи вспоминают, что он «походил на ламу — лысый, с прищуренным глазом, и жена его была под стать — колдовка, превращалась в ворону, свинью и молоко у коров отнимала».

Сарт — Николай Георгиевич Асламов, тихоня, но очень сильный, никогда не дрался, потому что боялся своей силы. В Сибири сартами называли выходцев из Средней Азии. В словаре тюркских наречий «сарт» — «твердый, крепкий, острый, строгий, сильный».

**Константин Иванович Асламов —
Тайшинский**

вности, крепости, здоровью. Такое же прозвище есть в селе Тунка, и причина та же.

Кобелевы

Мизгирь — Михаил Кобелев. Во время Великой Отечественной войны он работал на железной дороге, имел броню, был очень хозяйственным, «все в дом нес». Жenu его называли «Мизгириха». По В.И. Далю, «мизгирь» — это «паук, муховор». Можно ли считать это объяснением прозвища, однозначно утверждать нельзя.

Храп — Михаил Михайлович Кобелев. Односельчане вспоминают, что храпел он отменно: «только прилег — и захрапел».

Моргун — Кобелев, который из-за болезни глаз часто моргал.

Васильевы

Трактор — Василий Григорьевич Васильев. В детстве любил играть с какой-нибудь самодельной машинкой, тарахтя как трактор, так и вжился в роль трактора.

Евдешиха — Васильева, которую из-за непривычного для култучан отчества «Евгеньевна», прозвали «Евдешиха», а теперь и имени никто не помнит.

Аржаной — Николай Александрович Васильев, назван так по темному, ржаному цвету лица.

Железные — несколько поколений Васильевых называют железными благодаря присущей им выносли-

Шульгины

Бандура — Ефим Шульгин, плотник, строитель. Как он мог быть связан с украинским музыкальным инструментом? Однако у слова есть и второе значение: громоздкий, нескладный предмет. Скорее всего, прозвище можно объяснить именно этим.

Поняга — Шульгин, который с виду был худой и плоский, чем напоминал охотничью понягу.

Ирмышей — Гаврила Александрович Шульгин. По версии, рассказанной одной из Шульгиных, все Шульгины — из Тункинской долины, потомки бурят, поэтому и прозвище бурятское, означающее «ночной работник». Кроме основной работы, ночами Гаврила Александрович занимался выпиливанием наличников на заказ. Прозвище могло состоять из двух бурятских слов: «пила» — «хюрөө» и «работник» — «худэлмэришен». Труднопроизносимое для русских словосочетание со временем упростилось до «Ирмышей», а позднее и вовсе превратилось в русское «вермишель». Шульгины к тому же отличались заметной худобой и стройностью. Прозвище сохраняется до сих пор в разных вариантах: всех родственников его зовут **Ермышеевскими**, а женщин — **Вермишелихами**.

Управляющая — Екатерина Шульгина долго работала в поссовете уборщицей, жила рядом, ей часто доверяли ключи и даже печать, отчего она чувствовала себя важным человеком и любила покомандовать.

Академик — Шульгин, который выучился на прокурора, но вскоре «спился», однако ходил всегда с умным видом и с записной книжкой в руках, почему и прослыл «академиком».

Гавриловы

Саган — Федор Гаврилов, 1800 года рождения. Это самое старое из ныне известных прозвищ, сохранившееся в памяти култучан. В переводе с бурятского языка — «белый».

Бахалá или **Бахалáй** — один из внуков Федора Гаврилова. По-бурятски «баахалай» означает «паук, мизгирь».

Семёновы

Архиерей — Семен Иванович, солдат царской армии. Почему вдруг Архиерей? Из расспросов старожиллов удалось выяснить, что его отец служил при Култукской Никольской церкви. Там возле церкви он и был похоронен.

Колчак — Михаил Семёнов. Прозвище получил из-за сходства с А.В. Колчаком. Другое аналогичное прозвище одного из култучан было — **Гитлер**.

И другие

Ибага́ны — Шушаковы. Возможно, что прозвищем стало измененное в русской среде слово «имаган», что в переводе с монгольского языка означает «коза», «козел». Хотя не исключено, что в основе лежит другое монгольское слово — «ябаган» — «пеший, пехотный, пешеходный».

Лиза-Казачка — Поварова по мужу. Прозвище досталось ей по наследству вместе с привычкой ездить на лошади, а может, именно благодаря этой привычке.

Сибірчиха — была такая култучанка по фамилии Сибирцева, которая на личные сбережения во время Великой Отечественной войны купила танк для фронта.

Бекас — Геннадий Михайлович Михалёв, имевший в детстве непомерно длинный нос.

Долгий — Егор Белокуров не только сам был высоким, но и жил около Долгого мостика через речку Медлянку.

Потолок — Борис Кравченко. Был он невелик ростом, а прозвища часто давали по антитезе; аналогичные в Култуке же — Гулливер, Кавказ.

Кондуктор — Николай Бобков. Мальчишкой, убегая из дома, он ездил на проходящих поездах на кондукторской площадке.

Рука — змеинное жало — Григорий Егорович Парников. При его вспыльчивости выяснение отношений частенько доходило до драки. Работал он кузнецом, отчего имел силу в руках, поэтому первый же удар всегда заканчивался кровью. Григорий Егорович прошел всю войну, вернулся с наградами. Вскоре после возвращения вез домой доски, а лошадь «уросила». Возле поворота шли два солдата и на просьбу посторониться обозвали его «тыловой крысой», ну как тут было не побить их. Дело, как обычно, закончилось кровопролитием.

Волк — Ознобихин. Его соседка рассказывала, что он «как-то раз в лесу украл из чужой петли волка, нес его на спине и не заметил, что волк-то на одежде „отпечатался“». Пришел на работу — и все сразу поняли, кто волка украл, так и прозвали».

В завершение рассказа о прозвищах култучан стоит привести еще несколько курьезных случаев из жизни.

Царь, Гаврил Капитонович Сороковиков, работал води-

телем грузовика. В ту пору пассажирского транспорта еще не было и, чтобы доехать из Слюдянки в Култук, приходилось ловить попутку. Молодой специалист медик Клавдия Андрияновна Верещагина подбежала к Гаврилу Капитоновичу с просьбой:

— Товарищ Царь, доведите, пожалуйста, до Култука!

Он не растерялся и, широко распахнув дверку, театрально сказал:

— Садитесь, Королева!

Или еще один пример. Не все из потомков Карандаша были трезвенниками. Как-то во время праздника

произошел такой случай. Гости, зайдя в темные сени, обо что-то запнулись и, чуть не упав, ввалились в избу:

— Здорово живете, хозяева, с праздничком вас! А что это там в сенях валяется, чуть не убились?

На что хозяин так, между прочим, отвечал:

— Да, Карандаши...

А теперь основная байка, которая уже приводилась в начале статьи, но существовала в нескольких вариантах.

Приезжает иркутянин за картошкой, человек на улице советуется ему постучать к Королю, что он и делает. Но у Короля необходимого продукта нет, он посылает его к Царю, и тут Царь, желая пошутить, отправляет незадачливого иркутянина:

— У меня-то нет, а ты вон к Солитёру пойдешь, у него-то точно есть. Он тебе даст!

— Товарищ Солитёр, нет ли у вас...

— Я тебе покажу Солитёра...

Каждый может завершить эту историю в меру своей фан-

**Григорий Егорович Парников —
Рука — змеиное жало (справа)**

тазии. А про Солитёра вспоминают, что он от обиды «аж драться налетал».

Вот так приезжие, не знакомые с култукскими обычаями, попадали впросак, а култучане веселились и придумывали новые прозвища. За последние полвека состав населения Култука сильно изменился, и, к сожалению, лишь остатки этой традиции дошли до нашего времени.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 50, оп. 2, д. 2213; оп. 3, д. 26, 31, 128; оп. 7, д. 24. Метрические книги Тункинской Никольской церкви за 1817, 1781, 1783, 1792, 1777 гг.

2. Российский государственный архив древних актов, ф. 350, оп. 2, д. 1059, ч. 2. Ведомости и скаски 1762–1763 гг., сочиненные «по силе опубликованного... Правительствующего Сената печатного указу о положенных... по последней 1747 году ревизии в подушном окладе...»

3. Слюдянский районный ЗАГС. Метрическая книга Култукской Никольской церкви за 1911 г.

4. Батоев Б.Б. Русско-бурятский словарь для учащихся и студентов. Улан-Удэ, 1998.

5. Бимбаев Р. Монгольско-русский словарь. Иркутск, 1916.

6. Гаврилов Д.З. Из истории Култука // Ленинское знамя. 1979. 29 мая.

7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1999.

8. Дёмин В.Г. Родовое гнездо // Сибирь. 2001. № 2.

9. Ермакова Л. О православии в Тунке // Тунка: история и современность. Улан-Удэ, 1998.

10. Ермолаев В.В. Штрихи к портрету // Славное море. 1997. 2 окт.

11. Монгольско-русский словарь. Иркутск, 1916.

12. Монгольско-русский словарь. М., 1957.

13. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 15-е изд., стереотип. М., 1984.

14. Попов И.Н. Якутско-русский словарь. Якутск, 1931.

15. Просекин М.М. Дом из силикатного кирпича. Иркутск, 1990.

16. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893.

**О СВАДЕБНОМ РИТУАЛЕ
РУССКИХ КРЕСТЬЯН
ЕНИСЕЕ-АНГАРО-ЛЕНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)**

*Любовь Сергеевна
Дмитриева*

*Алефтина Геннадьевна
Шахнович*

творческая мастерская «Берестень», г. Иркутск

Одной из значимых частей культурно-бытового уклада русского старожильского населения Восточной Сибири в конце XIX – начале XX века являлся свадебный ритуал. Он всегда привлекал внимание историков и этнографов, поскольку был основным способом заключения брака и формирования семьи. Изучение свадебной обрядности русского этноса — общности крупной и сложной в структурном отношении — представляет собой достаточно трудную задачу. Нами для исследования выбран исключительный в этнографическом отношении регион со своими характерными особенностями. Русское старожильское население при его формировании и расселении отличалось контактированием с местными народами, обретением локальных различий в культурно-бытовой сфере. Для рассматриваемого региона характерны сочетание различных традиций, приносимых русскими переселенцами с XVII века, и более высокая, чем у поздних переселенцев, сохранность архаических компонентов.

В данной работе затронуты общие вопросы русского свадебного ритуала, подробнее описаны обряды из свадьбы до венца, на фотографиях представлены персонажи свадь-

бы, реконструированной творческой мастерской «Берестень» (г. Иркутск), костюмы участников свадьбы и декор свадебного поезда исполнены членами мастерской.

В словаре В.И. Даля отмечено, что «брак — законный союз мужа и жены; супружество; таинство венчания, соединение четы церковью». Жена — замужняя женщина, супруга. Муж — относительно к женщине, жене: супруг, хозяин, образующий с женой чету. Свадьба понимается как «обручение, совершение брака, женитьба и замужество, повенчанье со всеми брачными обрядами и пирушками» (5). Это одно из самых ярких, эмоциональных проявлений народной культуры, красочное театрализованное действо, исполненное глубокой символики.

Русская свадьба, отличаясь большим разнообразием и множеством региональных особенностей, сохранила обязательную для всех мест структуру. Наиболее общие периоды свадьбы следующие: предсвадебный период — от сватовства до дня венчания; день бракосочетания — от утра дня венчания до первой брачной ночи; послесвадебные обряды — могли выполняться в течение всего первого года жизни молодых (8).

Предсвадебный период мог включать: выбор невесты, сватовство, рукобитье, сговор, запой, смотрение места (хозяйство жениха), смотрины невесты, завешивание невесты, богомолье, побывалки, мальчишник, девичник и др. Какие-то из этих обрядов могли отсутствовать, либо совмещались несколько обрядов в один. Последовательность проведения обрядов могла быть своей для каждого места проживания брачующихся, как результат местных обычаев.

День бракосочетания, как правило, включал свадьбу до венца и свадьбу после венца. При этом свадебные события происходили в доме невесты и в доме жениха, на улице, в храме. Основными обрядами и действиями в этот день являлись: одевание невесты к венцу, благословение невесты родителями, девичий стол, приезд жениха, выкуп косы, стол до венца, благословение молодых к венцу, венчание, перевоз приданого невесты в дом жениха, перегораживание дороги, встреча молодых хлебом-солью и осыпание зерном, свадебный стол, раздача даровый, окручивание молодой, брачная ночь.

В послесвадебный период в течение года осуществлялось меньшее количество действий, например, торжество в доме жениха, бужение жениха и невесты, совместное мытье молодых в бане, угощение матерью невесты; обычай посылать родителям невесты кулебяку, символизирующую целомуд-

Невеста. Фото В. Щепина. 2003 г.

ренность невесты, или битье посуды по этому поводу, гуляния ряженных.

Между рукобильем и свадьбой проходило иной раз от месяца до года для подготовки приданого. По существовавшей традиции невеста должна была иметь повседневную и праздничную одежду на несколько лет. Обязательным считалось невесте иметь постель. Каждый родители старались получше справиться приданое для дочери. Одежды и обуви в приданое дочери-невесте родители давали побольше, чтобы ей легче жилось в доме мужа.

Лопоть (одежду) складывали в сундуки, которые делали местные мастера. Время заключения браков у русских крестьян края было тесно связано с земледельческим календарем. Вступление в брак приурочивалось к свободным от сельскохозяйственных забот периодам года (например осенний и зимний мясоед) (11).

Состав участников свадьбы был обширен и разнообразен. Основную группу среди них составляли члены двух вступающих в родство семейно-родственных коллективов.

Центральными фигурами являлись жених и невеста (князь с княгиней), они играли пассивные роли, лишь выполняя то, что от них требовал обычай. На первых этапах свадьбы невеста выступала как член семьи своих родителей, в период венчания — как индивидуальное лицо, на заключительных этапах свадьбы — как представитель нового семейно-родственного коллектива.

Активными участниками свадьбы были родители жениха. Они являлись, как правило, инициаторами женитьбы сына, решали хозяйственные вопросы. Роль матери была более разнообразна, чем роль отца. Она смотрела на невесту как на помощницу и исполнительницу своих распоряжений, она же совершала обряды и действия, символизирующие прием новобрачной в семью.

Видное место среди участников свадьбы занимали и родители невесты (благословляли дочь на брак, производили домашнее обручение брачующихся). Мать невесты встречала поезжан, кормила жениха яичницей.

Особое место среди участников свадьбы занимал младший брат невесты, он продавал ее косу.

Подруги — сверстницы невесты и друзья — сверстники жениха выполняли разнообразную обрядовую нагрузку в предсвадебный и послесвадебный периоды.

Самым почетным участником свадьбы среди свадебных чинов являлся тысяцкий, которым, как правило, был крестный отец жениха, он среди поезжан был представителем его семейно-родственного коллектива, опекуном и наставником жениха на свадьбе, ехал вместе с женихом по его правую руку, сидел за свадебным столом справа от него, нередко производил всевозможные выкупы, ему пели величальные песни, он заменял отца жениха во время его поездки за невестой и во время венчания, где, согласно существующим брачным нормам, родители присутствовать не могли.

Основную распорядительную функцию на протяжении свадьбы выполнял другой свадебный чин — дружка, способный на всевозможные выдумки, остроты,

Жених. Фото В. Щепина. 2003 г.

Дружка. Фото В. Щепина. 2003 г.

байки, расторопный, находчивый, хорошо знающий свадебный ритуал женатый родственник жениха. По народным представлениям, в обязанности дружки входило оберегать жениха и невесту, а также всех участников от всего, что могло помешать совершению свадебных обрядов. Распорядительная роль дружки сохранялась и в доме невесты.

Однако в Марковой и соседних деревнях, что под Иркутском, главным действующим лицом свадьбы являлся тысяцкий, а дружка совсем отсутствовал (17). В помощь дружке выделялся специальный

свадебный чин — поддружье (полудружье), он всегда следовал за дружкой и расторопно выполнял все его поручения.

Остальные чины, как правило, не выполняли каких-либо специфических задач или круг их обязанностей был ограничен. К таким чинам относились большие и малые бояре, которыми были соответственно близкие и дальние родственники жениха, свахи. Обслуживанием участников свадьбы в основном занимались стряпки.

По данным А. Ермолаева, при описании ритуала свадьбы в селе Кежемском отмечено, что дружка опоясан расшитым полотенцем, имеет столбец и переборный пояс, надетый через плечо (6).

День бракосочетания, который состоял из свадьбы до венца и свадьбы после венца, назывался браньём. В день свадьбы с утра к невесте собирались девушки и начинали одевать ее к венцу: надевали белую рубашку, подпоясывая ее «крестильным» пояском, надевая юбку, девицы пели (15). По

другим свидетельствам, подружки пели причитания, во время которых совершался обряд расчесывания волос невесты ее матерью, крестной, ближайшими родственниками. Затем голову украшали венком из покупных цветов, а в богатых семьях в конце XIX века вошла в моду вуаль (фата) (3; 4).

Платье шили в зависимости от достатка в семье, однако большинство сибирячек венчались в этот период в традиционных крестьянских костюмах — сарафане с рубашкой и запонном. Невесты же из более состоятельных семей были одеты к венцу в платья из розового шелка или батиста (3; 4).

После одевания невесту благословляли ее родители и крестная мать иконой и хлебом-солью. После этого все, кроме невесты, завтракали. Затем готовили стол к приезду жениха и закрывали его полотенцем. Невеста садилась за стол в передний угол, охраняемая подружками-проводниками, братом или сестрой (3; 4; 15). Перед приездом поезжан на бранье девицы запевали «Красу». Невеста выплетала ленты, распускала косу и, не выпуская ленты из рук, ежеминутно встряхивая, развивала их перед глазами и, смотря на них, сильно плакала, подходила она с ними и к матери, и к отцу. Они плакали все более, чем когда-либо, а когда девицы кончали песню, невеста раздавала им ленты, забрасывая их на плечо. При этом рвала с головы волосы и

Приезд поезда жениха. Фото В. Щепина. 2003 г.

Жених с боярами. Фото В. Щепина. 2003 г.

делила их по пасмочке девицам. Покончив с «красой», благословляли невесту к венцу. Среди избы расстилали оленью шкуру, затепляли у икон свечи. Отец, взяв икону, становился на оленину, куда также становилась и мать. Сваха, взяв невесту за руку, выводила ее из-за стола к отцу, и она трижды кланялась ему в ноги. Отец творил три раза крестное знамение на ее голове, говоря: «Господи, благослови». Отец передавал икону матери, невеста кланялась ей и мать благословляла дочь. Потом благословляли крестные своей иконой, которая и отдавалась невесте. При благословении все родные сильно плакали, плакали и некоторые из пришедших поглядеть. После благословения икону ставили на божничку, невеста садилась опять за стол, девицы приготавливали «оружие» («пичкалины» и «самострелы») к встрече бояр.

У жениха в этот день собирались бояре, украшали лошадей; отец, мать и крестные благословляли жениха, которого выводил тысяцкий. Жениха благословляли так же, как и невесту. Затем весь поезд отправлялся на браньё, родители провожали.

Свадебный поезд (кортеж) пришел к нам из глубины веков. Убранство свадебного поезда было весьма красочным: кони по масти, кошевы с расписными задками и стенками,

расписные и резные дуги, звонкие колокольчики, самая дорогая сбруя. Молодых садили на меховую шубу и покрывали меховым пологом (к богатству). Кроме этого свадебный поезд всегда украшался цветами, лентами, колокольчиками.

Порядок размещения следующий: в первых санях меньшей боярин, с иконой; во вторых — средний, в третьих — большой; затем тысяцкий с женихом; сваха с провожатым мальчиком — сзади. Дружка на особо украшенной лошади верхом трижды объезжал поезд, трижды говоря: «Господи, Иисусе Христе, Сын Божий, помилуй нас!» Затем он выезжал вперед и поезд трогался (15).

Девичы, завидя поезд, запевали. Во дворе хозяин встречал дорогих гостей, угощал, просил проходить в дом. Во дворе происходило шуточное «сражение» свих, а в избе на просьбу дружки красным девицам выйти из-за стола последние открывали стрельбу из «пичкалин» и «самострела». Потом дружка всех умирал, взмахивая нагайкой. Жениху подносили подарок и одаривали поезжан (а могли и не одаривать, если невеста небогата) (15).

В других вариантах приезд жениха и его родственников в дом невесты сопровождался нарочито устраиваемыми трудностями (3; 9; 10). Жених должен был до трех раз стучаться в ворота, дружка просил открыть их: «Батюшка родимый, отвори ворота дубовые, тесовые, пропусти нашего князя молодого к своей княгине молодой! Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь».

Подружки невесты вели торг с женихом, наконец отец отворял двери и жених со всеми поезжанами входили в избу.

Во многих местностях отмечен такой важный обряд, как выкуп косы («девичьей красы»). Косу изображала красная лента на подносе (9). После выкупа жених брал ее себе. Девью косу могла изображать палка, украшенная лентами и платком, с привязанным на конце колокольцем (10). Велся торг не только за косу, но и за место рядом с невестой. Торг мог происходить за деньги, включать игровые моменты, например бросание дружкой шапки, которую брат невесты должен был поймать косою невесты. Если ему это не удавалось, то он выпивал стакан вина, дружка клал ему на блюдо деньги (выкуп за косу), и брат уступал свое место жениху.

В других местах Приангарья также зафиксирован обряд выкупа косы, при этом отмечается, что косу продавал жениху иногда специальный «косопродавец», дружка жениха. Выкуп косы рассматривался как обретение права на брак.

**Выкупил невесту. Фото В. Щепина.
2003 г.**

После этого дружка снимал полотенце со стола и подавал знак к началу угощения. Стол начинался с угощения вином, а потом шло угощение с «ложечки» и с «вилочки» присутствующими друг друга; первым это делал отец невесты, подавая ложку окрошки (квас с кусками мяса, лука, других приправ) тысяцкому.

Обряды выкупа косы предшествовали действия угощения стоя поезжан из бутылки вином, привезенным женихом, девицы при этом «куражились» и «церемонились», чтобы «проморить жениха» (10). Затем происходило сражение свах жениха и

невесты за место около невесты. Оно заключалось в следующем: у каждой свахи в руках было блюдо с опрокинутой рюмкой с вином. Как только свахи встречались, они перепрокидывали рюмки, чокались, но в этот момент каждая старалась свое вино перелить в рюмку другой или облить свою противницу; которой это удавалось, та и считалась победительницей и занимала место около невесты (10).

После угощения и подношения невестой даров (на этот раз уже не отдаривали) целовали (благодарили) сначала жениха, а потом податчицу (невесту). Когда всех обдарят, дружка говорил: «Как бы нам, господин хозяин, руку в руку вручить?» Тогда отец подходил, держа в правой руке платок, и все клали свои руки на платок в таком порядке: тысяцкий,

жених, невеста, большой, средний и меньшей бояре, свахи (женихова, невестина). Отец же поучал невесту слушаться и почитать свекра и свекровь, всех старших, слушаться мужа, чтобы родителям получать хорошие вести. Жениху же говорил: «Ты, дитя, люби ее, но и учить надо, ты люби ее, как душу, а бей, как шубу» (15).

Кончив напутствие, руки разнимали, затем мать поучала дочь. «Вручив руку в руку», дружка по солнцу выводил всех из-за стола. Простившись, родители вручали меньшому боярину образ, которым благословили, и провожали всех на двор, выносили бутылку вина, жбан пива и подавали боярам до трех раз, после чего все садились в экипажи. Молодежник стрелял, и поезд двигался, провожаемый благословениями и пожеланиями родных. Когда поезд отъезжал от деревни на некоторое расстояние, дружка оставлял поезд ехать своим порядком, а сам возвращался к отцу и матери невесты и сообщал им соответствующими приговорами, что поезд едет благополучно, затем возвращался к поезду (10). Так как невеста уезжала из дому уже навсегда, то прощание бывало, конечно, с большим плачем, и, едучи, невеста все оборачивалась и смотрела, сильно плача, на свой дом, как бы желая вырваться туда обратно.

Приведем и другие варианты размещения участников свадьбы в свадебном поезде и

Спустя годы. Фото В. Щепина.

церемонии его сопровождения при движении к церкви. Порядок усаживания следующий: в первую кошеву садился тысяцкий, во вторую — жених со своей свахой, в третью — невеста со своей свахой, а на прочих рассаживались бояре. Дружка с иконой в руках обходил вокруг поезда со словами молитвы о благословении молодого князя с молодой княгиней ехать под венец. Дружка садился в первую кошеву с тысяцким, и поезд трогался (9). К венцу ехали в таком порядке: впереди все три боярина, потом тысяцкий с женихом, свахи — невестина с жениховой, затем невеста с девицами. Дружка, выехав со двора верхом, по дороге все увивался вокруг поезда, как бы беспокоясь, чего бы не случилось (15).

В Прибайкалье после благословения жених увозил невесту под злат венец. Иногда невеста ехала с подружками на своей повозке, а жених с дружками на своей. Свадебный поезд состоял из 5–10 повозок, запряженных парами, тройками украшенных лошадей. Летом у сибиряков свадебный кортеж состоял из верховых лошадей. Впереди всех ехал дружка, потом рядом жених с невестой, за ними попарно остальные. Приданое невесты увозили в дом жениха после отъезда молодых к венцу и до их возвращения уже успевали разместить приданое в доме жениха (3; 4).

Общими моментами свадебного поезда были его важность и красота, соответствующий местным обычаям порядок размещения поезжан в повозках поезда, ведущая роль дружки и ответственность за благополучное свершение этого действия, в большинстве случаев раздельное размещение жениха и невесты в повозках поезда. Следующим этапом свадебного ритуала было венчание молодых, и далее проводились обряды свадьбы после венца.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапитова Р., Ладик Л. Сибирский свадебный обряд. Иркутск, 1995.
2. Арефьев В.С. Материалы по этнографии Енисейской губернии: Свадьба в Ангарской деревне // Известия ВСОИРГО. 1902. Т. 32, № 1–2.
3. Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1971. Ч.1: Приангарье.
4. Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975. Ч. 2: Забайкалье.

5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1994.
6. Ермолаев А. Свадебные наговоры дружки в Ангарской деревне // Сибирский архив. 1912. № 8.
7. Зензинов В.М. Старинные люди у холодного океана. Русское устье Якутской области Верхоянского округа. 2-е изд., испр. и доп. М., 1914.
8. Зорин Н.В. Русский свадебный ритуал. М., 2001.
9. Красноженова М.В. Описание крестьянской свадьбы в дер. Лапиной // Известия ВСОИРГО. 1909. Т. 38.
10. Красноженова М.В. Из свадебных обычаев Енисейской губ. Описание свадьбы в дер. Злобиной // Известия ВСОИРГО. 1908. Т. 36.
11. Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Восточная Сибирь. Енисейская губерния. СПб., 1913.
12. Мишарин Д.Н. Свадебные песни, записанные в Верхонском уезде Иркутской губернии. — Иркутск, 1917. (Известия ВСОИРГО. Т. 45).
13. Попов А.М. Свадьба у крестьян г. Мезелинска Уфимской губернии // ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 753.
14. Пруссак А. Свадебные песни Иркутской губернии: этнографические материалы // ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 781.
15. Розенбаум С.П., Арефьев С.В. Свадьба в ангарской деревне // Известия ВСОИРГО. 1901. Т. 31, № 1–2.
16. Самойлович Е.Я. Библиографические материалы для изучения русских свадебных обрядов в Сибири. Иркутск, 1925.
17. Самойлович Е.Я. Отчет о летних наблюдениях среди крестьян дер. Марковой и др., Смоленской волости, Иркутской губ. // Этнологическая секция [ВСОИРГО] в 1924 г. Иркутск, 1925.
18. Суворов И. Еще об Илимских свадьбах. Иркутск, 1900.
19. Суворов И., Языков А. Илимские свадебные песни // Известия ВСОИРГО. 1898. Т. 2, № 2.
20. Чарина О.И. О русском свадебном обряде в Приленье // Живая старина. 2001. № 2.

ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ «СКАЗКИ О РЫБАКЕ И РЫБКЕ» А.С. ПУШКИНА

*Евгений Шулимович Соломон,
заведующий библиотекой Еврейского
культурного центра Иркутской области,
руководитель программы
«Живая история семей и родов
Иркутской еврейской диаспоры»,
г. Иркутск*

Анализ сюжета сказки я проводил на спецкурсах «Введение в этнодемографию» (частично) и «Введение в этносоциологию и этнопсихологию» (полностью), которые читал в 2002 году в Иркутском лингвистическом университете.

При подготовке одной из лекций, в которой я намеревался привести из этой сказки пример поведения, разрушающего семью, обратил внимание на название: «О РЫБАКЕ И РЫБКЕ». Сразу бросилось в глаза, что в нем не было упоминания о старухе, его жене.

Я взял четвертый том Полного собрания сочинений А.С. Пушкина. Возможно ли, чтобы поэт вкладывал какой-то иной смысл, ставил иные цели? Его возраст ко времени завершения сказки, 14 октября 1833 года, — 34 года. Это период творческой зрелости. Время таких произведений, как поэма «Руслан и Людмила», прошло.

Сюжет сказки поэт взял из сборника сказок братьев Гримм, из померанской сказки «О рыбаке и его жене». Братья Гримм — католики. В их версии сказки старуха, став царицей, захотела власти римского папы, а затем Бога. Таким образом, под золотой рыбкой имелся в виду Бог. «Сказка о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина — это сказка о рыбаке и Боге. И действительно, кто выше царя (или папы римского)?

Приведенный в примечаниях к тому отрывок из сказки дает представление о роли бедного немецкого рыбака и его жены в продвижении идеалов богатства, знатности и господства. Роль и личность рыбака настолько неоднозначны, что этот феномен и его последствия должны были привлечь поэта. Жена рыбака проще в ее жажде неограниченной власти.

«„Муж, — сказала она, — я хочу быть папой, сейчас ступай же туда, сегодня же я должна быть папой“». **После недолгого**

спора (здесь и далее выделено мной. — Е. С.) старик пошел к морю. На море была сильная буря...». Он вызвал камбалу:

«Моя жена Изельбилль

Не хочет так, как я хочу.

„Ну, чего же она хочет?“ — сказала камбала. „Ах, — сказал муж, — она хочет быть папой“. „Ступай только, она уже папа“, — сказала камбала» (1, с. 586). Вернувшись, он увидел в освещенном светом тысяч свечей громадном соборе жену на троне, окруженную толпой духовенства. Она была одета в золото с ног до головы, а на голове сияли три золотые короны.

Диалоги супругов, в отличие от диалогов в русском варианте, не пронизаны в такой мере духом господства-подчинения: мы не видим следов публичного презрения жены, ставшей папой, к мужу, оставшемуся рыбаком. Поэтому его восхищение новым обликом жены, точнее, воплотившейся в нем колоссальной властью, выглядит естественно. Ведь не случайно, по замыслу братьев Гримм, именно в момент общего коленопреклонения императоров и королей, по очереди целующих ее туфлю, рыбак **беспрепятственно** (в отличие от варианта А.С. Пушкина) проходит к жене. Это свидетельство исключительности статуса, которого нет ни у одного монарха. Авторы дают понять в ключевом эпизоде, что супруги образуют единство, в котором рыбак играет, скрытно играет ведущую роль.

«„Жена, — сказал муж и пристально посмотрел на нее, — ты в самом деле папа теперь?“ — „Да, — сказала она, — я теперь папа“. Тогда он подошел ближе и смотрел да смотрел на нее, и казалось ему, что он смотрит на солнышко красное. Посмотревши так некоторое время на нее, он сказал: „Ах жена, как хорошо, что ты папа“. А она сидела... и молчала и не двигалась. Тогда он сказал: „Жена, ну теперь ты довольна, ты папа, и уж ничем больше не можешь быть“. „Об этом я еще подумаю“» (1, с. 587).

«Красное солнышко» — в нем для рыбака идеал господина, духовного повелителя императоров и королей, и, одновременно, это член его семьи. Только муж-рыбак может так, восхищаясь, поднимать перед ней планку все выше: «ты... уж **ничем больше** не можешь быть». Этим он намекает, что его-то влияние на камбалу растет, и если жена захочет... Правда, сильной буре на море он не придал никакого значения, ведь жена его стала римским папой.

В сказке далее говорится, что наутро старуха послала мужа с приказанием превратить ее в Бога. Но попытка встать над Богом, достичь желанного мирового господства потерпела крах. Всего шаг оставался до заветной цели.

В то же время из приведенного в комментариях отрывка нельзя понять, почему рыбак не пользуется своим положением, чтобы жить в роскоши, как жена.

Комментаторы отмечают, что Пушкин, «свободно переделывая сказку... заменяя западноевропейский колорит народным русским. Вероятно, поэтому он исключил из окончательной редакции эпизод о старухе, ставшей „римским папой“» (1, с. 579).

В своей сказке Пушкин ни разу не упоминает Бога. Но он изменил название так, чтобы в центре внимания были отношения рыбака и золотой рыбки — именно они раскрывают смысл произведения, его цели и задачи.

Вторая сюжетная линия — рыбак и его жена — является вспомогательной.

Задачи автора статьи:

1. Раскрыть смысл, цели и задачи произведения.

2. Определить, почему рыбак остается бедным, не пользуется своим положением, чтобы разбогатеть.

3. Пушкин только раз, и именно в названии характеризует главного героя как рыбака, а в тексте — он **старик, старичок** и т. п. Таким образом, с Богом имеет дело именно рыбак, психологический тип, манипулятор, профессионал в своем деле — ловить на приманку необходимых ему людей, а не одну только рыбу. Рыбак в этом смысле господин, он постоянно стремится к господству. Наша задача — это доказать.

4. Выяснить, почему в массовом сознании вспомогательная сюжетная линия традиционно является ведущей. Проблема в том, что в массовом сознании сказка однозначно трактуется как столкновение бесхитростной, безответной бедности, трудолюбия и безудержной алчности и господства.

При анализе сюжетных линий необходимо иметь в виду: а) характеристику поэта как «умнейшего человека России», данную ему Николаем I; б) стремление А.С. Пушкина давать прогноз духовному развитию страны, предупреждать о неизбежности кризиса; в) он должен был использовать весь интеллект, чтобы изощренно обходить умных цензоров.

Исследование мне привычнее проводить, представив, что я, как этносоциолог, прибыл на место, где живет эта семья. Анализ отношений героев надо вести с позиций объективизма, абстрагируясь от того, что нам все известно о поведении старухи, от устоявшихся эмоциональных оценок.

Особое внимание необходимо к завязке сюжета, когда раскрываются интересы сторон, намечается конфликт: к словам и поступкам старика в эпизодах, когда он поймал и отпустил

золотую рыбку, а вернувшись в ветхую землянку, рассказал об этом жене и снова вернулся на место рыбалки к золотой рыбке.

Надо иметь в виду, что: а) главный герой — старик, то есть зрелый, устоявшийся человек; б) положение его семьи безвыходно: уже корыто разбито. Впереди — старость, болезни, голод, смерть; в) хотя семья жила, как сказано, «у самого синего моря», однако старик позже не видит с берега ни боярского терема, ни царского дворца. Это значит, что в действительности жили они довольно далеко от берега и рыбак на пути к дому и обратно имел достаточно времени, чтобы продумать, в чем заключаются его интересы, как их соблюсти, кому, что и как сказать.

Внезапно увидев и услышав «великое чудо», он был вначале поражен и испуган. Такая реакция понятна. Отпустив рыбку, он сказал ей «ласковое слово»: «Бог с тобою, золотая рыбка, твоего мне откупа не надо... гуляй себе **на просторе**» (1, с. 460). Он не колебался в своем решении: 100 % его информации, переданной пойманной рыбке (4 предложения из 4), — это «ласковые слова». Щедрость души старика, несмотря на крайнюю нищету не пожелавшего воспользоваться ее безвыходным положением, всегда производит сильное впечатление.

Однако жене, с которой прожил жизнь, он сообщил один на один самое для него главное, сокровенное, даже не упомянув о «ласковых словах»: о происшедшем **великом** чуде, о том, что он сегодня «**поймал было** рыбку, **золотую** рыбку, не простую...», о том, что она «**дорогою** ценой откупалась... **чем только пожелаю**...» (1, с. 461). Объективно информация, брошенная им в сознание нищей супруги, — это воплощение соблазна за счет выкупа избавиться от нищеты, разбогатеть.

И только одно препятствие — он всего лишь «не посмел... взять выкуп...» Эта досадная помеха намного усиливает эмоциональное воздействие, подталкивая старуху к предсказуемой бурной реакции: «Дурачина ты, простофиля! Не умел ты взять выкупа с рыбки! Хоть бы взял ты с нее корыто...» (1, с. 461).

Его «не посмел» указывает на подлинную причину проявленной душевной щедрости. Хотел взять выкуп, но не смог от неожиданности, страха, а также от принятой на себя социальной роли — рыбака, с которой он давно сжился. Если бы он проявил искреннюю жалость к пойманной рыбке, мог упомянуть о своих «ласковых словах». И хотя старуха погнала бы его за выкупом, но нравственно он бы только выиграл.

Но (внимание!) Пушкин таких слов ему в уста не вкладывает. Более того, один из студентов обратил внимание на то,

что старик никогда не говорит «спасибо» рыбе. А это значит, что подлинные интересы, которыми он руководствуется, далеки от благодарности.

Но если б ему помогал какой-нибудь помещик, то рыбак бы его безусловно благодарил. Чем же так отличается в сознании рыбака статус золотой рыбки от статуса помещика-благодетеля? Тем, что эта рыба была у него в сетях. В тот решающий момент жизни рыбак был ее господином. Такое не забывается. Значит, в этой необычной рыбе было нечто, на что рыбак рассчитывал ее поймать, вернуть в сети. И есть все основания считать, что рыбак решил идти брать выкуп до того, как появился в землянке.

Обратим внимание, как рыбак, стоя у моря, которое «слегка разыгралось», обращается к золотой рыбе и как, в каком качестве он использует супругу.

Впервые обращаясь к рыбе за выкупом, он еще не мог знать, какой будет результат. Рыбка представляла собой неизвестную силу, и был, естественно, риск ее неблагоприятного воздействия. И старик прикрылся супругой, всю жизнь его кормившей, обстирывавшей. **«Смилуйся, государыня рыбка, разбранила меня моя старуха. Не дает старику мне покою: надобно ей новое корыто; наше-то совсем раскололось»** (1, с. 461).

Обвинения в корысти в адрес жены составили 80 % информации (5 предложений из 6). На таком фоне обращает на себя внимание использованное рыбаком в последнем предложении местоимение **«наше-то...»**, которое звучит как противопоставление обвинениям. Мог бы сказать **«ее-то** совсем раскололось», но предпочел повторить дословно слова жены. Так он как бы ненароком давал понять, что в новом корыте их общая потребность.

Очевидно, рыбак еще не был уверен в успехе тактики и таким способом надеялся скрыть, что речь идет все-таки о выкупе, что истинное предназначение тактики обвинений и жалоб в том, чтобы помочь ему в этом. Если бы он прямо, своими словами сказал об общей их потребности в новом корыте, тогда риск, что золотая рыбка заметит намеренный характер обвинений, был бы выше.

Но ошеломляющий результат — новое корыто, заработать на которое они не смогли десятилетиями напряженного труда, — дал сильнейший импульс иным идеалам в самосознании супругов. **«Дурачина ты, простофиля!.. В корыте много ли корысти?.. выпроси уж избу»** (1, с. 462). Это алчность видимая, публичная, демонстративная.

**Иллюстрация к «Сказке о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина.
Художник В.М. Конашевич**

На этом эмоционально насыщенном фоне тот факт, что в последующем диалоге с золотой рыбкой из речи рыбака исчезли местоимения **«наша, нам»** и т. п. (а речь шла о крайне необходимой им избе), не производит как будто особого впечатления. Как и то, что жалобы на все возрастающую алчность жены («избу просит сварливая баба») составляли уже 100 % его информации (4 предложения из 4).

Однако своим ответом «Так и быть: изба **вам** уж будет» золотая рыбка четко дала понять, что знает действительные нужды семьи и жалобами на «бабу» он ее не заманит в сеть (1, с. 462). Такой ответ, как и нарастающая неприветливость моря, должен был насторожить рыбака. Но ему не до таких тонкостей. Ведь успехи его тактики очевидны.

Золотая рыбка только в двух случаях ответила ему «будет **вам**»: новое корыто и изба — в них действительно нуждалась семья. Это признаки достатка, но не господства. В последующих диалогах рыбка не отвечала ничего, или — «будет

старуха царицей». Речь шла уже не об интересах семьи, а о формирующейся иерархии.

Таким образом, мы можем говорить о начале процесса разрушения семьи. Старуха еще не разделяла себя и супруга, когда требовала избы. Но рыбак **первым** произвел их разделение перед Богом (золотой рыбкой). Этим он, окончательно определившись в способе воздействия на рыбку, инициировал переход к следующему этапу своих с ней отношений.

Ведь жена не играла и не могла играть главной роли. Это по его воле, благодаря его тактике рыбка принесла им корыто и избу и должна была доставлять то, что захочет он. А хотеть он будет всегда. Ведь рыбка — золотая, ее возможности безмерны. И надо заметить, что своей тактикой он отсекал старуху как возможную конкурентку от золотой рыбки.

В этом смысле старуха — сначала столбовая дворянка, а потом и царица — являлась внешним выражением его «Я». Поэтому в его приветствии при виде нового облика жены слышится восхищение, но скорее восхищение собой, своей работой. «Здравствуй, барыня сударыня дворянка! — говорит он. Как раз в этот момент она была слуг — поэт не случайно ввел эту деталь. — Чай, теперь твоя душенька довольна».

И когда она отправляет его на конюшню, а став царицей, вообще прогоняет со двора — в таком отношении нет на самом деле особой несправедливости. Более того, именно положение бедняка помогало ему как постоянной жертве корысти воздействовать на золотую рыбку. Тактика рыбака по отношению к ней заключалась в том, чтобы внушать, что он попал в сети корыстной жены, требующей от него выкуп. Расчет на то, что эта ситуация должна вызывать у золотой рыбки ассоциации с тем, как она сама попала в его сети. Ей он отводил роль пожалевшего, спасшего ее рыбака.

Он сам конструировал ситуации социального угнетения. И если его масштабы вышли за некоторые пределы, то и его задача взять выкуп, вывести супругу на высшие ступени иерархии, становилась объективно проще.

Примечательно, что когда дворянка захотела стать царицей, он испугался отнюдь не того, что не сможет выпросить это у золотой рыбки, а того, что его «баба... ни ступить, ни молвить» не умеет, насмешит «целое царство». Это значит, что он сравнивал, какова она в роли дворянки, какова будет в роли царицы перед окружающими, анализировал ситуацию и контролировал ее. Поэтому он никогда не просил рыбку сделать так, чтобы жена была довольна тем, что имеет.

Таким образом, вместе с ошеломляющими успехами в соз-

дании царства во главе с его вторым «Я» в самосознании главного героя, очевидно, крепло убеждение, что его успешное манипулирование золотой рыбкой (Богом) — это и есть воля Бога. Пушкин показывает, что чем крепче такие убеждения, тем слабее связь с Богом и неизбежней крах.

Сюжет и его варианты, по нашему мнению, — очень ценный историко-психологический источник, который раскрывает перед нами психологические и идеологические мотивы раскола семей и формирования сословий. Мы узнаем, какую роль играла в этом обоюдная жажда растворения своей этнической идентичности, семейно-родственных отношений в идеале высшей власти.

В этой сказке А.С. Пушкин показывает нам еще один источник формирования отношений иерархии: она формировалась не только сверху вниз, но и снизу вверх, бедные «рыбаки» разделяли главные цели иерархии, ее психологию, картину мира. Ибо социальное угнетение не было и не могло быть при строительстве этих отношений главной целью. Рыбаков притягивало другое.

Пушкин, в отличие от братьев Гримм, не указывал, что старуха захотела стать Богом. В Российской империи действовал закон, принятый Собором в 1649 году, по которому в православном русском государстве православные русские дворяне продавали православных русских крестьян с разбивкой семей. Эти отношения — яркое воплощение господства над Богом. На родине братьев Гримм такого закона не было.

Важно отметить, что семейно-родственные отношения, чувства, переживания индивида, пройденный его предками путь с древнейших времен образуют ядро его этнического самосознания, а Бог находится в центре этого ядра.

Видимо, не случайно Пушкин предложил сюжет «Мертвых душ» Н.В. Гоголю, чтобы писатель, живший идеалом Святой Руси, силой таланта проверил, возможно ли, чтобы этот идеал, истинная вера в Бога возродили Чичиковых, за которыми стояла империя. Поэтому Гоголь назвал это произведение поэмой, а не романом. Поняв, что такое возрождение невозможно, что Бог отвернулся от России, он сжег второй том «Мертвых душ». Пережить это не мог и вскоре умер. До сих пор исследователи не видят данную связь между Гоголем и Пушкиным и сводят результат только к переоценке Гоголем своих сил и таланта.

Таким образом, цель и задачи А.С. Пушкина, на мой взгляд, можно сформулировать в терминах социологии так:

Цель — показать на примере рыбака как социально-психо-

логического типа, что попытка встать над Богом ведет сначала к распаду семейных отношений, а потом к краху созданной на такой основе сословной иерархии.

Задачи: 1) раскрыть роль рыбака в строительстве отношений сословной иерархии, влияние на ее духовный облик; 2) раскрыть мотивы и тактику поведения рыбака по отношению к золотой рыбке и своей жене; 3) показать, как и почему семейно-родственные отношения рыбака трансформируются в сословно-иерархические.

Сюжет сказки о том, как к семье, находящейся в безвыходном положении, явился Бог. Рыбак увидел в нем то, к чему был предрасположен, — золотую рыбку. Почему же в массовом сознании вспомогательная сюжетная линия традиционно является ведущей?

Подобный подход базируется на остроте проблем социальной несправедливости, их самодовлеющем характере.

Главную роль в том, что проблемы приняли такой характер, сыграли длившиеся только на государственном уровне 212 лет отношения торговли православными, против чего официальная церковь не выступала. Авторитет этнического взаимодействия и сотрудничества, авторитет религии был этими отношениями к концу XIX – началу XX века дискредитирован. В этническом самосознании немалой части людей был глубокий раскол, люди опирались на принадлежность к социально-профессиональным группам. Однако те же люди веками приносили в эти группы прежний дух господства-подчинения, крайней поляризации, а позже классовой борьбы, и неудивительно, что в массовом сознании сказка однозначно трактуется как столкновение бесхитростной безответной бедности, трудолюбия и безудержной алчности и господства.

Важно отделять искренних сторонников социальной справедливости от рыбаков, заинтересованных в бедности как инструменте господства.

Рыбак — это творец, в отличие от супруги, которая только требует роскоши, власти и ждет. Он — творец социальной и этнической идентичности слоев населения в разных странах. И у рыбаков есть перспективы в этом мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сказка о рыбаке и рыбке // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 4: Поэмы. Сказки.

НАШИ ИГРЫ

Наталья Николаевна Михайлова

До войны у нас дома было много игрушек. Почему-то мне не покупали кукол, а были мягкие игрушки-зверушки: мишки, зайцы, тигренки. Была игрушечная мебель и посуда. У Вовки была большая pedalная машина, на которой он разъезжал по двору. За военные годы игрушки состарились и поломались. Новых нам не покупали. Жена моего дяди Володи, тетя Тамара, прислала мне с Балхаша, где они жили, куклу — мальчика-казаха. У него была целлулоидная желтая головка с черными волосиками и узкими глазками. Одет он был в национальную одежду. Я его не очень любила, звала за черноту «негра». Я завидовала Лильке, у которой был настоящий целлулоидный пупс, голенький, розовый, с вращающейся головкой, руками и ногами. Его можно было купать, одевать, пеленать.

Мама купила мне набор: картонная плоская девочка, к которой прилагалось несколько бумажных платьев. Куклу можно было «переодевать», цепляя за нее различные платья с помощью имеющихся на них бумажных лепесточков. Мне нравилось это занятие. Я потом сама стала «шить» кукле новые платья — рисовала на бумаге и раскрашивала. Любила придумывать различные фасоны, рисовала платья простые и нарядные, длинные, с пышными рукавами, различными воротничками, оборками, кружевом. Став старше, я начала шить настоящие платья и всю жизнь все шила себе сама.

Мы с девочками летом во дворе любили играть «в дом». Во дворе между нашим и соседским крыльцом устраивали навес из большого кухонного половика. Приносили у кого что было: кукол, кровати, посудку, все это расставляли, как в настоящем доме. Любили там есть. Грызли сухие макароны, жмых (спрессованные отжимки от подсолнечных семечек), жевали серу и вар (черный, смолистый, склеивающий челюсти). Очень вкусным на улице казался хлеб с перышком

зеленого лука. Мы любили разорвать лук вдоль перышек, и они завивались красивыми зелеными кудрями.

У мальчишек в военные годы были свои игры. В них играли не только в нашем дворе и городе, они были распространены в то время по всей стране. Мальчишки пинали «зоску». К маленькому кусочку меха с длинным ворсом пришивалась плоская свинцушка или тяжелая пуговица. Боковой внутренней поверхностью стопы «зоска» подбивалась и взлетала на воздух. Нужно было не дать ей упасть и, переступив с ноги на ногу, снова подбить ее той же ногой. И так много раз. Выигрывал тот, кто насчитал большее количество ударов ногой, пока «зоска» не упала. Мальчишки собирались группой и подолгу «гоняли зоску», громко считая удары.

Еще было принято играть в «чику» и «пристенок» на металлические монеты. «Чика» заключалась в том, что сданные в игру деньги составлялись столбиком, потом кто-нибудь разбивал столбик «чикой» — плоской тяжелой круглой пластиной, монеты рассыпались. Играющие, ребром «чики» ударяя по краю лежащей на земле монеты, должны были перевернуть ее на обратную сторону. Если она переворачивалась — твоя, и бей дальше, а если нет — отдай ход другому игроку.

В «пристенке» же играли около ровной стены. Кидали по очереди монету об стену. Отскочив, она должна была упасть возле кого-нибудь на земле на расстоянии между большим пальцем и мизинцем. Тогда ты выиграл и забираешь деньги — можешь кидать дальше. Если же расстояние больше, игра переходит к другому. Бабушка запрещала Вовке играть на деньги. Правда, наши мальчишки играли в основном не из-за денег, а «кто победит».

Одной из самых популярных была игра «в войну».

Мальчишки катались на коньках, привязанных к валенкам веревками. У Вовки был один конек. Он его прикручивал к правому валенку с помощью веревки и палки. Прикручивал с самого утра, на нем, отталкиваясь левой ногой, ехал в школу. На нем «гонял» по двору и по улице во всех играх. От постоянного натяга веревки правый валенок у Вовки всегда быстро прорывался, и мама его ругала.

Любимым развлечением мальчишек было ездить на коньках по дороге, прицепившись за машину. Они делали для этого из толстой стальной проволоки длинные крюки, загибая их определенным образом. Надо было встать у обочины, поджидая машину, потом быстро кинуться к ней, ловко ухватиться крючком за что-то там под бортом, а потом, пригнувшись, нестись по укатанной дороге, подпрыгивая на неровностях.

Дома усадьбы 37 по улице Дзержинского. 1938 г.

Отцепиться от машины тоже требовало умения и ловкости. Отцепив крючок, любитель сильных ощущений еще довольно долго несясь по инерции, постепенно съезжая к обочине. Это развлечение было опасным. Но, видимо, вызывало непреодолимый азарт. Потому что Вовка, не слушаясь бабушку и маму, продолжал цепляться за машины.

Девчонки играли в «классы», начерченные на земле палкой. Прыгали через скакалку, делали это очень ловко. Обычно двое крутили скакалку из толстой веревки, а мы прыгали через нее и прямо, и «в котёл», когда веревка вращалась не на тебя, а от тебя, и по двое, и непрерывной цепочкой один за другим, и двумя ногами враз, и на одной ноге. Мальчишки, глядя на нас, тоже вступали в игру. Все мои сверстники всегда скакали в общую скакалку.

Любимой общей игрой были «лунки». Под нашим окном на ровной площадке по одной линии были выкопаны на небольшом расстоянии друг от друга лунки — небольшие круглые углубления. Каждый выбирал себе лунку и запасался «яичками» — стекляшками или камешками. Ведущий прокатывал по лункам небольшой резиновый мячик. Когда он останавливался в одной из лунок, все со смехом и криком кидались врассыпную. А владелец лунки, в которую попал мяч, должен был его хватать и «шить» разбегающихся, стараясь кого-нибудь

«запятнать» мячом. «Запятнанный» клал в свою лунку «яичко», и игра продолжалась. Играли до пяти или десяти «яичек», как уж уславливались вначале.

Любили прятки. Один «голил», он закрывал глаза и громко считал: «Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать, кто не спрятался, я не виноват». За это время играющим надо было спрятаться, кто куда мог. Иногда уславливались: «За воротами не прятаться» или «В заднем дворе не прятаться». Нередко игра в прятки начиналась «палочками». На нижний край дощечки, положенной через упор на землю, укладывались палочки по количеству играющих и еще палочка-«застукалочка». Кто-нибудь ударял по верхнему краю дощечки, палочки разлетались в разные стороны. Голивший должен был их собрать и положить на доску, а также — на видное место «застукалочку». Все в это время прятались. Если по дощечке ударить очень удачно, то палочки разлетались далеко и времени, чтобы спрятаться, было много. Голивший искал, а спрятавшимся можно было выскочить из своего укрытия, подбежать к палочке и «застучаться». Тебе уже не грозило быть найденным. Первый, кого найдет и «застучит» голивший, сам должен был «голить».

Кому первому голить, определялось считалкой, их было много. Я запомнила такие:

*Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана.
Буду резать, буду бить, все равно тебе голить.*

*Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять.
Вдруг охотник выбегает, прямо в зайчика стреляет,
Пиф-паф, ой-ой-ой, погибает зайчик мой.*

*Аты-баты, шли солдаты. Аты-баты, на базар.
Аты-баты, что купили? Аты-баты, самовар.*

*Эники-беники ели вареники.
Эники-беники, бемс.*

*На золотом крыльце сидели
Царь, царевич, король, королевич,
Сапожник, портной.
Кто ты будешь такой?
Говори поскорей,
Не задерживай добрых людей.*

Ребята нашего двора. 1940 г.

Из «тихих» игр были домино, лото, карты (играли в «дурака» простого и подкидного, переходного, в «пьяницу»). Играли в городки, называя город на букву, которой заканчивался предыдущий.

Очень любили играть в фанты. Все обычно усаживались на крыльце. Один был ведущим. Он скороговоркой произносил для каждого играющего по очереди: «Приглашая вас на бал, вам барыня прислала голик и веник, сто рублей денег. Что хотите, то берите, черное с белым не берите. „Да“ и „нет“ не говорите. Велела не смеяться, не улыбаться, губки бантиком не делать. Вы

поедете на бал?» Тот, к кому обращались, должен был отвечать на разные вопросы ведущего, обязательно выполняя перечисленные условия. А ведущий старался рассмешить игравшего, заставить его проговориться. Если хоть одно из условий нарушалось, чаще всего все не выдерживали и начинали смеяться, то проигравший отдавал свой фант: платок, брошку, ленточку, заколку, фантик от конфеты. Когда у всех фанты были собраны, начинали их «разыгрывать». За спиной у кого-нибудь ведущий держал чей-то фант и спрашивал: «Что этому фанту сделать?» Ему назначалось какое-нибудь задание, которое непременно нужно было выполнить, чтобы вернуть свой фант. Обычно назначалось что-нибудь смешное: прокукарекать десять раз, захрюкать, пробежаться по двору на четвереньках, еще что-нибудь. Трудных или унижительных заданий не назначалось.

Самой любимой игрой дворовой детворы была лапта, мы ее называли «в выжигалы». В ней обычно принимало участие много народу, возраст при этом значения не имел. Принимался каждый, кто мог быстро бегать, кидать мяч и ударять по нему. Играющие разделялись на две команды.

Для этого выбирались две «матки» из самых авторитетных, обычно самых ловких мальчишек. Остальные, выбрав себе пару и загадав для себя какое-нибудь слово или предмет, подходили и спрашивали: «Матка, матка, чей допрос?» Получив ответ, предлагали на выбор: «самолет или танк» (или «вода или огонь», «красное или белое» и пр.). Выбрав вариант, матка получала в команду соответствующего игрока. Каждый в пару себе подбирал равного игрока, поэтому команды по силам тоже получались равными. Потом разыгрывалось, какой команде быть в «нарывалах» (от слова «нарываться» — бежать), а какой — в «выжигалах» («выжигать» игрока — попасть в него мячом). «Выжигалы» равномерно распределялись по всей игровой площадке двора, а «нарывалы» выстраивались друг за другом в самом начале площадки за чертой, прорисованной на земле. Матка «выжигал» подавала мяч, подбрасывая его в воздух, а первый в очереди игрок из «нарывал» бил по нему, стараясь ударить

**Подружки: Лялька (слева) и Туська (я).
Сзади мой брат Вовка. 1940 г.**

как можно сильнее и выше — запустить свечу. Мальчишки били лаптой-палкой, а девочки — простой ладошкой. Все «нарывалы» кидались бегом к противоположной стороне площадки за другую черту. Задача «выжигал» была — поймать (или уж поднять) мяч и стараться «выжечь» из игры кого-нибудь из бегущих. В кого мяч попал, тот выходит из игры и становится запасным. Снова — подача и удар по мячу. «Нарывалы» несутся через поле к переднему краю. Их опять стараются «выжечь». При обратном беге «нары-

***В нашем дворе через много лет «после детства».
Слева направо: Жужута (Е. Герасимова), Лялька
(Е. Ласточкина), Севка (В. Федоренко), Дина (Д. Герасимова),
Туська (Н. Михайлова). 2004 г.***

валы» имели право ловить летящий мяч (бьющий старался подать высокую свечку, ее легко было ловить). Если мяч был пойман «нарывалами», то один из выбывших возвращался в игру. Играли до тех пор, пока все «нарывалы» не были выбиты из игры. Тогда команды менялись местами. Игра увлекала. Смеялись над неловкостями, кричали «Ура!» при удачах, громко спорили. Шум и крик стоял во дворе. То и дело слышалось: «Лови!», «Мазила!», «Здорово!», «Наша взяла!» Бывало, что кто-то падал, обдирая коленки, или получал больно мячом. Но по этой причине никто не хныкал и никогда не выходил из игры. Этому учились и самые маленькие. Мы могли играть целый день, заканчивая игру уже в сумерках, когда мяч был виден только высоко в воздухе. Нередко, особенно вечерами после работы, игра привлекала и взрослых, они «болели» за свои команды. Тетя Таня Федоренко всегда высовывалась из своего окна над лестницей, в открытые окна наблюдали Елена Яковлевна и Елена Романовна, бабушка и Калерия Яковлевна любили сидеть на крыльце. Наш шум и беготня во дворе

никого не раздражали. Все смеялись и радовались вместе с нами.

Второй любимой игрой был круговой дворовый волейбол, куда принимались тоже все поколения. Постепенно все ребята, подрастая, начинали ловко играть. В более взрослом возрасте играли по правилам, через сетку. Тут было больше болельщиков, чем игроков.

Да, у нас было хорошее и дружное дворовое сообщество. Здесь мы учились силе, ловкости, выдержке, а также взаимовыручке, доброте, умению радоваться друг за друга.

От автора: Я родилась в декабре 1936 года в городе Иркутске. Со дня рождения я жила в семье деда, отца моей мамы Николая Николаевича Бессонова, в доме 37 по улице Дзержинского. Дед был врачом, очень известным в Иркутске в 1920–1930-х годах. Он умер в начале войны в 1941 году.

Мое детство пришлось на военные и первые послевоенные годы. Мы жили тогда впятером: бабушка Анна Викторовна Бессонова, моя мама Наталья Николаевна Бессонова и трое ее детей — мой старший брат Володя, я и моя младшая сестра Ира. Дом, в котором мы жили, входил в состав бывшей усадьбы владельца Бромзона, состоящей из трех двухэтажных деревянных, с резьбой под крышей домов. Они сохранились и стоят до сих пор. Между домами — двор, где и проходили все наши детские игры.

В нашем дворе народу жило много. По-соседски жили разные люди: разных национальностей, интеллигентные и совсем простые, состоятельные и беднее, образованные и не очень, рабочие, служащие, много жило врачей различных специальностей. Всегда было много детей, не менее 10–15 человек разных возрастов. Приходили к нам играть и ребята из соседних дворов. В отношениях людей национальные и социальные различия не подчеркивались. Жили дружно, поддерживая и помогая друг другу. Дети тоже дружили между собой, не зная никаких различий. Я вспоминаю о своих дворовых друзьях с теплотой и благодарностью. Если мы сейчас видимся, то встречаем друг друга почти как родные.

Настоящая публикация является отрывком из моей книги воспоминаний о детстве «Земля и корни» (Иркутск, 2007).

ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ МУЗЕЙ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН

*Анна Юрьевна Майничева,
доктор исторических наук,
заместитель заведующего отделом
музееведения Института археологии
и этнографии Сибирского отделения
Российской академии наук,
г. Новосибирск*

С 1970 года по предложению академика А.П. Окладникова начал создаваться комплексный историко-архитектурный музей под открытым небом, где должны были размещаться предметы и постройки со времени появления первого человека на территории Сибири до начала XX века. Территория музея располагается в живописной местности в 4,5 километра от новосибирского Академгородка и составляет 46,5 гектара, из которых 17 гектаров пригодны для застройки.

Первоначально музей задумывался как общесибирский, где кроме уникальных археологических находок, культовых и оборонных сооружений должны были быть собраны подлинные здания, представляющие типичные для территориальных зон Сибири жилые и хозяйственные постройки. Всего предполагалось формирование трех зон: археологических памятников, жилищ аборигенов Сибири и деревянного зодчества русских с двумя секторами: Восточной и Западной Сибири. Преимущественно размещать в музее предполагалось крестьянские постройки, поскольку в 1970–1980-х годах считалось, что традиции этнической культуры сохраняются главным образом в крестьянской среде. В основу формирования секторов музея должны были быть положены тип и форма поселений с характерными для них крестьянскими дворами, включая бани, амбары, овины, колодцы, а также ветряные и водяные мельницы. Экспонаты предполагалось показывать в органической взаимосвязи с орудиями производства и предметами хозяйства.

Основу экспозиции сформировали археологические памятники от эпохи палеолита до раннего железного века, памятники архитектуры периода освоения русскими Сибири: шатровая церковь Спаса Нерукотворного Образа и колокольня из покинутого якутского города Зашиверска (XVII в.), Казымский (Юильский) острог (XVIII в.), привезенный с берегов притока Оби реки Казым. Церковь, колокольня и две башни острога и часть тына были реконструированы по проектам института «Спецпроектреставрация» (г. Москва).

В конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда были восстановлены Спасская церковь и башни Казымского острога, стало ясно, что план по вывозу и реконструкции огромного

числа построек выполнить невозможно, хотя нашим институтом совместно со специалистами из института «Спецпроектреставрация» и ведущими архитекторами Новосибирска Е.А. Ащепковым, С.Н. Баландным и их коллегами была проделана огромная работа по обследованию регионов Сибири для выявления типичных построек и памятников деревянного зодчества. Однако уже вывезенные крестьянские постройки вполне можно было использовать для восстановления типичной усадьбы русского крестьянина Восточной Сибири. Так было положено начало воссозданию усадьбы,

Камень с надписью на тибетском и старомонгольском языках: «На благо всех живущих на земле поставили. Иши, Аюши». Забайкалье. XVI–XVII вв. Такие камни устанавливались у дорог, источников, на перевалах

имеющей в своем составе избу, двухэтажный амбар, навесы, баню, погреб. Дальнейшее развитие социально-экономической ситуации привело к тому, что работа по формированию музея была свернута, часть построек, хранившихся в разобранном виде, в том числе буддийский дуган из Гусиноозерского дацана Бурятии, были переданы по просьбе местных администраций по месту их первоначального расположения.

В настоящее время музей находится в ведении сектора музейных технологий и реставрации отдела музееведения Института археологии и этнографии СО РАН, в составе которого два доктора исторических наук, два аспиранта, пять химиков-реставраторов высокой квалификации, инженер, плотники-реставраторы.

Для выполнения работ музей получает финансовую поддержку со стороны Сибирского отделения РАН и грантовую поддержку Российского гуманитарного научного фонда, налажена экскурсионная работа, ведется благоустройство территории. По результатам исследований выпущен ряд монографий (1–3). В сотрудничестве с различными фондами музей ведет научно-просветительскую работу. Так, при содействии мэрии Новосибирска и «Фонда поддержки 130-й школы» открыта Школа юных экскурсоводов, где высококвалифицированные специалисты прочитали лекции, провели практические занятия, подготовив учащихся к проведению самостоятельных

***Изваяние окуневской культуры.
Хакасско-Минусинская котловина.
2–3 тыс. до н. э.***

***Изваяние буддийского божества воды Лубан Жалбо Бурхана.
Забайкалье. XVIII–XIX вв.***

Казымский (Юильский) острог. XVIII в.

экскурсий. Выпущено электронное учебное пособие «Музей нужен всем: Школа юных экскурсоводов».

Сохранение уникальных памятников архитектуры является одной из основных задач музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН. Его историко-культурное значение со времени создания не только не утратилось, но и возросло. Кроме того, успешные экспедиции археологов и этнографов принесли новые находки, требующие больших экспозиционных площадей, что можно реализовать на территории музея. Учитывая многоаспектность видов деятельности музея, кроме штатных сотрудников требуется привлечение учреждений и организаций, специализирующихся в торговом, туристическом, строительном бизнесе, а также занимающихся культурно-массовыми видами работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курилов В.Н., Майничева А.Ю. Крепость и храм: Тенденции движения русской культуры в архитектурном творчестве. Новосибирск, 2003.

2. Майничева А.Ю. Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья: проблемы эволюции и контактов. Середина XIX – начало XX вв. Новосибирск, 2002.

3. Майничева А.Ю. Деревянные церкви Сибири XVII века: Формы, символы, образы. Новосибирск, 2000.

4. Окладников А.П., Ащепков Е.А., Гоголев З.В. Древний Зашиверск. Древнерусский заполярный город. М., 1977.

ОТКРЫТИЕ НОВОГО МУЗЕЯ

*Татьяна Николаевна
Гусейнова,
кандидат истори-
ческих наук,
доцент Восточно-
Сибирской
государственной
академии культуры
и искусств,
г. Улан-Удэ*

*Нина Дмитриевна
Нагайцева,
кандидат истори-
ческих наук,
доцент Восточно-
Сибирской
государственной
академии культуры
и искусств,
г. Улан-Удэ*

*Анастасия Николаевна
Тюрина,
корреспондент
газеты «Тарбага-
тайская нива»,
с. Тарбагатай
Тарбагатайского
района Республики
Бурятия*

В Забайкалье около 350 лет назад впервые появились семейские. Понятие «семейские» характерно только для Бурятии. В других местах они известны под названиями «старообрядцы», «староверы», «поляки», «кержаки», приверженцы старой, дониконовской веры. Эта своеобразная этническая группа русского населения края имеет свою, отличную от других культуру. За столь долгий срок пребывания здесь они сумели сохранить свою и материальную, и духовную культуру. Кто не знает добротных домов старообрядцев или знаменитых семейских сарафанов и запонов?

Староверы в Забайкалье были поселены целыми семьями и для отличия от одиночных ссыльных получили название «семейские» (от слова «семья»). Точные данные о численности старообрядческого населения в крае неизвестны. Есть сведения, что к началу 1795 года в двух уездах и трех церковных

округах насчитывалось 2 437 лиц мужского и 2 578 лиц женского пола, которые жили в 709 дворах, расположенных в 30 деревнях. В среднем лишь каждый пятый был переселенцем из Польши, остальные уже родились на новом месте. Темпы естественного прироста населения были очень высокими: за 20 лет численность населения увеличилась в два раза. Старообрядцы проживали в основном в четырех волостях Верхнеудинского округа — Тарбагатайской, Мухоршибирской, Куналейской (сейчас Бичурский район) и Урлукской, и составляли почти 60 % общего числа русских крестьян, живших в этих местах.

В настоящее время эти районы также остаются местами компактного проживания семейских, главным центром является село Тарбагатай. В селе часто бывают гости, которые знакомятся с культурой семейских. При Доме культуры действует Центр традиционной семейской культуры, созданы два фольклорных коллектива — «Судьбинушка» и «Былина», которые объединяют людей разных возрастов — от 15 до 70 лет. Творческая деятельность коллективов отражена в народном музее при Доме культуры села Тарбагатай, но бытовая культура, на наш взгляд, представлена в нем единичными экспонатами (книги старообрядцев, ордена, медали, письма участников Великой Отечественной войны, женские семейские костюмы и платки). И радует то, что этот пробел в настоящее время ликвидирован. 14 октября 2006 года в селе был открыт частный музей, отражающий культуру и быт семейских Забайкалья.

Музей создан на основе частной коллекции отца Сергия (Палия), священнослужителя местной действующей старообрядческой церкви. Это энергичный, любознательный и неравнодушный человек. В Бурятию он приехал еще в 1979 году и поселился в селе Куйтун, где построил первую церковь. Последние три года он живет в Тарбагатае и здесь занят строительством второй церкви, на которой осталось достроить колокольню и повесить колокола. Он строил церкви и параллельно собирал свою коллекцию.

Как пришла идея создания музея, как все начиналось, об этом рассказал сам отец Сергей. Собирать разные редкие вещи он начал с детства. Первым увлечением была нумизматика. Собирал различные денежные купюры и монеты. У своего деда он выпросил 5 копеек серебром, а у бабки в сундуке нашел несколько царских купюр. Потом в коллекцию попали церковные книги и иконы, и собирательство старинных вещей затянуло. Где бы ни был, куда бы ни забросила судьба, вез-

де приглядывал редкие предметы: просил у людей, покупал, иногда люди сами приносили ему что-либо. Когда еще жил в Куйтуне и строил там церковь, обнаружил во дворе старую мусорку-свалку, а оказалось, что это целый кладезь редких вещей — тут и старинные топоры, и скребки, и т. п. А еще, по словам отца Сергия, «самым интересным было порыться в амбарах на пятах (полках), куда закидывали в то время ненужное барахло». Под огромным слоем пыли именно там, на полках, он нашел лучшие экспонаты своей коллекции.

В течение длительного времени отец Сергий самостоятельно искал и приобретал у местного населения предметы быта семейских, да и не только их. Он собирал все старинные предметы, которые попадали в поле его зрения. В коллекции отца Сергия есть палеонтологические находки, такие как череп шерстистого носорога, череп буйвола, зуб, бивень и тазобедренный сустав мамонта и др. Интересна коллекция тульских самоваров, которые с 80-х годов XIX века стали важной деталью интерьера семейских домов в Забайкалье. Самовар был показателем достатка, богатства и гордости семейских.

С Урала в коллекцию попали каменные и чугунные пушечные ядра времен восстания Емельяна Пугачева и старинная кольчуга, которая пока в экспозиции не выставлена, как и

Отец Сергий в своем музее. Фото А. Тюриной

Помещение будущего музея до ремонта. Фото А. Тюриной

многие другие предметы, которых хватит еще не на одну выставку.

На открытие музея собрались в районном центре гости не только из района, но и из городов Улан-Удэ, Красноярска, Иркутска, Читы и др. В это же время в Тарбагатае проходил Всероссийский фестиваль старообрядческих художественных коллективов «Раздайся, карагод!», участники которого с интересом и любопытством рассматривали выставленные экспонаты. Представителей юга Красноярского края из детского образцового фольклорно-этнографического ансамбля «Тропина» (руководитель Елена Геннадьевна Вопилова, г. Дивногорск) привлекли к себе яркие узорчатые опояски семейских, и они долго стояли у этого раздела выставки. Во время беседы они отметили, что у них есть подобные узоры, но здесь они полные, а у них только фрагментарные. В основном мастерицы вышивают центральную часть узора. Интересовались старинными узорами девушки-подростки, которые, как выяснилось, и сами с удовольствием занимаются вышивкой. Это умение оказывает им помощь при изготовлении традиционных народных костюмов русского населения юга Красноярского края.

Внимание гостей также привлекла богатая коллекция кера-

Оформление экспозиции музея студентами кафедры музейных технологий ВСГАКИ. Фото А. Тюриной

мических изделий, в которой представлены горшки, крынки, кувшины. Особая гордость отца Сергия — это керамический дуршлаг, особый сосуд из глины с отверстиями для слива воды.

В экспозиции музея богато представлена одежда семейских Забайкалья. Это сарафаны, запоны, рубахи, кички, кокошники и платки. Есть здесь и образцы верхней одежды — тулупы, шубы, курмушки.

Большую группу экспонатов представляют орудия труда, которые связаны с разными ремеслами и занятиями крестьян. Среди них у посетителей вызвали интерес плуги и бороны, деревянные вилы, серпы для жатвы и цепи для обмолота колосьев, ручные мельницы. Возле экспонатов выставки разворачивались целые дискуссии о назначении и функциях предметов.

Известно, что семейские — умелые огородники. Они не только выращивают овощи, но и солят их впрок. И поэтому среди экспонатов почетное место занимают долбленные деревянные корыта и металлические сечки для рубки капусты.

В сборе экспонатов для музея большую помощь отцу Сергию оказали жители сел Тарбагатай, Куйтун, Десятниково и др. Среди них были семья Антоновых из села Надеино, Леон

Власович Афанасьев, Яков Иануриевич Степанов, Елена Евлампиевна Спиридонова и Иван Шурыгин из села Куйтун, Любовь Викторовна Поломошных из Мухоршибири, Анна Павловна Афанасьева из села Никольское, Наталья Иннокентьевна Максимова из Тарбагатая, Ананий Петрович Палий, Любовь Николаевна Туникова — жители уральского села Илек.

Коллекция отца Сергея насчитывает около 700 экспонатов, выставленных в помещении вновь созданного музея. Остальные пока, по словам отца Сергея, «ждут своей очереди в церковном подвале, откуда и начиналась жизнь современного музея». В подвале экспонаты были просто свалены в одну кучу, в прямом смысле этого слова. Места не хватало. Приходилось выставлять и показывать желающим совсем мизерную часть предметов. И даже сейчас, когда открылся музей, места для всех экспонатов все равно не хватает.

В связи с этим отец Сергей планирует расширить здание музея за счет пристроя, потому что хочется показать приходящим людям все экспонаты.

В открытии музея активное участие приняли тарбагатай-

Разбор будущих экспонатов музея. Преподаватель кафедры музейных технологий ВСГАКИ Н.Д. Нагайцева.

Фото А. Тюриной

ский предприниматель Л.Ф. Пластинина и декан факультета музейного дела и туризма ВСГАКИ, к.и.н., доцент В.В. Гапоненко, а преподаватели кафедры музейных технологий к.и.н., доцент О.Э. Мишакова, к.и.н., доцент З.А. Шагжина, к.и.н., доцент Н.Д. Нагайцева, к.и.н., доцент Т.Н. Гусейнова, преподаватель Т.В. Салдруева и студенты четвертого курса разобрали, обработали предметы, создали экспозицию и подготовили открытие музея.

Преподаватели и студенты кафедры музейных технологий помогли отцу Сергию, приняв участие в оформлении выставки, и надеются на продолжение сотрудничества в рамках проведения учебных и производственных практик, что будет взаимовыгодно и полезно. Первые результаты сотрудничества уже оценили посетители музея в день его открытия.

Настоящая выставка — это первый шаг в истории самого музея. В дальнейшем предстоит большая работа по его оформлению. Необходимо разработать научную концепцию музея, определить его статус, провести работы по научному комплектованию и организации фондов. Экспонаты надо по-

Работа над фрагментом экспозиции. Преподаватель кафедры музейных технологий ВСГАКИ О.Э. Мишакова.

Фото А. Тюриной

***Открытие музея 14 октября 2006 г.
Первые гости и посетители. Фото А. Тюриной***

ставить на учет, атрибутировать и описать, провести мероприятия по их консервации и реставрации.

У музея еще нет утвержденного названия, но ясно, что он нужен. Его коллекции вызывают интерес у людей разного возраста и разной национальной принадлежности. В день открытия в музей поступили новые предметы от жителей семейских сел Тарбагатайского района. И каждый день у отца Сергия появляются все новые музейные экспонаты. Уже после открытия музея была приобретена бочка из липы тех времен, когда первые семейские пришли в Тарбагатай из Вологды, принесли личную печать священника — настоятеля храма Зосима и Саватия Михаила Ивановича Писерёна. В музее появилось и много личных вещей священномученика Афанасия, епископа Иркутско-Амурского.

В ноябре среди посетителей музея были почетные гости — президент Республики Бурятия Леонид Васильевич Потапов с делегацией высокопоставленных лиц, а также ученый, исследователь, знаток семейских Фирс Федосович Болонев, который прилетел специально из Новосибирска. Музей оставил у высоких гостей самое благоприятное впечатление.

Это музей настоящей традиционной культуры семейских, старообрядцев Забайкалья, к созданию которого местные жители относятся с большим трепетом. Музей, как утверждают специалисты, имеет большой потенциал и перспективы для дальнейшего становления и развития.

ВЫСТАВКИ

ЧАЙ В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

*Александр Васильевич
Сакович,
старший сотрудник*

*Марина Леонидовна
Никифорова,
заведующая
научным отделом*

Архитектурно-этнографический музей «Тальцы», г. Иркутск

Тема чаепития с каждым годом приобретает все большую популярность, и не случайно русский писатель Ф. Соллогуб так выразительно назвал чай «отрадой русского человека во всех случаях его жизни». Иркутская газета «Восточное обозрение» еще в 1886 году писала: «Чаепитие в Сибири есть священнодействие. Не так важен обед, как чай... Хорошая хозяйка около самовара священнодействует» (1). Сегодня не только музеи, но и владельцы различных чайных заведений стремятся создавать выставки и интерьеры, посвященные давно полюбившемуся сибирякам напитку и связанным с ним традициям. Не стал исключением и Архитектурно-этнографический музей «Тальцы», в интерьере действующей «Чайной» которого летом 2007 года открылась выставка «Чай в Иркутской губернии в конце XIX – начале XX века».

Чай в России пили по-разному. С тех пор как русский посол Василий Старков вернулся в Москву с чайными подарками от алтынских ханов, прошло почти 300 лет. Изменились не только вкусы, но и сами традиции чаепития, а также способы, приемы и посуда для приготовления чая. Неизменной

осталась только любовь сибиряков к этому, когда-то экзотическому, напитку.

На выставке представлены различные виды чайной посуды, предметы, связанные с торговлей чаем, а также упаковки от различного печенья, конфет и других сладостей к чаю; показано, какой чай и из какой посуды предпочитали пить разные слои населения, как менялись вкусы потребителя в зависимости от его социального статуса.

Торговцы чаем всегда учитывали потребности разных слоев населения. Самым распространенным был «народный» — кирпичный чай. Его пили в основном низшие слои общества, а также инородцы. Чай варили в котлах или чайниках, в крестьянском быту для питья широко использовались так называемые чинаковки — деревянные, из березового капа, чашки с короткой ручкой. Сибиряки кроме кирпичного употребляли и другие виды чая. В торговых ведомостях Иркутска в числе китайских чаев, продаваемых на иркутском рынке, значатся такие, как жулан насыпной и жулан бортогон, байховый насыпной и зеленый простой чай в бахчах (коробках, бумажных пакетах).

Купцы и горожане предпочитали более дорогие сорта чая. Прежде всего речь идет о байховых чаях, которых было три сорта: торговый, или черный, цветочный и обыкновенный.

Заметим, что иногда случались сбои в торговле чаем, во время таких перерывов многие жители Сибири, привыкшие к этому напитку, заменяли чай дикорастущими травами — иван-чаем и баданом.

Практически ни одно чаепитие первоначально в купеческой, а позже и в крестьянской среде не обходилось без самоваров, которые уже в XVIII веке были широко распространены в России. Самовары были разнообразны по форме («банка», «рюмка», «ваза», «яйцо»), объему и металлу, из которого они были изготовлены (медь, латунь, серебро, чугун).

Крестьяне приобретали самовары на ярмарках, в сельских лавках, городских магазинах. На крупных ярмарках, таких как Макарьевская, Ирбитская, Нижегородская, имелись специальные самоварные ряды, где изделия продавали поштучно и на вес. Стоимость их была различной и зависела от размеров, наличия украшений, а также от известности фабрики, на которой их изготавливали. Самовары на вес продавали оптом и в розницу по 15 рублей за пуд (16,38 кг). Их изготавливали на самоварных заводах Тулы, Москвы, Екатеринбурга и некоторых других уральских городов. Хорошо были известны фабрики Назара Лисицына, Василия и Ивана Ломовых, Ильи Федо-

рова, крупные производства Баташевых, Тейле, Шемариных, Маликова, к концу XIX века их насчитывалось более сотни. На самоварах обычно ставились фабричные клейма и выбивались медали, полученные фабрикой на промышленных выставках.

В русской деревне самовары ценились очень высоко. Хорошие самовары нередко давали дочерям в приданое.

Самовар считался символом уюта и благополучия. Как правило, у самовара собирались по случаю разных знаменательных дат, праздников, да и просто для дружеской беседы. К чаю чаще всего подавалась местная выпечка: бисквиты, пирожки с вареньем, лепешки, хворосты, шаньги — всего не перечислить.

В XVIII веке все неиспользованные ресурсы прикладного искусства воплотились в самоваре. Из утилитарного сосуда он стремительно становится центром дома и семьи. В XIX веке уже нет классика литературы, не упоминающего о самоваре. В живописи он стремительно проходит путь от олицетворения мещанства — у П.А. Федотова, до поэтического символа купеческой жизни — у Б.М. Кустодиева и до символа патриархального крестьянского быта — у Н.П. Богданова-Бельского.

Выставка рассказывает также о Чайном пути и наиболее известных иркутских чаеоторговцах.

О том, как возник торговый путь из Китая в Россию через

**Чайный магазин Полякова в Иркутске (справа).
Открытка начала XX в.**

Кяхту, написаны десятки книг и статей, и мы не будем останавливаться на известных фактах. Напомним лишь некоторые важные вехи.

В XVII веке из Китая и Центральной Азии в Сибирь потянулись караваны первых торговцев. На карте России стали появляться новые торговые маршруты. Один из таких путей, соединивший Запад и Восток новыми связями, и получил название Чайного пути. Чай, наряду с пряностями, курительным табаком, сахаром-леденцом и «мягкой рухлядью», был одной из самых доходных статей в торговле между Востоком и Западом.

В Россию чай был привезен при царе Михаиле Федоровиче. В Москве его стали продавать в конце XVII века. Большая часть чая доставлялась туда через Архангельск голландцами и португальцами.

Значительно раньше с чаем были знакомы монголы, буряты и другие народы Сибири, живущие вблизи от китайских границ. «К тому времени, когда была учреждена русская караванная торговля с Китаем, чай у этих народов был уже в широком употреблении. Потребление чая у русских в Сибири начинает увеличиваться с 1706 года, когда частные купцы перестали ездить в Пекин и установили торговлю в Урге» (3, с. 146).

Официальной датой появления чая в Иркутске можно считать 1684 год, когда к стенам острога подошел из Северной Монголии торговый караван. На 170 верблюдах были достав-

***Жестяные банки и походная офицерская кухня. Фрагмент выставки.
Фото М. Никифоровой***

***Столик, накрытый для чаепития.
Фрагмент городского интерьера.
Фото М. Никифоровой***

лены чай, табак, китайские ткани.

С установлением торговли в Кяхте ввоз чая начинает возрастать с каждым годом. Подробные данные о ввозе чая известны с 60-х годов XVIII века. «В период с 1762 по 1785 год из Кяхты ежегодно вывозилось чая байхового до 8 тыс. пудов, жулану — 4 тыс., зеленого чая — до 400 пудов, кирпичного — до 17 тыс. пудов и других сортов — до 100 пудов, а всего немного менее 30 тыс. пудов» (3, с. 146). В 1800–1840 годах вывоз чая вырос в 5,2 раза, а с 1775 по 1851 год — в 30 раз.

Доля чая в импорте в 1825 году составила 90 %.

Из Кяхты чай попадал в разные уголки страны, преодолевая на своем пути множество препятствий, начиная от всевозможных таможенных пошлин и заканчивая постоянными угрозами потери товара из-за плохих погодных обстоятельств, трудностями транспортировки и опасностью нападения разбойничьих шаек. Его везли на кораблях, быках, лошадях и верблюдах, самых быстрых средствах передвижения в то время.

От Тунжоу (ныне пригород Пекина) до Калгана (ныне г. Чжанцзякоу) чай везли больше на мулах: «...из Калгана необходимо отправлять чаи ранней весной на складку в Улясутае до сентября; при осенней отправке из Калгана чай ни в каком случае не дойдет до ирбитской ярмарки» (2, с. 185). «... От Калгана до Шабартая перевозочными средствами служат

весною и зимою верблюды, а летом, также весною и для запоздавших зимних грузов — двухколесные телеги (чец-зы) на быках; один бык везет 6–7 мест. (Место чая — тюк чая весом 107 фунтов — около 44 кг). Вьюк одного верблюда — четыре ящика байхового чая; если везут кирпичный, то четыре ящика по 56 досок или три по 64 (два по бокам и один сверху)» (4, с. 485).

С ноября, когда заканчивался подножный корм для рогатого скота и перевозка товаров на быках становилась практически невозможной, их заменяли верблюды. Немецкий путешественник из Петербурга И. Георги указывал, что в караванах было по 50 и более этих выносливых животных.

Караваны подходили к гостиному двору в Кяхте, и здесь начиналось настоящее действо — под крики и перебранку караванщиков, рев верблюдов и ржание лошадей чай разгружался, взвешивался, проверялся на качество, в зависимости от сорта упаковывался в ту или иную специальную тару, воровался савошниками (3/4 всего привозимого в Кяхту чай разворовывалось и продавалось потом вразнос на различных толкучках, рынках, ярмарках).

В условиях полного бездорожья, малочисленности местного населения основными транспортными магистралями в Сибири были реки. Исключительную роль играл Байкальский бассейн, охватывающий огромную территорию от Енисея и Лены на севере до Монголии и Амура на юге. Однако движение по водным путям было опасно и требовало больших денежных и физических затрат. Товары неоднократно приходилось перегружать с дощаников на подводы в местах волоков и обратно.

Случались и кражи товара. Сплавщики загоняли дощаники в протоки, переносили вещи на берег и прятали. А потом подстраивали аварию — сажали транспорт на мель или пускали на дно, «чтобы спрятать концы в воду».

«Собственно чайный путь по Монголии — от Калгана до Кяхты имеет протяжение 1 267 верст. Все же расстояние от Ханькоу до Тунчжоу — 2 700 верст водного пути и от Тунчжоу до Кяхты — 1 300 верст сухопутного, всего 4 200 верст; если прибавить 5 800 верст от Кяхты до Москвы, то получится около 10 тыс. верст — немного менее диаметра земли. На преодоление этого пространства уходит около 7–8 месяцев, так что сбор настоящего года попадает на ярмарки следующего года: на Ирбитскую через 6–7 месяцев, на Нижегородскую через 14–15 месяцев» (4, с. 483–484).

«На всем сибирском пути товары приходилось перегружать по несколько раз; суда, на которых их везли, требовалось иног-

**Чаепитие в поле.
Фрагмент крестьянского полевого
стана. Фото М. Никифоровой**

да тянуть против течения. Случалось, что канаты, с помощью которых поднимали суда вверх по реке, обрывались, и тогда нередко гибли не только грузы, но и люди, находившиеся на судах. На волоках дороги содержались в запущенном состоянии: заваленные камнями, лесом, с прогнившими мостами; зимовья, где купцы делали привалы, были безлюдны и „оттого приезжающие как в пище, так и в обогревании себя и в корму лошадином претерпевали великие недостатки“» (3, с. 177).

Почти до конца XIX века чай в Россию продолжал

поступать из восточных и южных китайских провинций. И главным городом в торговле между Россией и Китаем по-прежнему была Кяхта, заслуженно названная современниками «сибирской Венецией».

Половина всего ввозимого из Кяхты китайского чая оставалась в Сибири, преимущественно в Иркутской губернии.

Благодаря развитию чаеоторговли большое распространение получил извозный промысел как среди жителей Иркутской губернии, так и среди бурят, живших ближе к торговым путям, особенно у кударинцев и селенгинцев. В летнее время кударинцы возили грузы, в основном китайский чай, от Кяхты до Байкала. Главным пунктом доставки этих грузов была Чертовкина пристань, откуда товары отправлялись дальше по Байкалу. В зимнее время грузы везли прямо до Иркутска, а

оттуда до Кяхты отправлялись российские товары, прежде всего меха, мануфактура и заводские изделия.

Несмотря на неразвитость сухопутных дорог, в Иркутск ежегодно приходили сотни обозов. Так, осенью 1718 года в город пришло 328 подвод с разными товарами. В это время в Иркутской губернии были представлены все основные формы торговли: развозная, ярмарочная, стационарная. До середины XVIII века господствовала караванно-развозная.

Во второй половине XIX века кяхтинская торговля постепенно теряет свои позиции, несмотря на это, иркутские чае-торговцы по-прежнему остаются крупнейшими поставщиками различных сортов чая на российский рынок. Более того, они все настойчивее стремятся проникнуть на рынки Монголии и Китая. Уже в 1860-х годах некоторые из них смогли перенести торговые операции на территории сопредельных стран. В 1863 году возникла чайная фирма иркутян Н.Л. Родионова и И.С. Хаминова, которая владела чайными плантациями близ города Ханькоу (ныне часть г. Ухань). В 1876 году это предприятие приобрел иркутский купец П.А. Пономарёв, который значительно расширил производство. Кроме того, он построил три фабрики по изготовлению плиточного и кирпичного чая. Магазины Пономарёва имелись во всех крупных городах Сибири. Фирма «Пономарёв и К°» установила деловые отношения с Японией, Турцией, рядом стран Европы.

Со временем чай стал настолько популярным напитком, что его было принято преподносить в качестве подарка даже высокопоставленным особам. Так, в конце XIX века, когда будущий император, цесаревич Николай, совершая путешествие через Индию, Китай и Японию, прибыл в Забайкалье, губернатор от имени благодарного купечества, торгующего в Кяхте, преподнес ему огромный ящик с шестью сортами лучшего китайского чая.

Сибиряки просто не мыслили свою жизнь без крепкого ароматного напитка, который пришелся по вкусу всем слоям населения и стал незаменимым продуктом на столе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Восточное обозрение. 1886. № 19.
2. Немчинов. От Калгана до Хобто // Труды русских торговых людей в Монголии и Китае. Иркутск, 1890.
3. Силин Е.П. Кяхта в XVIII веке: Из истории русско-китайской торговли. Иркутск, 1947.
4. Субботин А.П. Чай и чайная торговля в России и других государствах. СПб., 1892.

III Международная научная конференция «Русская Америка». 8–12 августа 2007 г. Иркутск, Россия.

Проведенная в Иркутске III Международная научная конференция «Русская Америка» подхватила эстафету Первой и Второй Международных конференций, состоявшихся соответственно в 1979 и 1987 гг. в г. Ситка (США, штат Аляска). Учредителями III Международной научной конференции «Русская Америка» явились Федеральное агентство по культуре и кинематографии, Департамент культуры и архивов Иркутской области, Служба по охране культурного наследия Иркутской области и Государственное учреждение культуры Архитектурно-этнографический музей «Тальцы».

Главной целью проведения конференции явилось налаживание контактов между специалистами музеев и иных исследовательских учреждений России и США, а также определение объема сохранившегося в мире материального наследия культуры, связанного с деятельностью Российско-Американской компании, определение дальнейших путей его сохранения и популяризации, в том числе через музейные формы.

В ходе работы конференции были обсуждены следующие проблемы:

- история Российско-Американской компании и русских в Америке;
- миссионерская деятельность Русской православной церкви в Сибири и Северной Америке;
- этнология коренных народов востока России и Аляски;
- история взаимоотношений народов России и Северной Америки в новейшее время.

В ходе работы конференции состоялся обмен информацией по археологии, истории, музейным собраниям, образовательным инициативам и другой деятельности по теме «Русская Америка», установлены рабочие контакты между специалистами учреждений культуры России и США, высказаны предложения по созданию новых музеев, в том числе музея «Русская Америка» в г. Иркутске.

В рамках конференции были проведены также международные археологические раскопки на территории сохранившегося здания конторы Российско-Американской компании в Иркутске (ул. Сурикова, 24). Участники конференции познакомились с экспозициями и коллекциями исторических и художественных музеев городов Иркутска и Шелехова, посетили Кругобайкальскую железную дорогу — памятник природы, истории и культуры всероссийского значения, а также мемориальный дом-музей святителя Иннокентия (Вениаминова) в с. Анга Качугского района Иркутской области.

Гурулёв С.А. Чай: словарь-справочник. — Иркутск, 2006. — 244 с.

В словаре собраны термины, относящиеся к выращиванию чайных кустов, к производству чая и его торговле, к употреблению этого широко распространенного напитка. Всего рассмотрено около 1 500 названий. При этом особое внимание уделяется терминам, сложившимся у русских-сибиряков, а также у коренных народов Сибири.

Соловьёва М.Р. Крестьянская община в Сибири: испытание ссылкой и каторгой (по материалам устной народной прозы). — Иркутск: «Репроцентр А1», 2006. — 102 с.

Монография посвящена исследованию устных рассказов и преданий русских старожилов Восточной Сибири о ссылке и каторге и, в частности, о таком их болезненном проявлении, как бродяжничество, обилие беглых. Ссылка в Сибирь как социальное явление стала серьезным испытанием нравственных устоев крестьянского сословия. В работе раскрывается роль сельской территориальной общины в обеспечении духовного здоровья сибирского крестьянства, выявляются основные сюжеты и мотивы данного тематического цикла. Исследование основано на многолетних полевых изысканиях, большая часть которых была осуществлена под руководством известного сибирского фольклориста В.П. Зиновьева.

Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. — Иркутск, 2007. — Т. 1. — 576 с.; Т. 2. — 560 с.

Первый и второй тома двадцатитомного «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири» содержат около полутора тысяч диалектных слов, фразеологизмов, зафиксированных у русских старожилов Байкальской Сибири в период с 1980 по 2006 г. Особенность словаря — в материале, иллюстрирующем значение слова/фразеологизма, в качестве которого выступает связный текст. Большинство текстов обнаруживают жанровую природу произведений устной народной прозы. Их сюжетно-тематический состав отличается разнообразием. Главным образом это устные народные рассказы о традиционном укладе жизни (охоте, рыболовстве, земледелии, общинных обычаях, обрядах), историческом прошлом; рассказы, повествующие о верованиях, нравах; тексты, воспроизводящие особенности психологии русских крестьян Сибири, их мировидение. Широта и характер контекста делают словарь культурно-историческим, этнографическим источником.

СКАЗКИ

*Игорь Петров***В НЕКОТОРОМ ЦАРСТВЕ**

В некотором царстве, в некотором государстве жил Царь-государь. Жил себе и жил, но начал он вдруг замечать, что все стало ему не в радость — ни еда, ни питье, ни увеселенья и праздники. Перестали радовать Царя и молоко птичье, и мед лунный, и нектар пчелиный. Даже скомоорохи придворные как-то невесело начали шутить.

Призадумался Царь и решил узнать у бояр, а как они живут — хорошо ли, весело ли? А те в один голос говорят: «Ой, плохо, Царь-батюшка! Золота мало, серебра мало! Камней самоцветных и того меньше. Не жизнь, а сплошное мученье».

Тогда позвал к себе Царь купцов.

— А вы, — спрашивает, — хорошо ли живете?

— Плохо, — отвечает главный купец. — Еле-еле на собольи шубы да шапки наторговываем. И всего-то по сто кораблей с товаром каждый месяц за море отправляем.

«Да, — решил Царь, — видно, что-то неладное творится в моем государстве, ежели не только мне плохо, но и боярам и купцам тоже житье не в радость». Сел у калитки печалиться. Идет мимо мужик. Такой радостный, такой счастливый, каких Царь среди бояр и купцов отродясь не видывал.

— Ты чего, — спрашивает Царь, — радостный?

— А хорошо мне, вот и радуюсь, — отвечает мужик.

— Хорошо?! — удивился Царь и чуть с лавочки не свалился. — Как это так хорошо, когда во всем царстве плохо? Мне плохо, боярам плохо, купцам тоже плохо... Ты часом не ошибся?

— Э, ваше царское величество, — говорит мужик, — купцы да бояре еще не все царство. Ты про мужиков забыл, а они не привыкли печалиться.

— Это еще почему? — спросил Царь.

— Будем печалиться, с голоду помрем.

— А что, и дома у тебя хорошо? — интересуется Царь.

— Так точно, — улыбается мужик, — хорошо.

— И денег много?

— Совсем нет.

— Чего ж хорошего-то? — удивился Царь.

— Сейчас нет, потом будут. Вот выращу пшеницу, поеду на ярмарку, продам, деньги и появятся. А когда деньги будут, праздник устрою. Накуплю подарков разных: жене, деткам... ну и про себя, конечно, не забуду.

Ушел мужик, а Царь сидит и вслед ему смотрит. «Мне плохо, — думает он, — боярам плохо, купцам тоже плохо, а мужику, видите ли, хорошо. Не иначе он секрет какой знает».

Вскочил Царь и побежал за мужиком.

— Эй, мужик, подожди! А не мог бы ты меня с собой взять и показать, как хорошо жить надо?

— Отчего же не взять? Возьму.

Вот приходят они в дом к мужику. А он маленький, кривенький, почти наполовину в землю врос. Вскочили навстречу мужику жена и дети и давай его обнимать да целовать. А мужик развернул платок и детям по прянику дал, а жене колечко простенькое подарил. Дети рады, жена счастлива.

«Да, — думает Царь. — Мои-то меня за такие подарки и во дворец-то не пустили бы. Им что ни дари, все мало».

Вот сели за стол обедать. Поставила жена мужика на стол чугунок с картошкой.

— Угощайся, Царь-батюшка, — говорит мужик. — Чем богаты, тем и рады.

Взял Царь картошку, повертел в руках, понюхал, но есть не стал, побоялся.

А мужик поел, перекрестился и говорит:

— Хорошо.

— Да чего ж хорошего-то? — рассердился Царь.

— Как чего? — удивился мужик. — Еда есть, крыша над головой есть, солнышко светит. Хорошо.

— Да какая же это еда?! Картошка в мундирах! Дом маленький, вот-вот развалится. Ну а солнце, так оно всегда светит. У меня и еда лучше, и вместо дома дворец, но все равно плохо...

Смотрел-смотрел на него мужик и говорит:

— Да если все время повторять: «Плохо! Плохо!», то и в самом деле плохо будет.

Посидел Царь, подумал, поблагодарил мужика и ушел. А

на следующий день к мужику в гости бояре да купцы пожаловали, поглядеть, как надо хорошо жить...

КАК ДУРЕНЬ ЛОДОЧНИКОМ БЫЛ

Слонялся дурень без дела, вот старший брат и решил его своему ремеслу обучить. «А что, — думает он, — вон младший какой вымахал! Здоровенный, что бык племенной: ростом под два метра, ножища как столбы, ручища как клешни! Славный лодочник выйдет». Разбудил дурня как-то утром и говорит:

— Вставай, на работу пора.

А тот:

— Какую работу? Я же дурень!

— Знаю, что дурень, но и дурню надо когда-нибудь за ум браться.

Обиделся дурень на брата и пошел родителям жаловаться:

— Мам, а что меня брат на работу гонит?

— Ничего, милый, все рано или поздно начинают работать.

— Так я же дурень!

— Ну так и что? — погладила его мать по голове. — Подумаешь, беда: счастливей будешь.

Пошел дурень к отцу.

— Тять, а тять! Меня на работу гонят.

— Ну и иди, раз гонят, — зевнул отец.

— Так я же дурень!

— А я, по-твоему, что, умный, что ли? — рассердился отец. — Всю жизнь проработал, а всего добра-то нажил — тебя да брата твоего. Одна радость, что хоть корова есть.

Видит дурень, что все против него ополчились, набычился и за братом на речку поплелся.

Приходят братья на берег. Старший и говорит:

— Садись в лодку да смотри, что я делать буду.

— А чего смотреть-то! Нечто я никогда не видел, как ты палками по воде водишь?

— Не палками, а веслами, — поправил брат дурня.

— Какая разница, все равно противно...

Вот уселись братья в лодку.

— Видишь, как я гребу?

— Вижу, — кивнул дурень, — не слепой! Когда обратно-то пойдем?

— Погоди немного, только пришли, — говорит старший брат. — Ты меня понял?

— Понял...

— Ну, тогда ты попробуй, да смотри аккуратно, не спеши. Передал старший брат весла дурню, а тот как налег на них со всей дури, те и сломались.

— Что ты наделал?! — рассердился старший брат. — Ты же весла сломал!

— Вижу, что сломал. Когда обратно-то пойдём?

— Я вот тебе покажу обратно! — замахал кулаками старший брат. — Ты у меня сегодня вообще домой не пойдёшь.

— Ну и ладно, — почесал голову дурень. — Тогда буду ждать завтра.

Оставил старший брат дурня на берегу, а сам за новыми веслами ушел. Приходит назад и говорит:

— Я новые весла принес.

— Ну так и что, — лыбится дурень, — я и их сломаю.

— А если ломаешь, то калач не получишь.

Достал старший брат из-за пазухи калач и дурню показывает.

В общем, уговорил старший брат дурня не сильно грести. Поплавали они на лодке туда-сюда, с одного берега на другой, старший брат и говорит:

— Молодец, все у тебя получается, все удастся: хороший из тебя лодочник выйдет. Держи калач.

А дурень и рад, что его похвалили: жуёт хлеб, улыбается.

— А теперь один попробуй, без меня, — говорит старший брат.

Вылез из лодки и оттолкнул ее от берега.

Плывет дурень по реке, довольный.

— Ну как, — спрашивает старший брат, — все в порядке?

— Да, — кричит дурень, — в порядке, только вот вода на дне лодки появилась!

— Это ничего, — успокоил дурня старший брат. — Когда воды много наберется, ты ее ковшом вычерпай. Понял?

— Ага, — говорит дурень, — понял.

Прошло несколько дней.

— Ну вот, — говорит старший брат, — теперь ты настоящий лодочник. Завтра один, без меня, на реку пойдёшь, станешь людей с берега на берег перевозить.

— Ладно, — говорит дурень, — пойду.

А сам думает: «Возьму с собой топор, а то надоело воду из лодки ковшом вычерпывать. Мой брат хоть и умный, а догадаться не может, что надо в днище дырку сделать, вода сама и уходить будет».

На следующий день посадил дурень в лодку тетку с мешками и повез на другой берег. Только доплыл до середины

реки, смотрит, на дне лодки вода появилась. Достал дурень топор и давай лодку рубить.

— Ты что же, окаянный, делаешь! — закричала на него тетка.

— Не боись, — успокоил ее дурень. — Сейчас воду спущу и дальше поплывем.

Прорубил дурень лодку, она и ко дну пошла...

Хорошо, люди поблизости были — спасли дурня и тетку, а лодку с мешками так и не удалось достать...

ДОБРЫЙ МЕДВЕДЬ

В одной деревне, недалеко от дремучего леса, привыкли люди ничего не делать, надеясь на доброго медведя. Каждую весну появлялся он из лесной чащи с большим коробом на спине и, достав из него птичьи перья, втыкал в землю. И вырастали из этих перьев то рожь, то горох, то овес.

Так и жили люди, ни о чем не заботясь, ни за что не переживая, пока не захотелось им большего — больше гороха, больше овса, больше ржи. И послали они одного местного молодца проследить за медведем, чтоб узнать, где он живет и где хранит свои волшебные перья.

Пошел этот молодец за медведем и, когда зверь присел отдохнуть, украл у него короб, принес в деревню и отдал людям. Долго спорили люди, что делать с перьями, — почти всю весну и все лето, и лишь осенью, перед наступлением холодов решили не ждать следующего года, а посадить перья в землю. Только одно их смущало, какие из них сажать? То ли красные, то ли синие, то ли желтые, то ли еще какие... Наконец, выбрали синие перья, и, под самый новый год, выросли в поле цветы диковинные, из которых повыпрыгивали ледяные кузнечики и начали снег есть.

— Что же это делается?! — испугались люди. — Съедят кузнечики снег, и не будет весной влаги, и засохнет земля.

И стали они тех кузнечиков прутьями да палками разбивать. Били-били, били-били, почти три месяца били, прежде чем от кузнечиков избавились.

«Впредь, — подумали люди, — умней будем и посадим не синие, а красные перья». Воткнули в снег красные перья, и вскоре выросли в поле такие же, как и раньше, цветы, только появились оттуда не ледяные кузнечики, а песчаные птицы и начали кружить над домами. И налетели на деревню пыльные бури, да такие сильные, что и из дома не выйти.

Посидели люди в избах, посидели день, другой, а потом

вышли на улицу и принялись птиц шестами сбивать. Кое-как и от этой напасти избавились.

В третий раз посадили люди желтые перья.

Долго ничего не выросло в поле, а когда выросли цветы знакомые, то повылазили из них жабы огненные и стали все вокруг жечь: и траву, и деревья, и дома... Все сожгли, ничего не оставили.

Погоревали люди, погоревали, да делать нечего, за топоры да за пилы взялись и отстроили новую деревню. С тех пор пришлось им самим и пахать, и сеять и не надеяться больше на доброго медведя.

СЫНОК

На берегу озера жила одна семья: отец, мать и сын. Отец охотился и ловил рыбу, мать работала на огороде, а сын целыми днями играл с котом или лежал на печи. И о чем бы его ни попросили родители, у него на все был один ответ — «неохота».

Один раз, когда в доме закончились дрова, отец сказал:

— Возьми лодку и сплавай на другой берег озера, привези дров.

— Неохота, — отвечает сын.

— Как это неохота? — рассердился отец. — А мне, думаешь, охота каждое утро вставать и идти ловить рыбу?

— А ты не вставай, — говорит сын.

— А что же мы тогда есть будем? — спросил отец.

— Кору погрызем.

— Да как тебе не совестно, сынок, — пристыдила его мать. — В доме дров нет, а ты препираешься.

— Ладно уж, — слез с печи сын, — так и быть, сплаваю за дровами. Только быстро не ждите, как получится.

Сел он в лодку и поплыл. И так медленно, так неторопливо, что глядеть противно. Сделает веслом гребок — посидит, подумает. Еще сделает — опять посидит, подумает, по сторонам посмотрит.

Взирал-взирал на это отец, не выдержал и в дом ушел.

А мать кричит:

— Сынок! Ты бы поспешил, а то мне обед готовить нужно!

— Успеется, — отвечает сын. — Куда торопиться?

Прошло два часа, а он едва от берега отплыл. Пришлось родителям всухомятку обедать.

Наступил вечер, а сын все на том же месте гребет.

— Может, вернешься? — крикнула мать. — Ночь на дворе.

— Не поспею, — говорит сын, — придется тут заночевать.

Прошла ночь... Посмотрел утром отец на озеро, а лодка ничуть не продвинулась.

— Ладно, возвращайся домой! — крикнул отец. — А то по тебе кот скучает.

— Нет уж, — заупрямился сын. — Вам же дрова нужны.

За весь следующий день он проплыл метра три, не больше. За второй и того меньше...

Прошла неделя, затем другая, потом месяц... К осени доплыл наконец сынок до середины озера, а там и зима началась. Ударили морозы, запуржило, завьюжило, и вмерзла лодка в лед.

Пришли отец с матерью к сыну и говорят:

— Возвращайся обратно.

А он:

— Нет уж, останусь здесь зимовать, а то вы мне дома другую работу найдете.

Целую зиму ходили родители к сыну по льду, носили ему попить, поесть, а он в лодке спал.

Наступила весна, растаял лед, и сынок продолжил путь. За лето с горем пополам доплыл он до другого берега, а там и опять зима пришла. Вырыл сынок в снегу берлогу и проспал до следующей весны... Потом целый год дрова собирал, а два других — домой добирался. Когда же, наконец, сынок вернулся назад, то родители уже и забывать начали, за чем его посылали...

Прошло время, стала как-то мать готовить обед.

— Надо же, — всплеснула она руками, — в доме опять дров нет!

— Может, мне сплавать? — зевнул сынок.

— Нет уж, лежи, — засобирался отец, — лучше я сам...

*Об авторе: **Игорь Федорович Петров** родился в 1955 году в г. Кемерово. Специалист в области духовной культуры личности, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАЕН. Преподавал в Орле и Тюмени. В настоящее время работает в Кемеровском государственном университете культуры и искусств на кафедре философии. Автор множества книг для детей. Среди них: «Варенье из земляники», «Болотная страна», «Лимонадия», «Круг», «Планета Конфета», «Прыжок в стакан», «Горные старцы», «Цветок Ваты», «Золотое зерно».*

Собирает поддужные колокольчики и утюги.

ЗАГОВОРЫ*

ЗАГОВОР ДЛЯ «ПРИСУШКИ» ДЕВИЦЫ ИЛИ ПАРНЯ

«Как с гуся вода, так с меня худоба — на легкость, на здравие, на Божью милость. Черти, черти, чертенята! Поезжайте на Каму, наберите песку, нагоните тоску на раба Божия (имярек), чтобы он сохнул и вянул по рабе Божьей (имярек). Как сохнет и вянет в поле цветок в жаркую пору без дождя, без росы, так сохнул бы и вянул раб Божий (имярек) по мне рабе Божией».

Заговор произносится над пряником, который дается предмету «присушки».

«ПРИСУШИТЬ» ЛЮБИМОГО ЧЕЛОВЕКА

Чтобы присушить любимого человека, надо купить «канфетку», идти с ней в баню, вспотеть и говорить, держа ее в руке: «Как пот сохнет, чтобы раба Божья Марфа обо мне сохнула и вянула».

С таким наговором «канфетку» дать съесть Марфе, которая непременно будет сохнуть и вянуть по Ивану.

ОТВОРОТ

Перехожу я, раб Божий Данило, через реку огненну, летает змей огненной, из роту пламя пышет, из ноздрей искры летят, из ушей дым идет, как этого ада змия огненного боятся волки и звери, и рыбы, крестьяна и больши люди, так бы раб Божий Данило боялся бы рабы Божией Парасковьи, как кошка и собака бьются, царапаются, так бы он, раб Божий Данило, рабу Божию Парасковью бил и колотил, бился и колотился, никогда бы раб Божий Данило на очи не пускал бы ни днем и ночью и в кампанье на очи не пускал бы рабу Парасковью. Будьте мои слова крепки и лепки, задни и передни, дуть и не отдуть, плевать и не отплевать и никому не пособить во веки веков. Аминь.

* Публикуются по: Сибирский архив. 1916. № 3–4. С. 187, 192; № 5. С. 218; Труды Иркутской ученой архивной комиссии. Иркутск, 1914. Вып. 2. С. 99–108.

ЧИРЬЕВЫЕ ЗАГОВОРЫ

1. «Чирей, чирей! Сядь пошире, а вокруг его — четыре. Место просто — сядь девяносто».

Заговор произносится три раза.

2. «Не от быка молока, не от коня воды, не от чирья гною. Как сук сохнет, так и чирей сохни».

В момент произнесения заговора знахарка и больной стоят около стены дома, где в бревне имеется сук. Как чирей, так и сук очерчиваются кругом три раза. Наконец, знахарка давит стержень чирья безымянным пальцем и трижды крестит.

ЗАГОВОР ОТ ЗМЕЙ

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Как у раба Божья Ивана во рту язык сохнет, так чтобы у треклятой змеи во рту жало посохнуло. Аминь».

ЗАГОВОРЫ ОТ КРОВИ

Чтобы унять кровь, если она «шибко» течет из носа или раны, говорят один из следующих заговоров:

а) «Матушка Пречиста Богородица, встань из гробницы, пособи голову снять да кровь у раба Божьяго унять».

б) «На море на окияне, на острове на буяне, стоит церковь-собор, в ней стоит престол; на престоле сидит Матерь Божия. Она шьет, вышивает в три булатных иглы, в три нитки бумажных. Одна нитка оборвалась, руда унялась у раба Божьяго Петра».

ЗАГОВОР ОТ ЗУБНОЙ БОЛИ

Стать лицом на восток, следует смотреть на молодой месяц и читать «Отче наш» три раза, а затем следует сказать: «Засим и Саватей, на Соловецком острове помилуйте меня, раба Божьяго Петра, от зубной болести, исцелите мои зубы».